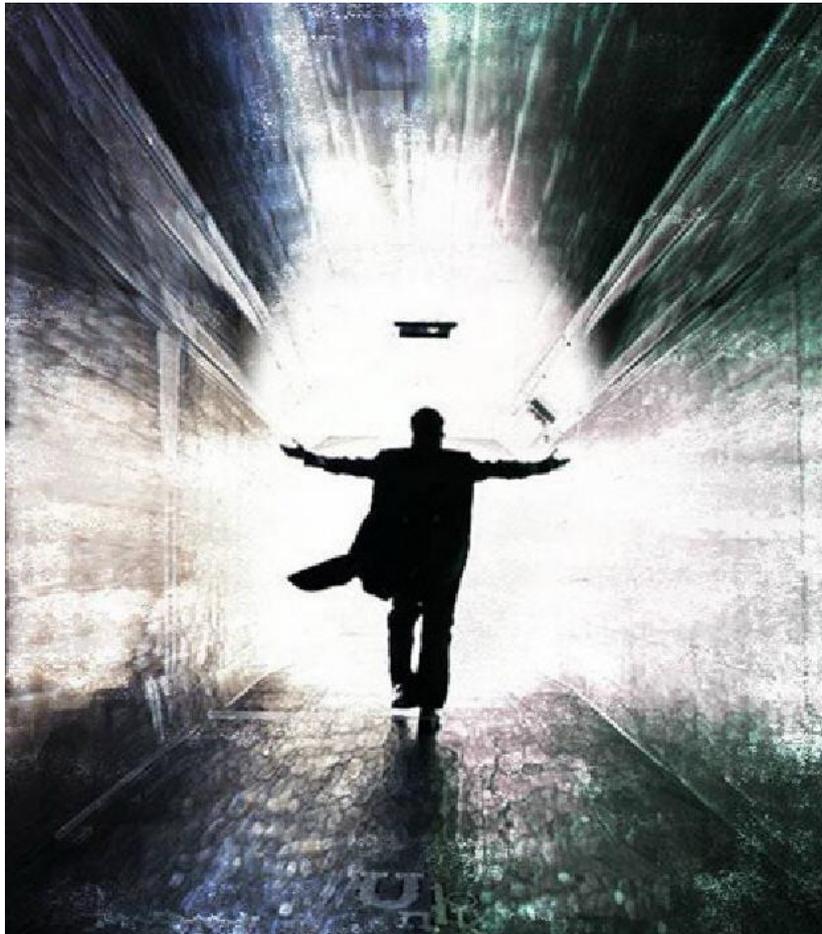

Инесса Давыдова

Серия рассказов из цикла:

«Мистические истории доктора Краузе»

История первая. «Смерть во спасение»

*До тех пор, пока вы не осознали
непрерывный закон умирания и рождения вновь,
вы просто смутный гость на этой Земле.*

Иоганн Гете

Глава первая

– Не надо бояться смерти, она лишь переход от одной инкарнации в другую, – такими словами доктор Краузе начал очередную лекцию в школе гипноза, которую создал несколько лет назад. – Что переживает душа в момент перехода? Сколько времени длится переход? Где оказывается душа после перехода? На все эти вопросы вы сможете ответить после первого же сеанса регрессивного гипноза.

В аудитории воцарилась тишина. Слушатели направили свои взгляды на лектора. И только некоторые, особо забывчивые, судорожно пытались отключить мобильные телефоны или перевести их в виброрежим. Теперь все внимание аудитории было приковано к высокому статному мужчине с мягким хриплым голосом, стоявшему за кафедрой.

Пропорциональное атлетическое телосложение Краузе ежедневно поддерживал многочасовыми физическими нагрузками. На его худощавом лице выделялись резко очерченные скулы. Густые черные брови нависали над выразительными и цепкими глазами. Модная прическа с длинной челкой прикрывала высокий лоб. Лощеный внешний вид доктора особо привлекал женскую аудиторию своей аккуратностью и лаконичностью. Казалось, что именно у него, человека, заглянувшего по ту сторону смерти, достигшего финансового благополучия и всемирной славы, должна быть идеальная и безупречная жизнь.

– Мои пациенты во время гипноза часто описывают состояние смерти. Кто-то говорит, что это незабываемый и болезненный переход из одного состояния в другое. Кто-то утверждает, что это состояние Безусловной Истины, в котором нет иллюзий и сомнений, нет различных мнений и религий. Все в этот момент едино.

Находясь в регрессивном гипнозе, мы можем видеть и осознавать ощущения, которые вызвала у нас смерть, но ни в коей мере не само пребывание в ней, – лектор сделал несколько глотков воды, привычным жестом поправил «Rolex Daytona» и обвел аудиторию изучающим взглядом. – Только один процент из ста заявляют, что это просто пустота. Темнота и пустота, в которой они пребывали несколько лет. Остальные ощущали себя в безграничном счастье и покое. И возникает вопрос: так ли уж страшна смерть?

– Смерть безжалостна, – иронично пробасил мужской голос с задних рядов.

Эта реплика разрядила напряженную атмосферу в аудитории, и по лицам слушателей пробежала улыбка. Но лицо доктора осталось непроницаемым. Рассказывая заученный до автоматизма текст лекции, Краузе то и дело мысленно возвращался к образу своей жены. Утром Елена сообщила, что уходит от него, и теперь он думал, успеет ли застать ее дома.

Когда лекция закончилась, на него обрушился шквал вопросов слушателей, но он сконфужено извинился, побросал свои вещи в новенький портфель и торопливо поспешил к выходу. Теплый осенний вечер тоже не поднял ему настроения, предстоял тяжелый разговор с женой.

– Доктор Краузе!

Обернувшись, он увидел молодую миловидную блондинку невысокого роста, спешащую к нему из аудитории. На бегу она складывала книги в пестрый дамский рюкзак.

– Я спешу! – отрывисто кинул доктор и ускорил шаг.

– Я не задержу вас! Меня зовут Виктория Старикова, я хотела только узнать, когда вы сможете дать мне интервью?

Доктор приостановился:

– Вы журналистка? – недоверчивым тоном спросил он и прожег ее пронзительным взглядом.

– Да, – с готовностью ответила она, но потом осеклась и добавила: – Скоро буду.

– Вот когда будете, тогда и поговорим! – отрезал он и подошел к черному «Ягуару».

Водитель открыл перед ним заднюю дверь. Но девушка не сдавалась:

– Вам когда-нибудь говорили, что вы похожи на Мадса Миккельсена? – крикнула вдогонку она и, нервно поправив прическу, добавила: – Не могла вам этого не сказать.

Доктор положил портфель на сиденье и повернулся к девушке. Он не знал, как воспринимать эту информацию.

– Это такой известный датский актер, – пояснила будущая журналистка и обворожительно улыбнулась, от чего оголились ее белоснежные зубы, а на щеках проявились ямочки, которые придавали ей особый шарм.

Улыбка кардинально изменила ее лицо, теперь девушка казалась порбячески задорной и привлекательной. Доктор поймал себя на мысли, что она прекрасно это знала и использовала как уловку, чтобы завоевать его расположение.

– Не знаю такого, – покачал он головой.

Ему хотелось поскорее от нее избавиться и скрыться в полутьме салона машины, где он смог бы спокойно обдумать предстоящий разговор с женой.

– Он играл во многих фильмах. В «Казино Рояль» коварного и умного Ле Шифра, а в сериале о Ганибале Лекторе – самого Лектора.

– Выходит, в ваших глазах я – архизлодей, – раздраженно усмехнулся доктор, сел в машину и кинул водителю: – Домой!

Виктория поняла, что испортила о себе первое впечатление, обиженно закусилa губу и громко крикнула вслед отъезжающей машине:

– Я хотела сказать, что больше всего вы похожи на него в сериале «Первая группа». Там он не злодей, он герой. Черт! Я снова все сделала не так...

Услышав ее слова через приоткрытое окно, доктор сдержано улыбнулся и нажал на кнопку стеклоподъемника.

Краузе состоял во втором браке пятнадцать лет. Детей у них с Еленой не было, и все время, которое он проводил на работе, она находилась в роскошном двухэтажном особняке в полном одиночестве. Он не мог допустить, чтобы жена уехала без объяснений. Что-то мучило и терзало ее душу много лет. И каждый раз, когда он пытался завязать с ней разговор на эту тему, она отводила взгляд и уклонялась от ответа.

По дороге домой он вспоминал о том, как они познакомились и прожили первые три года. Именно этот период был самым счастливым в его жизни. В это время они много путешествовали и встречались с интересными людьми. Только первые три года он чувствовал невероятное единение с женой, а потом она начала незаметно отдаляться и, в конце концов, полностью замкнулась в себе. Елена была очень красивой, стройной женщиной, с печальными глазами и улыбкой, которая нечасто посещала ее лицо, но предавала ее образу еще больше загадочности.

На подъезде к дому его воспоминания прервал телефонный звонок.

– Эрих, привет, это Светлана Анисимова, – услышал он приятный голос коллеги.

– И тебе привет, – отозвался Эрих без привычной дружелюбности в голосе.

– Хочу отправить к тебе своего пациента – Степана Одинцова.

Между бывшими сокурсниками обмен пациентов был привычным делом, и доктор спросил:

– В чем его проблема?

– На протяжении многих лет он видит сны, в которых его преследует одна и та же женщина. Я провела несколько сеансов, но ничего, чтобы могло на него так подействовать, не нашла.

Обычно доктор уточнял детали, прежде чем соглашаться, но сейчас он был настолько поглощен мыслями о жене, что предпочел быстрее закончить разговор:

– Хорошо, я приму его. Пусть позвонит моей ассистентке, она назначит сеанс на ближайшее «окно».

***

Как только «Ягуар» подъехал к особняку, водитель нажал на пульт, металлические ворота медленно распахнулись. Дом был построен в калифорнийском стиле. В нем успешно соседствовали ультрасовременные материалы, дух романтики тридцатых годов прошлого века и простота архитектурных форм. Стеклопакеты плавно выходили из помещения на улицу, делая дом частью ландшафта. В доме было минимум перегородок, и создавалось ощущение безграничного пространства. Со стороны патио

открывался превосходный вид на Воробьевы горы. Коттедж отвечал всем привычкам и потребностям хозяина, но Елене он никогда не нравился и она об этом не раз ему заявляла.

Краузе стремительно преодолел ступеньки из желтого песчаника и вошел в коттедж. В просторном холле с мраморными полами он снял кашемировое пальто и прислушался. В гостиной звучала легкая джазовая композиция. Доктор подошел к музыкальному центру и увидел любимый диск жены с популярными треками Дюка Эллингтона.

Значит, она еще не ушла! Ему сразу полегчало. Пытливый взгляд исследовал интерьер. В столовой горели напольные свечи разных форм. Обеденный стол из цельного куска дерева с неровными краями был накрыт на две персоны. Из кухни расплзался ароматный запах пряностей и мяса.

Доктор быстро поднялся на второй этаж по деревянной лестнице без перил и оказался в спальне, совмещенной с ванной комнатой. Он снял пиджак и повесил его в гардеробной. Из ванной слышался шум воды, видимо, Елена принимала душ. Дверь в ванную комнату оказалась заперта, что было плохим знаком. Он осторожно постучал и позвал жену, но ответом ему была гнетущая тишина.

Эрих решил подобрать вино к ужину и спустился на цокольный этаж в винохранилище. На столике стояла открытая бутылка вина. Он подумал, что впервые жена сделала выбор за него и откупорила бутылку заранее. Доктор плеснул вина в бокал для дегустации и остался доволен ароматом. Потом его взгляд упал на этикетку: странно, но такой марки в его коллекции он не припомнил. Вино было молодым, урожая 2010 года. Он подошел к электронному табло винохранилища и вывел на экран каталог вин. Как он и предполагал, точно, такой же марки у него не оказалось. Это было, по меньшей мере, необычно, потому что сама Елена никогда не покупала вино.

Он отнес бутылку наверх и поставил на обеденный стол. В духовке сработал электронный таймер. Краузе решил самостоятельно сервировать стол. Он вынул мясо из духовки, порезал на куски и разложил по тарелкам. Затем достал листья рукколы из контейнера, добавил томаты черри, специи, оливковое масло и тщательно размешал в деревянной салатнице.

Когда заиграла «In a sentimental mood», самая любимая композиция жены, на лестнице послышался звук ее каблучков. Он поднял глаза и встретился с ней взглядом. Елена стояла на самой верхней ступени. Длинные светло-русые волнистые локоны обрамляли ее худощавое загорелое лицо. Ярко-синее элегантное платье от «Versace» облегло точеное тело. В руке она держала бокал вина. Мягкой поступью она спустилась по лестнице и подошла вплотную к мужу. Заглянув ему в глаза, она холодно произнесла:

– Я решила, что прощальный разговор должен следовать за прощальным ужином.

Ее печальные глаза никак не вязались с романтической атмосферой гостиной. Только сейчас он заметил, что на ее пальце отсутствует обручальное кольцо. Его это страшно разозлило. Они еще не говорили о разводе, а она уже поставила крест на их пятнадцатилетнем браке.

– Ты не переусердствовала? – раздраженно спросил он и рванул воротник рубашки, сейчас ему казалось, что он стягивает его шею как удавка.

– Ничуть, – она сделала большой глоток вина и прошла к столу.

Ужин прошел в полном молчании. Иногда Эрих заглядывал Елене в глаза и шумно вздыхал, не зная, как начать разговор. Она была напряжена, и даже вино не помогало ей расслабиться. Наоборот, когда взгляд останавливался на этикетке, Елена растерянно разглядывала ее, нервно сглатывала, а после начинала озираться по сторонам, будто выискивает кого-то. Казалось, она играет заученную роль в пьесе плохого сценариста, в которой нет ясности сюжета.

Покончив с ужином, доктор промокнул салфеткой губы и отбросил ее в сторону.

– Я понимаю, ситуация неприятная и мучительная для нас обоих. Но инициатором разрыва являешься ты, так что придется поговорить со мной, нравится тебе это или нет.

Она горько усмехнулась и подняла на него печальные глаза. Как только он понял, что и на этот раз ясности не будет, мгновенно завелся:

– Не пойму, чего тебе не хватает? Скажи, что не так? Я все исправлю... только скажи.

Он пристально смотрел на жену, стараясь прочесть ее настроение, но, кроме пустоты и безразличия, ничего не подмечал.

– Если ты меня разлюбила, то скажи, я пойму.

Елена отвела от него взгляд, мучительная улыбка начала сползать с лица. Она смотрела на бассейн через стеклянную стену. Доктору показалось, что она сама не знает ответа на этот вопрос.

– Господи! Елена! Да скажи уже хоть что-нибудь! – выпалил он с обидой и горячностью, резко встал, и с силой оттолкнул от себя стул.

Широкими шагами он пересек столовую, открыл дверь на патио и глотнул живительной ночной влаги. В коттедж ворвался свежий осенний воздух. Елена поежилась и прикрыла руками оголенные плечи.

– Прости меня, – тихо произнесла она.

– Что?

Он повернулся удостовериться, что ему не послышалось. Она действительно с ним заговорила? Елена сделала музыку тише и повторила:

– Прости меня, я была тебе плохой женой.

– Ты так сама решила или тебе кто-то это сказал? А может, ты прочитала очередную бредовую статью в женском журнале? И что это за понятие такое – «хорошая жена»? Кто установил стандарты, в которые ты не вписываешься?

– Пожалуйста, не прерывай меня, я не в силах противостоять твоим психологическим штучкам. Я просто хочу сказать на прощание несколько слов и даже не жду от тебя понимания. Хотя знаю, что бы я ни сказала, ты меня все равно не поймешь.

– Я постараюсь! – выпалил Эрих с отчаянием в голосе.

Она отрицательно покачала головой. Локоны ее волос заколыхались волной, доктор не сводил с нее глаз.

«Боже, какая же она красивая и желанная», – подумал он.

Краузе не в силах был ее отпустить. Хотелось сжать ее в объятиях, но он заранее знал ее реакцию: руки жены будут висеть вдоль тела, как плети, губы сомкнутся, весь ее облик будет кричать о нежелании его прикосновений.

– Дорогая, я сделаю все, что ты скажешь, лишь бы спасти наш брак, лишь бы ты была счастлива.

– В том-то и дело, – ее голос окутывал ореол уныния и безнадёги, – я не знаю, что такое счастье. Я не знаю, что мне нужно для счастья. Мне кажется, я делаю жизнь своего окружения невыносимой. Меня не понимают родители, не понимают сестры, не понимаешь ты. Я не могу родить ребенка, но даже если бы он у меня был, он тоже бы меня не понимал. Тело мое существует, я дышу, мыслю, но я не чувствую, что живу. Мне хочется свободы и уединения вдалеке от дома и близких. Может, я смогу разобраться в себе.

Краузе посмотрел на нее с тоской. Сердце распадалось на тысячу сегментов, в каждом из которых было что-то привнесенное ей. Она говорит, что не знает, что такое счастье, но Эрих был с этим не согласен. Они были счастливы! Были! Нужно лишь постараться и вернуть эти дни.

– О чем ты говоришь?

– Я хочу уехать на время из страны. Ты же знаешь, я ненавижу Москву.

– Куда?

– На южное побережье Франции.

Доктор подумал, что жена дает ему еще один шанс для разговора после ее отъезда и решил не препятствовать ее отъезду.

– Хорошо. Франция, так Франция. Поезжай, отдохни, развейся. Пожалуйста, не ставь крест на наших отношениях. Я люблю тебя и готов преодолеть любые трудности.

Елена как-то странно посмотрела на него и хотела что-то сказать, но в этот момент зазвонил домофон.

– Это такси.

– Ты заказала такси? – от удивления брови Эриха поползли вверх.

– Я поеду к Кристи, она пригласила меня на благотворительный прием. Оттуда сразу в отель.

Теперь Краузе понял, почему она так одета. Это было не для него, а для приема. Раньше она никуда без него не выходила.

– Ты пойдешь на прием с Кристиной? – переспросил доктор, зная, как к ее подруге относятся в их окружении.

– Она делает солидное пожертвование и попросила меня присоединиться, ее муж сейчас в Америке, – холодно отозвалась Елена.

Кристина была школьной подругой его жены. Год назад она выскочила замуж в четвертый раз. Ее очередной избранник был табачным магнатом, недавно основавшим свой бизнес в России. Кристи, так называли все ее близкие знакомые, была взбалмошна и ветрена. Вечер с Кристиной означал только одно – кутеж до утра!

Не в силах больше сдерживаться, доктор еле заметно кивнул и быстро поднялся по лестнице на второй этаж. Навалился приступ удушья, он стал задыхаться, глаза увлажнились. Эрих вдруг понял, что это конец и никакие разговоры им не помогут. Резкими движениями он скинул с себя одежду, встал под душ и, подставив лицо водяному потоку, десять минут стоял под прохладной водой.

Приняв душ, Краузе накинул на себя байковый халат, спустился на первый этаж и увидел дюжину чемоданов у двери. Его водитель открыл дверь, но, увидев озадаченного доктора, поспешил объяснить:

– Хозяйка сказала отвезти чемоданы в «Президент-Отель».

Эрих кивнул, стараясь всем своим видом показать, что держит ситуацию под контролем, но видимо, не убедил. С виноватым видом водитель поспешно скрылся с чемоданами за дверью.

Краузе стоял посреди огромного роскошного особняка в полном одиночестве и размышлял над своим будущим. Как ему жить, пока жена будет разбираться в себе? Сколько времени это займет? И вернется ли она? Кто он без Елены? Ополовинившая душа? Уже завтра он проснется в постели один. Не услышит ее стандартное приветствие «Доброе утро, любимый». Не увидит ее бездонных глаз, от которых каждый раз трепетал как мальчишка. Елена сказала, что несчастна, но он-то был все эти годы счастлив и никогда не помышлял о большем.

Оставшийся вечер он провел на патио. Великолепный вид на этот раз не трогал и не завораживал. Все раздражало и казалось неуместным. Зачем он построил такой большой дом? Чтобы каждый раз напоминать себе и жене, как они одиноки? Никогда эти стены не услышат детского смеха. Зачем он сделал фасадную стену стеклянной? Они живут с женой как в аквариуме, напоказ перед

соседями. Елена не раз на это жаловалась, но он только отмахивался и говорил: «Кому не нравятся, пусть не смотрят».

Он полулежал в плетеном шезлонге с бокалом вина и с горькой полуулыбкой размышлял о том, что превосходный психиатр со стажем, не смог разобраться в душевном состоянии собственной жены. Как же это банально и избито!

«Мы все куда-то спешим. Новые пациенты, новые достижения. А на самых близких и дорогих людей у нас никогда нет времени», – подумал он с горечью и потянулся к бутылке красного вина.

***

Перед окном, в полупустой съемной квартире на четырнадцатом этаже типовой новостройки, стоял широкоплечий мужчина лет сорока с темно-русыми волосами. Сегодняшний день он собирался провести так же, как и все предыдущие – наблюдать за женщиной, которая снилась ему на протяжении трех лет.

Все началось после трагического события в его жизни: в автомобильной аварии он потерял жену и сына. Именно тогда он и начал видеть странные сны. Они преследовали его каждую ночь. И в каждом из них он видел ее.

Быстро одевшись, он посмотрел на часы. В течение двадцати минут она должна выйти из подъезда. Зазвонил мобильный телефон. На дисплее определился номер психиатра Анисимовой.

– Здравствуйте, Светлана Яковлевна, – он даже не старался скрыть свое раздражение и недоверие.

– Доброе утро, Степан. Вы не пришли на последний сеанс. Я обеспокоена вашим состоянием.

– Ваши сеансы мне не помогают, – сухо ответил он.

– Я созвонилась вчера с одним из своих коллег, доктором Краузе. Он специализируется на лечении гипнозом и согласился вас принять.

Степан задумался. Что это: желание удержать пациента или профессиональный интерес? На последнем приеме он недвусмысленно дал

доктору понять, что в ее услугах больше не нуждается. Не услышав ответа, Анисимова продолжила:

– Это регрессивный гипноз, он помогает пациентам разобраться не только с этой жизнью, но и с прошлыми.

– С прошлыми? – уточнил Степан. – Вы имеете в виду реинкарнацию?

– Да. Его метод до сих пор официально не признан. Но он практикует уже больше десяти лет. Добился хороших результатов, выпустил несколько книг. Я советую вам к нему обратиться. Если мы с вами не нашли ответа в этой жизни, то, возможно, разгадка кроется в прошлой инкарнации.

– Забавно это слышать от вас! – нервно произнес Степан и усмехнулся.

– Я понимаю ваш сарказм, но думаю, для вас это – последний шанс.

– Как вы сказали? Краузе?

– Да. Эрих Краузе, – подтвердила Анисимова.

– Прямо как канцелярские товары! – хохотнул Степан. Анисимова не отреагировала на шутку, и он спросил: – Он что – немец?

– Да. По отцу он – немец, его предки живут в России со времен революции. Его отец тоже был психиатром. Эрих очень специфический человек, характер у него сложный, не терпит критики ни в какой форме, перфекционист во всем, но не это главное. Главное – он вам поможет. Я уверена в этом.

Записав фамилию, Степан сказал, что подумает и поспешно попрощался. Сел за кухонный стол, открыл ноутбук, набрал в поисковике исходные данные и начал изучать отзывы пациентов о хваленом докторе.

Когда на телефоне сработал таймер, Степан встрепенулся и посмотрел на часы. Пока он читал отзывы, за которыми стояли реальные истории, совсем забыл о своей цели. Выглянув в окно, он увидел, как объект его наблюдения выходит со своим мужем и детьми из подъезда. Младшая дочь громко плакала, и мать пыталась ее успокоить. Муж с кем-то говорил по телефону и, казалось, совсем не обращал внимания на идущих позади его жену и детей. За последний год Степан хорошо изучил эту семью. Их нельзя было назвать идеальными людьми, но и плохими они не были. Люди как люди. Со своими слабостями и недостатками.

Семья разместилась в серебристом седане, и через минуту машина скрылась за поворотом. Степан окинул взглядом комнату и нахмурился. Он не понимал, что

ему делать дальше. Встретить объект после работы или навестить ее в офисе в обед? Сегодня, впервые за последний год, кто-то смог его отвлечь от привычного распорядка дня. Рука сама потянулась к телефону. Степан набрал номер приемной доктора Краузе.

***

Кабинет доктора Краузе был довольно просторным и поделен на две зоны – рабочую, в которой стоял письменный стол и книжные шкафы, и приемную, в которой располагались три кресла разной конфигурации, журнальный столик и кушетка. Офис, в отличие от его особняка, был оформлен в классическом стиле: стены и потолок в изобилии декорированы лепниной, а мебель и осветительные приборы выполнены в стиле Людовика XVI.

Настроение у доктора было хмурым, он не выспался, и ему было тяжело сосредоточиться. Но сейчас, как никогда, необходимо было сконцентрироваться на пациентах, это позволило бы ему немного ослабить боль личных переживаний. После ухода жены прошла неделя, а она до сих пор не дала о себе знать. Несколько раз он пытался дозвониться до нее, но голос пронизанный металлом постоянно повторял одну и ту же фразу: «Телефон абонента находится вне зоны сети».

В кабинет зашла ассистентка Анна – невысокая кудрявая девушка с большими карими глазами, и доложила:

– Вас ожидает Степан Одинцов, записан на десять тридцать.

– Кто такой?

– Пациент Анисимовой, она заверила меня, что согласовала с вами этот вопрос.

– Да-да. Новый пациент, – вспомнил доктор. – Пусть войдет.

Через минуту в кабинет вошел брюнет среднего роста с правильными чертами лица. Гладко зачесанные назад волосы оголяли высокий лоб. Губы плотно сомкнуты. На нем был черный джинсовый костюм. В руках он держал потертый рюкзак цвета хаки. Одинцов был крепок в плечах, через белую футболку с лозунгом на груди «Не в силах Бог, а в правде» проглядывал выпуклый мышечный рельеф.

– Присаживайтесь, Степан, меня зовут Эрих. Прошу меня называть по имени. Не доктор Краузе, не доктор и не док.

Степан опустил рюкзак на пол, сел в предложенное ему кресло и стал внимательно разглядывать доктора. Ему сразу не понравился щеголеватый вид собеседника, откровенно демонстрирующий его достаток и успех. В отличие от гипнолога, Степан вел аскетичный образ жизни и довольствовался малым.

– Вас ознакомили с моими расценками?

– Да.

– Возможно, нам понадобятся несколько сеансов... – пространно намекнул доктор, не сводя пытливого взгляда с Одинцова.

– Я это понимаю, – насторожено ответил Степан и с горечью подумал: «Он у всех пациентов спрашивает о деньгах или только у меня?».

– В первую встречу я не ввожу своих пациентов в гипноз. Это мое правило. Сначала мне необходимо вникнуть в суть проблемы и понять, какие вопросы нужно задавать и где искать решение. Сеанс длится ровно час. К нему я могу добавить пять минут, если воспоминания нельзя прервать немедленно. Иногда между сеансами может пройти не одна неделя, это зависит от наплыва пациентов. Вам нужно набраться терпения. Если ситуация будет серьезной и потребует дополнительного расследования, я могу вам порекомендовать специалистов, которые помогут отыскать вам исторические факты той или иной эпохи, детектива и...

Нетерпеливо махнув рукой, Степан прервал доктора и сказал:

– Не надо. Я бывший следователь и сам в состоянии получить любую нужную информацию.

– Вот как? Светлана мне этого не сказала. Хорошо. Остальное вам понятно?

Степан кивнул.

– Тогда приступим. Расскажите, с какой проблемой вы ко мне пришли?

Помпезная обстановка кабинета и лохотный вид доктора не прибавили новому пациенту уверенности в правильно принятом решении. Мелькнула мысль, а не послать ли этого гипнолога куда подальше. Все тело напряглось. Но тут взгляд Одинцова скользнул по стене, на которой как на подбор была вывешена целая галерея фотографий доктора в обнимку с разными людьми, видимо

пациентами. Здесь были мужчины и женщины различного социального слоя и достатка, но одно их, несомненно, объединяло, все они смотрели на Краузе с благодарной улыбкой.

Степан откашлялся и прочистил горло.

– Три года назад... в автомобильной катастрофе... погибла моя семья: жена и сын.

– Примите мои соболезнования, – Краузе сказал это с невероятной теплотой в голосе, что никак не согласовывалось с его внешней холодностью.

– Спасибо. Трудно описать... мое состояние в тот период. Скажу коротко: моя жизнь закончилась в день аварии. Я был глубоко убежден, что остался жив по ошибке... и не собирался жить дальше привычным укладом. Я уволился с работы, продал квартиру и написал завещание. Я готовился уйти.

Повествуя свою историю, он часто делал паузы и опускал голову, как будто чувство вины не давало ему говорить о своей проблеме открыто. Во время разговора глаза Степана постоянно увлажнялись.

– Вы хотели покончить с собой? – уточнил доктор.

– Нет, – рьяно замотал головой пациент, – я хотел... уйти из мира, подальше от людей. Хотел жить где-нибудь... в горах отшельником или послушником в монастыре.

– Понятно. Продолжайте.

С этого момента голос Степана стал жестким, теперь он говорил без запинки, как хорошо заученный текст.

– Религиозным я никогда не был, но мать покойной жены убедила меня молиться за семью, дабы облегчить им переход из этого мира в иной, что собственно я и делал. Так прошло полгода. Признаюсь вам честно, мне казалось, что я раньше и не жил вовсе, так комфортно и спокойно мне стало. Жизнь в одиночестве наполнила мой мир до краев. Меня переполняла радость бытия. Я молился уже не из-за семьи, а для себя, с немалым удовольствием и даже почувствовал тягу к отшельничеству. Мне захотелось принять постриг. Как только я принял это решение, меня стали преследовать сны. Они были разными, но в каждом из них была вот эта женщина.

Степан вынул из кармана джинсов фотографию и протянул доктору. На ней была изображена брюнетка обычной наружности лет тридцати. Посмотрев на фотографию, доктор Краузе спросил:

– Вы знали ее до того, как увидели во сне?

– Нет. Никогда ее не видел. И представьте, каково было мое удивление, когда я ее встретил на остановке.

От удивления брови доктора поползли вверх.

– На остановке? – переспросил доктор, словно не веря своим ушам.

– Угу, – кивнул Степан и, вспомнив момент встречи с тогда еще незнакомкой, заерзал. – Мое сновидение стояло со мной рядом в виде реальной женщины. Я был потрясен и ошарашен. Сам не знаю почему, но я пошел за ней. Я не хотел ее напугать и держался на приличном расстоянии. Навыки слежки у меня есть, и она меня не заметила. Я провел ее до дома, узнал, где она живет, как ее зовут.

– И как же ее зовут?

– Галина Смолякова. Она замужем, у нее двое детей.

– Интересно, интересно. И что было потом? – спросил заинтригованный доктор и закинул ногу на ногу.

– Я стал за ней приглядывать, – опасаясь быть непонятым, Степан бросил на доктора красноречивый взгляд. – Понимаете, во снах она нуждалась в моей помощи. Я должен был ее спасти. Когда я ее встретил, то подумал, что должен ей помочь, но пока не знал как.

– И что вы сделали? – напрягся Краузе, мысленно перебирая варианты ответа.

– Прошел год, я все еще за ней приглядываю.

– Хм. Понятно. Вы с ней общаетесь?

– Нет. Я просто наблюдаю за ней и по возможности помогаю.

– Помогаете? Чем?

– Я оберегаю ее, – отрывисто произнес Степан.

Он явно не хотел вдаваться в подробности. Доктор понял это и не стал настаивать.

– Ваша помощь влияет на ее судьбу?

– Нет, нет! – запротестовал Степан и тут же разъяснил: – Это просто помощь в бытовом плане. Один раз я помог занести коляску в подъезд. Другой – починил кран бесплатно, по-соседски.

– Значит, вы познакомились?

– Нет, я стараюсь маскировать свою внешность.

– Вы работаете сейчас? – настороженно спросил доктор.

– Нет, я не могу. Я за ней приглядываю, – многозначительно произнес Степан.

Это озадачило доктора. Краузе слегка склонил голову на бок и одарил пристальным взглядом Одинцова. Кто перед ним? Больной, одержимый бредом преследования или все же нуждающийся в его помощи пациент, который из-за перенесенного стресса после потери семьи самостоятельно испытал во сне регресс?

– На что же вы живете?

– Я же говорил, я продал квартиру и машину.

– Понятно. Значит, вы добровольно возложили на себя миссию защищать эту женщину от возможных неприятностей.

– Да. Светлана Яковлевна работала со мной больше полугода, но результатов нет. Мы не продвинулись в решении моей проблемы ни на шаг.

– Хорошо, я вас понял. Вы сказали «по-соседски», вы живете с Галиной в одном доме?

– В одном подъезде, – уточнил Степан и снова заерзал. – Я снимаю там квартиру. Так мне легче контролировать ее передвижения.

– Понятно. Теперь прилягте на кушетку и постарайтесь расслабиться.

– Зачем? – нахмурился Степан.

– Мы просто продолжим беседу в другом положении. Поговорим о вас, о вашем детстве, о родителях, о вашей жене и сыне.

– Как, опять?! – недовольно воскликнул новый пациент. – Мы провели в беседах с Анисимовой несколько месяцев, вы можете взять ее записи и изучить. Зачем рассказывать о моей жизни дважды?

– Когда вы приходите к любому другому специалисту, скажем, к кардиологу, а до этого несколько месяцев вам не могли поставить диагноз другие кардиологи, вы же не предлагаете ему по записи восстановить анамнез?

– Что восстановить? – не расслышал Степан.

– Историю болезни.

Одинцов тяжело вздохнул, молча поднялся с кресла и пересел на кушетку. На вопросы доктора он отвечал неохотно, через силу. Лицо оставалось напряженным, а ладони периодически сжимались в кулаки. Особенно болезненными оказались вопросы о жене и сыне.

Когда прозвенел таймер на часах, доктор сказал:

– Наш сеанс на сегодня закончен. Постарайтесь с сегодняшнего дня вести записи ваших снов. Кратко и доходчиво. Что снилось и какие эмоции при этом вы испытывали. Передайте записи моей ассистентке не позже чем за день до второго сеанса.

– Хорошо, – Степан поднялся с кушетки.

– По поводу Галины хочу вам предложить другую модель поведения.

– Какую? – заинтересовался пациент.

– Перестаньте маскироваться. Пусть она вас заметит.

– Но это опасно! – возразил Одинцов и зачесал выбившиеся пряди волос назад. – Она может подумать, что я ее преследую, и станет более бдительной.

– Но вы же соседи, – возразил Краузе. – По поводу работы тоже что-нибудь придумайте. Найдите работу рядом с ее офисом. Вы год действовали по одной модели, начните завтрашний день с другой.

Одинцов выглядел растерянным и немного испуганным. По всей видимости, ломать привычную модель поведения ему было сложно и боязно.

– Хорошо, я постараюсь, – нехотя согласился Степан и направился к двери.

– До свидания.

– До свидания, док..., э-э, – Одинцов почесал затылок и тут же поправился: – Эрих.

Глава вторая

На следующий день Степан, как обычно, вышел из подъезда с небольшим рюкзаком, в котором носил термос с кофе и бутерброды. Сегодня он решил последовать совету Краузе, поэтому не стал маскироваться.

Утром муж Галины, Евгений, должен был отвезти детей в детский сад, а сама Галина должна была доехать до метро на автобусе – по пятницам у нее были занятия фитнесом, и она выходила из дома на час раньше обычного.

Поглядывая на часы, Степан немного постоял у спортивной площадки, затем неторопливо двинулся в сторону остановки. Из подъезда вышла Галина и поспешила в ту же сторону. Он замедлил ход и пропустил ее вперед. Галина была женщиной среднего роста и плотного телосложения, заурядной внешности, с темными кругами под глазами от постоянного недосыпа. Серо-черные оттенки гардероба позволяли ей незаметно смешиваться с толпой. Ее смело можно было отнести к типу женщин, на которых на улице не обращают внимания.

Автобус должен был подойти к остановке с минуты на минуту. Соседи стояли на расстоянии пяти метров друг от друга. Галина читала почту в своем мобильном телефоне и несколько раз улыбнулась. Когда подошел автобус, она зашла в салон последней, тщательно обыскивая свои карманы в поисках мелочи. Заметив ее задержку, Степан не стал проходить вперед. С полуулыбкой он протянул Галине несколько монет.

– Возьмите, а то опоздаете на работу.

– Нет-нет! – запротестовала женщина. – Спасибо, у меня есть деньги.

Открыв кошелек, она вынула пятитысячную купюру и протянула водителю. Тот бросил недовольный взгляд на купюру и отрицательно помотал головой:

– Нет сдачи!

Степан снова протянул деньги.

– Возьмите, потом отдадите.

Водитель, глядя на Галину, раздраженно крикнул:

– Ну, вы едете или как?!

Она кивнула и раздраженно выпалила:

– Да еду-еду.

Позаимствовав деньги, женщина купила у водителя электронный билет и приложила его к терминалу.

– Спасибо большое! – обратилась она к Степану с пылающим от смущения лицом. – Как же я вам отдам деньги? Вы часто ездите этим маршрутом?

– Да, часто. Но обычно я еду на час позже. Просто у меня сегодня тренировка.

Она вскинула на него удивленные глаза.

– Да что вы?! – Галина хохотнула. – Вот совпадение! У меня тоже!

На первый раз Степан решил ограничить общение. Пожелав ей хорошего дня, он перешел на заднюю площадку автобуса и сделал вид, что наблюдает за движением транспорта за окном.

***

Краузе совершал привычный утренний заплыв в своем открытом подогреваемом бассейне. Каждое утро он проплывал пятьсот метров, невзирая на погоду и состояние здоровья. Бассейн хорошо проглядывался со всех комнат дома. Легкие клубы пара струились над поверхностью воды. Эрих заканчивал двадцатый круг, когда над водой мелькнул стройный женский силуэт.

«Елена!» – подумал доктор, сердце затрепетало от волнения.

Но, подняв голову над водой и сфокусировав зрение, он тут же испытал разочарование, это была подруга жены – Кристина. Худощавым телосложением она походила на Елену, разница была лишь в росте и цвете волос. Жгучая брюнетка была почти одного роста с Краузе. Она стояла в вечернем платье у края бассейна и оценивающе смотрела на Эриха.

Доктор вылез из воды, накинул халат и наспех вытер полотенцем голову. Кристина чмокнула его в щеку и спросила:

– А где Ленусик? Я звонила ей ужас сколько раз, она вне доступа.

– Привет, Кристи, здесь ты ее точно не найдешь, я не видел ее уже неделю, – с тоской в голосе ответил Краузе и потянулся к стакану со свежавыжатым апельсиновым соком.

Кристина вскинула на него удивленные глаза и спросила:

– Ты в порядке? Выглядишь отвратительно.

– Спасибо, ты всегда была ко мне добра, – с сарказмом парировал доктор и прошел на кухню.

Отбросив полотенце на кухонный остров, Эрих заметил сервированный на одну персону обеденный стол и приступил к завтраку. Незваная гостья проследовала в гостиную зону и остановилась перед портретом подруги, висевшим над камином.

– Тебе не предлагаю, потому что хорошо помню, что ты не завтракаешь по утрам, – объяснил свое негостеприимное поведение хозяин дома.

Кристина взглянула на еду и пренебрежительно фыркнула.

– Я бы выпила шампусика, – кокетливо произнесла она и села на диван в гостиной. – Ночка сегодня была напряжной.

– Вера Ивановна! – окликнул домработницу доктор. – Принесите, пожалуйста, из холодильника шампанского!

Когда Кристина получила желаемое, она сделала несколько глотков и поставила бокал на придвинутый столик. Закинув ногу на ногу, она откинулась на спинку дивана и томно вздохнула, при этом разрез на вечернем платье обнажил ее ногу до самого бедра.

– Мы договаривались, что она мне позвонит обсудить совместную поездку во Францию.

– Думаю, что на этот раз Елена решила поехать без тебя, – с нескрываемой иронией произнес доктор.

Он всегда недолюбливал Кристину и никак не мог понять, что заставляет его жену, пианистку с консерваторским образованием, общаться с вздорной охотницей за богатыми мужчинами, способными исполнить любое ее желание.

– У тебя все в порядке? Ты какой-то дерганый. Теперь ты совсем не похож на свое прозвище Мистер Бесстрастность.

– Кажется, наш брак трещит по швам, и тебе скоро представится случай позлорадствовать.

– Нет, она мне ничего такого не говорила, – Кристина нахмурилась, потом отмахнулась, сочтя его слова очередной издевкой и добавила: – Ты все это только что придумал.

– Ничего я не придумал. Спроси у Василия. Он отвозил ее чемоданы в «Президент-Отель».

– Кто такой Василий?

– Мой шофер.

Кристина на минуту нахмурилась, потом допила шампанское и поднялась с дивана.

– Ты не прав, – твердо сказала она.

– В чем? – не понял Краузе.

– Я никогда не буду злорадствовать, если вы расстанетесь. Я глубоко убеждена, что вы созданы друг для друга, и даже завидую подруге чернущей завистью, что она нашла своего мужчину, а я до сих пор мыкаюсь.

– Жаль, что она так не считает, – грустно ответил Эрих, тяжело вздохнул и продолжил завтрак.

– Когда я ее найду, то вставлю ей мозги на место, – уверенно произнесла Кристина и пошла в сторону двери.

– Кристи! – окрикнул ее Краузе.

Она обернулась и вопросительно на него посмотрела.

– Спасибо! Буду тебе очень признателен.

Кристина кивнула и выпорхнула из коттеджа.

После завтрака доктор прошел в библиотеку и развернул «Новые Известия». Пробежавшись по заголовкам, он не нашел ничего интересного и отбросил газету в сторону. Из головы не выходил приезд Кристины. Ранее он был уверен, что к их разрыву с Еленой она приложила руку. Но, наблюдая за ее жестами, понял, что Кристина говорила совершенно искренне. Получается, что о своем решении уйти от мужа Елена не сказала даже Кристине, хотя они были вместе на благотворительном вечере сразу после их разрыва. Это показалось доктору очень странным, его жена всегда делилась с подругой основными событиями семейной жизни. Если она не с Кристиной, то тогда с кем? Елена никогда не путешествовала одна. Если она уезжала без него, то с компаньонкой, будь то сестра или подруга.

«Наверное, на этот раз она уехала с одной из сестер», – успокаивал сам себя доктор и решил набрать номер Ольги, старшей сестры, с которой у него сложились доверительные отношения.

После третьего гудка он услышал бодрый голос и дружелюбным тоном произнес:

– Доброе утро! Не помешал?

– Привет, Эрих! Давно не общались.

– Работа, – воспользовался обычной отговоркой доктор и спросил: – Можешь уделить мне минуту?

– Засаекаю, – усмехнулась она.

– Я по поводу Елены. Она не звонила тебе в последние дни?

Ольга сразу насторожилась.

– Нет, а должна была?

– Неделю назад она собрала чемоданы и сказала, что ей надо побыть в одиночестве, но я знаю, это был просто предлог. Она бросила меня. В последнее время все к этому шло. Она снова замкнулась и со мной почти не общалась.

– Боже... Мне очень жаль, Эрих... – расстроено отозвалась Ольга. – Чем я могу тебе помочь?

– Расспроси родных, может, кто-нибудь что-то слышал о ней, может, говорил с ней. Может, она оставила свой новый номер. Я не буду ей докучать, просто хочу знать, что с ней все в порядке. Старый номер отключен, на письма она не отвечает. Все это время я думал, что она с Кристи. Ты же знаешь эту плутовку, она могла заманить жену на благотворительный вечер, а оттуда увезти на частном самолете куда угодно. Но сегодня Кристи сама пришла в дом разыскивать Елену.

– Я сейчас же обзвоню всех и наведу справки, – обеспокоенным тоном ответила Ольга.

– Ольга, пожалуйста, не переусердствуй, вдруг с ней все в порядке, а мы напрасно поднимем тревогу. Прозондируй почву осторожно.

– Не волнуйся, я знаю, как это сделать.

***

Дверь кабинета открылась, ассистентка доктора Краузе пригласила пациента войти. С прошлого приема прошло десять дней. Степан выглядел более уверенным и спокойным. Сегодня на нем была та же одежда, что и в прошлый раз. Доктор подметил, как бывший следователь тщательно отстирывает и отглаживает свои вещи – ни одного пятна, залома или складочки.

– Проходите, Степан, присаживайтесь, – мягко произнес Эрих.

– Добрый день!

Взглядом, показывая на исписанные листки, лежащие у него на коленях, доктор сказал:

– Спасибо, что выполнили мои рекомендации.

– Да, я все тщательно записал, – Степан усмехнулся. – Уж не знаю, чем это поможет.

Краузе прожег его пытливым взглядом.

– А как обстоят дела с Галиной?

Степан пригладил волосы и многозначительно закивал.

– Мы познакомились, но я пока не форсирую события.

– Правильно. Есть ли изменения в вашем состоянии?

– Да, – твердо заявил Степан, – мне стало легче. После того как мы стали общаться, я даже начал немного ее отпускать.

– Это хорошо... но вернемся к навязчивым снам. Я прочитал ваши заметки и вижу две проблемы. Одна – это злая старуха, которая проклинает вас на все лады. Другая – это девушка, которая молит вас о пощаде.

– Да. Именно так. И эти события тесно связаны, но как, я не могу понять. Есть такое ощущение, что если я помогу девушке, то старуха замолчит.

Краузе отложил в сторону записи и взял в руки рабочий блокнот.

– Сегодня мы совершим первое путешествие в ваши прошлые жизни.

– Как далеко можно продвинуться за один сеанс? – поинтересовался Степан.

– Все очень индивидуально. Обычно именно последние три жизни концентрируют в себе проблемы, которые могут влиять на нас в этой инкарнации, но бывают и исключения. Все зависит от яркости и значимости события и одновременного воплощения душ в одном временном отрезке.

– Я понял.

– Ложитесь на кушетку, закрывайте глаза и слушайте мой голос.

Степан снял джинсовую куртку и повесил ее на спинку стула, лег на кушетку и закрыл глаза. Доктор нажал на пульте кнопку записи, камера, установленная напротив кушетки, замигала красным огоньком. Несколько минут доктор четким и хорошо поставленным голосом давал Степану указания по

расслаблению мышц всего тела и, убедившись, что он в точности выполнил его инструкции, приступил к сеансу.

– Степан, вы находитесь на лечебном сеансе, который поможет вам понять ваши сновидения.

Доктор попросил пациента пошевелить правую руку, затем поднять левую и приложить к голове. Когда Степан выполнил команды, доктор, повышая голос на тон, скомандовал:

– Лента времени начинает раскручиваться назад!

Степан размерено дышал. Тело было максимально расслабленным. Глаза плотно закрыты, но со стороны можно было видеть легкие подергивания век.

Краузе достаточно бегло проскочил все основные события жизни пациента, начиная от текущего момента до самого рождения. Затем подался корпусом вперед и значимым тоном произнес:

– Степан, сейчас вы войдете в длинный темный туннель. Пройдя его, вы попадете в предыдущую жизнь. Туннель похож на цилиндр с темными стенами. По мере приближения к концу туннеля стены будут светлеть и превратятся в ослепительный свет. Я буду считать от десяти до одного, и когда скажу один, вы окажетесь в своей предыдущей инкарнации. При этом вы сохраните свою личность и будете понимать, что это ваша прошлая жизнь. Степан, вы ни в коем случае не будете отождествлять себя с прошлой личностью.

Находясь в гипнотическом состоянии, Степан пребывал в абсолютной темноте. После слов доктора он увидел размытые очертания туннеля и поспешил к входу. Стенки туннеля были круглые и почти черные. Они бликовали, искрились, будто проход был высечен в пещере из пирита. Зрелище завораживало, Степан замер на входе, испытывая невероятное благоговение.

– Десять... девять... Вы входите в туннель и набираете скорость. Восемь... семь... Двигаетесь все быстрее и быстрее. Шесть... пять... Стены начинают светлеть, вы двигаетесь к свету все быстрее и быстрее. Четыре... три... Стены почти белые. Яркий, ослепительный свет застилает вам глаза. Два... Ничего не бойтесь. Пусть свет окутает вас со всех сторон. Один... Выход. Вы снаружи. Вам комфортно, и вы в безопасности. Вы слышите мой голос?

– Да, – тихо ответил Степан.

– Где вы сейчас находитесь? Что вы видите перед собой?

Пелена застилает глаза, очертания предметов кажутся размытыми. Степан прищуривается, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, но тщетно.

– Смутно все, – произнес он и не узнал свой собственный голос.

– Смутно? Хорошо. Резкость настраивается, вы можете теперь все четко видеть. Сейчас день или ночь?

Пелена постепенно рассеялась, изображение стало четким. Степан поднимает голову и видит яркое солнце. Теплые лучи пронизывают и согревают пространство.

– День, – ответил он.

– Вы мужчина или женщина?

Степан посмотрел на свои большие мозолистые ладони и ответил:

– Мужчина.

– Что вы видите перед собой?

Опустив голову, Степан видит под ногами мощеную булыжником дорогу. По обе стороны от нее стоят трех- и четырехэтажные дома, выкрашенные в яркие цвета. Окна прикрыты деревянными ставнями. На балкончиках в маленьких глиняных горшках растут цветы. Массивные, резные деревянные двери украшают вход почти каждого дома.

– Я вижу дорогу.

– Хорошо. Куда эта дорога ведет? – спросил доктор и начал делать пометки в своем блокноте.

– Домой.

– Где ваш дом?

– В городе.

– Как называется этот город?

Степану мгновенно приходит ответ. Он не знает откуда, но точно знает название города, в котором находится.

– Бри-уд, – по слогам произнес Степан.

– Бриуд, – повторил доктор, набирая поисковый запрос в «Гугле».

Краузе взглянул на карту. Бриуд обозначился на границе центральной и южной части Франции.

– Что вы видите справа от себя?

Степан поворачивает голову направо и видит каменную кладку храма в романском стиле. Его стены выложены из камня разных цветов. От белого – до серого, от желтоватого – до коричневого. Это придает постройке довольно пестрый и необычный вид. Внезапно Степану приходит осознание, что изначально стены храма готовились под штукатурку и роспись, но из-за недостатка денег стены остались заделаны только местами. Он окидывает взглядом деревянные ворота с ажурным кованым декором, ответ приходит сам собой:

– Базилику святого Иулиана.

– Хорошо. Где ваш дом?

– Недалеко.

– Идите домой.

Степан уверенно идет прямо и, пройдя два квартала, поворачивает налево и останавливается перед трехэтажным домом с арочными окнами и каменным сводом над дверью. Входная дверь покосилась и держится только на одной петле. Руки сами тянутся к двери, и привычным движением он вправляет отлетевшую железную петлю. Степан ловит себя на мысли, что делал это уже десятки раз.

Через минуту доктор спросил:

– Вы дома?

Войдя в дом, Степан преодолевает по скрипучим доскам небольшой холл и оказывается в просторной комнате с тремя окнами.

– Да, – ответил Степан.

– Кто живет в этом доме?

В гостиной сидят за столом женщины. Они плетут кружева, тихонько переговариваясь между собой. Одна из женщин выглядит старше остальных и имеет начальственный вид. Степан внимательно ее рассматривает, но ничего знакомого и родного не чувствует. Из соседней комнаты слышится стон, взгляд одной из девушек устремляется на Степана. В них читается сочувствие и сострадание. Он заходит в спальню и закрывает за собой дверь. Женщина лет сорока, в белоснежной кружевной рубашке и чепчике, лежит на кровати. Ее голова мечется по подушке. У нее жар. Черноволосая девушка прикладывает к ее

лбу полотенце, смоченное водой. В этот момент Степан чувствует, что его сердце наполняется тоской и жалостью.

- Мама.
- Как зовут вашу маму?
- Эмма. Она лежит в постели.
- Почему? Сейчас же день.
- Она больна. Вернее... она умирает.
- Сколько маме лет?
- Сорок два.
- А вам сколько лет?
- Восемнадцать.
- Вы знаете, как вас зовут?

Степан еле заметно кивает, шумно сглатывает и тихо отвечает:

- Жак.
- Где ваш отец?
- Умер.
- Хорошо. Вы женаты?

Степан вглядывается в лицо черноволосой девушки. В ее взгляде он читает упрек и тоску. Он чувствует, что она на него обижена, но за что – пока не понимает.

- Нет.
- А девушка у вас есть?

В висящем на стене зеркале Степан видит свое отражение. На нем монашеская ряса коричневого цвета. Капюшон прикрывает лицо. Он снимает капюшон и видит на голове тонзуру – бритую макушку. Оставшиеся волосы образовывали кружок. Степан точно знал, что это было сделано в подражании «венца» апостола Петра.

- Нет. Мне же запрещено, – внезапно догадался он.
- Почему?
- Я монах.

Доктор сделал пометки в блокноте.

- Вы монах. Хорошо. А почему вы не в монастыре?

– Я пришел проведать маму.

– Хорошо. А у вас есть братья и сестры?

В этот момент Степан осознает, что мать – его последняя оставшаяся в живых родственница. На его глаза наворачиваются слезы. Тоска сдавливает горло.

– Они умерли, – коротко ответил он и всхлипнул.

Доктор решил, что пора приступить к основным вопросам.

– У вас есть враги?

Степан поднимает глаза на девушку, но злобы от нее не ощущает. Между ними нет недосказанности. Она недолго тосковала по нему. На безымянном пальце обручальное кольцо.

– Нет. Я – мирный человек.

– Вы с кем-нибудь ссорились?

Он точно знает, что ссорился с этой миловидной девушкой, он даже знает ее имя – Жозефина. Но причина ее тоски в том, что он выбрал не ее, а монашеский постриг.

– Нет, – решительно ответил Степан.

– Вас кто-нибудь проклинал?

– Нет.

В следующий момент, Степан обнаруживает себя на окраине города. Он видит, как Жозефина бежит к нему через мост и осознает что это их предыдущая встреча. В предвкушении свидания она светится от радости. Но по мере приближения к нему улыбка сходит с девичьего лица, она понимает, что он собирается ей сказать. Она мотает головой и кричит:

– Нет! Нет! Ты не сделаешь этого! Я люблю тебя, Жак!

Степан опускает голову, у него виноватый вид. Ему жалко девушку, но зов души сильнее. Завтра он покинет город и отправится в монастырь. Она падает в его объятия и плачет от безысходности. Он поглаживает ее волосы и в последний раз вдыхает их цветочный аромат.

Крауде взглянул на часы. До конца сеанса осталось пятнадцать минут. Он решил прокрутить время вперед, в надежде на то, что разгадка может таиться в конце жизни Жака. Поэтому он несколько раз повторил:

– Лента времени раскручивается вперед.

Очертания предметов постепенно размываются, Степан снова оказывается окруженным ярким светом.

– Степан, я досчитаю до трех, и вы попадете в последний день жизни Жака. Один... два... три... Что вы видите перед собой?

В следующий миг Степан оказывается в темном затхлом помещении небольшого размера. Его окружают серые каменные стены. Высоко, почти под потолком виднеется небольшое окно арочной формы.

– Окно в моей келье.

– Что вы делаете в келье?

Степан видит свое истощенное тело. Дотрагивается до слипшихся мокрых волос. Подушка влажная и грязная. Его тело накрыто двумя тонкими одеялами коричневого цвета. Где-то неподалеку слышатся мужские голоса.

– Лежу на соломенном матрасе, у меня лихорадка.

– Вы заболели?

– Я умираю, – взволнованно произнес Степан и начал учащенно дышать.

– Сколько вам лет?

– Сорок шесть.

– Какой это год?

– 1634 год от Рождества Христова.

Доктор сделал запись в блокноте и спросил:

– Кто с вами в келье?

Степан повернулся на звук доносившейся до него молитвы.

– Двое монахов бенедиктинцев.

– Что они делают?

– Молятся за меня.

– Хорошо. Вы прожили всю жизнь в этом монастыре?

– Нет, я у них проездом. Я ехал с посланием в Семюре-ан-Брионне.

– Что в этом послании?

– Прощение о пожертвовании.

– И что с вами случилось?

– Я заболел, и меня приютили в этом монастыре.

Доктор решил повторить свои основные вопросы:

– У вас есть враги?

– Я не знаю таких, – уверенно ответил Степан.

– Вы с кем-нибудь ссорились?

– Да, – с сожалением произнес Степан.

– С кем?

– С братьями.

– Из-за чего?

Степан видит себя стоящим за кафедрой. Его руки сотрясают воздух, он решительно и безжалостно осуждает трех братьев своего ордена за несоблюдение celibата. Его слова вызывают возмущение среди братии. Многие спорят с ним, но кинуть в его адрес ответное обвинение не могут. Всем известно, что он строго соблюдает устав Бенедикта Нурсийского.

– Я отстаивал монашеский устав. Многим это не нравилось, – ответил Степан и с силой сжал кулаки.

Доктор заметил этот жест и поспешил спросить:

– Вас кто-нибудь проклинал?

– Нет. Из-за такого не проклинают. Хотя мои призывы вызвали много возмущенных разговоров.

Доктор посмотрел на часы, время сеанса подходило к концу. Он вывел Степана из гипноза и спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Степан потянулся, поднялся с кушетки и размял мышцы.

– Нормально, – сухо ответил он и пересел в кресло.

– Какие ощущения?

– Пока я еще не разобрался, – ответил пациент после минутной паузы. – Тревожно как-то стало.

– Тревожно? Странно. Судя по тому, что вы увидели, у вас была вполне спокойная жизнь монаха.

– За два дня до смерти, когда я шел с прощением в Семюре-ан-Брионне, меня охватила такая же тревога. Предчувствие скорого конца.

– Такое ощущение – не редкость. В состоянии гипноза мы переживаем смерть и рождение, ощущения необычные и сильные. Нужно несколько дней для того, чтобы ваше сознание приняло увиденную инкарнацию.

– Мне хочется плакать.

– Вы увидели свою смерть. Эмоции будут захватывать врасплох по мере осознания. Страх, иногда гнев или сонливость. Не подавляйте их. Хотите плакать, плачьте, захотите спать, спите. Я предоставлю вам запись нашего сеанса, вы можете посмотреть ее дома. Сопоставьте то, что увидели, с тем, что вы мне рассказывали.

– Я видел девушку, ее звали Жозефина.

– Она ваша родственница? – спросил Краузе и записал имя девушки в блокнот.

– Нет-нет, она любила меня. Хотела, чтобы мы поженились. Но я выбрал монашество.

– Почему? – спросил доктор и откинулся на спинку кресла.

– Было такое ощущение, будто у меня и выбора-то не было. Мне было чуждо чувство любви к ней, это что-то неестественное и запретное для меня. Ее прикосновения и поцелуи оставляли меня равнодушным. Прижимая ее к себе в последнюю встречу, я ощущал лишь сожаление, что позволил ей в себя влюбиться. Не нужно было этого делать.

– Интересно, интересно. Такое мой пациент говорит впервые, – признался доктор и записал несколько фраз в блокнот.

Посмотрев на пациента, доктор резюмировал:

– Девушку, которая вас молила о помощи, а также старуху, проклиняющую вас, мы пока не нашли, так что придется вам прийти на третий сеанс.

– Я готов, – решительно ответил Степан.

Через несколько минут, когда Степан окончательно пришел в себя, доктор проводил его до двери и попрощался. Следующую встречу ассистентка назначила через восемь дней. Степан высказал ей свое недовольство, но без злости, лишь подметив, что хочет приблизиться к разгадке своих сновидений как можно быстрее.

***

Солнце заходило за горизонт багряным заревом. По небу грациозно плыли облака, переливаясь всеми оттенками красного цвета. Эрих лежал возле бассейна в плетеном шезлонге, накрытый кашемировым пледом. Его домработница, Вера Ивановна, поставила перед ним горячий грог из красного вина, корицы и пряностей.

– Эрих, вам пришло приглашение к адвокату Островскому на эти выходные.

Доктор никак не отреагировал на ее слова. Он всматривался в бесконечную линию горизонта и думал о жене.

«Возможно, и она сейчас тоже смотрит на этот прекрасный закат, – с надеждой думал он. Сердце разрывалось от тоски. – Сколько же ей понадобится дней, чтобы разобраться в себе? Почему она не звонит? Написала бы, если не хочет слышать мой голос. Всего пару слов. Неужели так сложно?».

– Вам нужно развеяться. Вы себя совсем не бережете, – ворчала домработница, убирая использованные полотенца после его вечернего внепланового заплыва. – Раньше вы принимали пациентов до шести часов вечера, а после отъезда Леночки задерживаетесь до девяти. Перестали спать, плохо едите. Вчера даже не притронулись к ужину, а только пили. Утром я выкинула две пустые бутылки из-под вина.

– А вы думаете, что у Островского я обрету душевный покой? – Эрих усмехнулся. – Нет, Вера Ивановна, вы сильно ошибаетесь. Наверняка он хочет предложить мне свои услуги адвоката в бракоразводном процессе. А может, сама Елена обратилась к нему, опережая меня, и он вежливо и деликатно покажет мне дорогу, по которой я пойду, если буду противиться мировому соглашению.

– Батюшки! – всплеснула руками Вера Ивановна. – Он никогда не пойдет на это. Он же ваш друг!

– Вы очень наивная и добрая женщина, Вера Ивановна. Вы оцениваете своей мерной линейкой общество, которое даже не знаете. Понятие «друг» в нашем кругу очень размытое. Друзья там, где благополучие и деньги, где шампанское льется рекой. И их не сыщешь на горизонте, когда у тебя трудности и нужда. Уверю вас, многие из наших с Еленой, так сказать, друзей уже потирают руки и

ухмыляются. Среди них, наверное, мы были единственной парой, которая прожила так долго в любви и согласии.

Доктор допил грог и поставил бокал на поднос. Вера Ивановна сочувственно покачала головой и ушла.

Оставшись один, доктор включил музыкальный центр, и патио наполнилось мелодичной композицией Дюка Эллингтона. Он прослушал «In A Sentimental Mood» пять раз подряд и думал, что именно эта мелодия поразительно соответствует облику его жены. Недаром это был ее любимый трек. Он представил, как кружит с ней в танце. Мягкое и осторожное начало мелодии напоминало походку жены. Она не ходила, а порхала, быстро передвигаясь по паркету. Соло на саксофоне похоже на ее мироощущение – загадочное, тоскливое и полное разочарования. Она всегда говорила, что окружающие люди постоянно ее разочаровывают.

«Интересно, я тоже был в их числе?», – с горечью подумал доктор.

Его мысли прервал водитель, и по совместительству телохранитель Василий – белокурый коренастый парень тридцати лет. Он протянул ему трубку домашнего телефона и сказал:

– Это вас.

– Краузе, – недовольно ответил Эрих.

Он не любил, когда его беспокоили после рабочего дня. Если вечер предстояло провести дома, он отключал мобильный телефон и занимался только домашними делами или релаксировал.

– Эрих, привет, это Ольга, – услышал он в трубке голос старшей сестры Елены. – Не могу дозвониться на твой мобильный.

– Я отключил его после работы. Есть новости? – взволнованно осведомился доктор.

– Хороших нет. Никто из семьи с Еленой не говорил. Мы тоже не можем до нее дозвониться. В социальных сетях она не появлялась больше десяти дней. В своей квартире на Кутузовском она не была уже полгода. Отец оставил ей несколько сообщений, но она не выходит на связь. Мы серьезно обеспокоены. Родители хотят к тебе приехать и поговорить.

– Конечно. Пусть приезжают.

– Ты не знаешь, куда конкретно она собиралась поехать?

– Она не сказала. Всем своим видом она дала мне понять, что хочет избавиться от моей опеки.

– Боже мой, миллионы женщин мечтают о такой опеке, а она хочет избавиться.

– Печально, но это так.

– Родители очень переживают, хотят все уладить без шума, ты понимаешь? Развод – дорогая штука, никому лишние хлопоты не нужны. Надо договориться, чтобы избежать огласки в прессе.

– Для начала ее нужно найти. А потом уже думать об огласке, – с раздражением произнес доктор.

Отбросив телефон на соседний шезлонг, который обычно занимала его супруга, Краузе протяжно застонал и сжал челюсть. Его поглотило липкое ощущение надвигающейся беды. Такое поведение было Елене не свойственно. Она могла игнорировать его, но не свою семью. Тем более отца, его она боготворила.

Глава третья

На третий сеанс Степан не пришел. Ассистентка доктора пыталась с ним связаться, но безрезультатно. Он не перезвонил и не ответил ни на одно сообщение. Такое иногда случалось, пациенты по тем или иным причинам не проходили его курс сеансов полностью, но случай со Степаном был особенным. Доктор был уверен в том, что такой основательный человек как Степан обязательно докопается до истины, уж слишком долго его мучили навязчивые сны.

Эрих набрал номер рабочего телефона своей коллеги Светланы Анисимовой.

– Светлана, добрый день.

– Привет, – ответила она растерянным голосом.

Эриху даже показалось, что она всхлипнула. Он нахмурился и быстро изложил причину звонка.

– Ты ко мне отправила своего пациента, Степана Одинцова. Он сегодня не пришел на сеанс. Ты не знаешь его домашний телефон?

– Телефон я знаю, но он тебе не поможет, – теперь в голосе Светланы зазвучали трагические нотки.

– Почему? Что случилось? – доктор напрягся.

– Он погиб сегодня, спасая женщину с ребенком. Ту самую женщину, которая ему снилась.

– Откуда такая информация? – обомлел Эрих.

– Включи телевизор, – ответила Анисимова, назвала канал и положила трубку.

Эрих потянулся к телевизионному пульта. В новостях передавали о происшествии, которое потрясло всех своей жертвенностью. Краузе сделал звук громче. Трансляция шла с места происшествия. Диктор, молодая женщина лет двадцати пяти, с наигранным драматизмом вещала на всю страну:

– Сегодня в полдень десятки очевидцев на проспекте Вернадского были потрясены мужеством и героизмом обычного мужчины, который спас женщину с ребенком от неминуемой гибели. Местная жительница Галина Смолякова вышла из автобуса с ребенком на руках и переходила дорогу по пешеходному переходу на зеленый свет. Внезапно из-за автобуса ей наперерез на большой скорости выскочил внедорожник черного цвета. От неминуемой гибели женщину и ребенка спас мужчина, шедший следом за ней. В последний момент он толкнул женщину вперед, а сам попал под колеса. По предварительным данным, полученным от инспектора ГАИ, прибывшего на место происшествия, водитель джипа был пьян.

Машина «Скорой помощи» прибыла на место происшествия уже через пятнадцать минут. Но к этому моменту мужчина уже впал в кому. С ним до последнего момента находилась спасенная им женщина и, по словам очевидцев, она пыталась удержать его в сознании. От полученных травм мужчина скончался в больнице. Нам стало известно имя этого героического человека, его звали Степан Одинцов. Три года назад Степан сам потерял семью в аварии...

Краузе никак не мог поверить в случившееся. Он таращился на экран выпученными глазами и вспоминал последнюю встречу с пациентом. Оператор крупным планом показал лужу крови. В конце репортажа диктор добавила:

– Нам также удалось одними из первых получить видеозапись с мобильного телефона очевидца происшествия...

Не дослушав окончания фразы, Краузе выключил телевизор и раздраженно отбросил пульт в сторону. Ему было искренне жаль Степана, но еще большее раздражение вызывало то, что он так и не узнал, почему его преследовали навязчивые сны.

Доктор вспомнил последние слова Степана: «За два дня до смерти, когда я шел с прошением в Семюре-ан-Брионне, меня охватила такая же тревога. Предчувствие скорого конца...» и понял, что во время сеанса гипноза Степан почувствовал приближение своей скорой смерти в этой инкарнации. Это не была память прошедшего события.

Состояние доктора было подавленным. Отменив прием всех пациентов, он собрался и уехал домой.

Дома уединиться ему тоже не удалось. Родители Елены приехали в его особняк как раз в тот момент, когда он после часового массажа решил вздремнуть.

В спальню вошла Вера Ивановна и сказала:

– Приехали по вашу душу.

– Кто? – удивился доктор.

– Маргарита Павловна и Роберт Исаакович.

– Они же хотели приехать завтра.

Домработница закатила глаза и ткнув пальцем в сторону лестницы пояснила:

– Сидят в гостиной. Она мне уже намекнула, что они еще не ужинали.

– Придется вам похлопотать, – усмехнулся Краузе.

Доктор принял душ, надел свежую рубашку и джинсы. Спустившись на первый этаж, он тепло приветствовал родителей жены и предложил им скотча.

– Нет, нет, – запротестовал Роберт Исаакович, – никакого скотча. Вино! И лучше красное!

Отец Елены – дирижер популярного на весь мир оркестра – часто отсутствовал в Москве. Это был импозантный мужчина преклонного возраста, который, впрочем, не мешал ему иметь многочисленных молодых любовниц и

периодически спускать на них приличное состояние. В его редкие набеги домой за ним неотступно следовала жена. Она старалась угодить ему в любом его желании. Всем было известно, что своего мнения у нее не было. Она часто приговаривала: «Как скажет Роберт, так и будет». Внешностью она от своей младшей дочери практически ничем не отличалась, разве что выглядела лет на десять старше и постоянно манерничала. Ее подруги завистливо шипели у нее за спиной: «Как законсервированная».

– А я ничего не буду. Я настолько выбита из колеи исчезновением дочери, что не могу даже насладиться вкусом пиццы или вина, – жеманно произнесла Маргарита Павловна. – Хотя от бокала хорошего французского вина я бы сейчас не отказалась, – тут же поменяла она свое мнение, – возможно, «Grand cru»?

– Неплохой выбор, дорогая, – похвалил ее муж и натянуто улыбнулся.

Маргарита Павловна сразу встрепенулась, и на ее лице отобразилась щенячья преданность. Она жеманно укуталась в норковое манто, хотя в особняке постоянно поддерживалась температура двадцать три градуса.

Доктор спустился в подвал, принес две бутылки вина и разлил по бокалам. Чтобы как-то заполнить возникшую паузу до ужина, Эрих поставил любимый диск жены. Услышав первые фортепьянные аккорды, дирижер начал пальцами отбивать ритм и заметно приободрился.

Разговор не клеился, и доктор решил ускорить события. Он подробно рассказал о последнем ужине и таинственном отъезде жены с чемоданами, сделав акцент на том, что как ее раньше не понимали родители и сестры, так теперь не понимает он.

– Она вся в твою сестру, Марго! Те же претензии и манера поведения! – выпалил разгоряченный рассказом зятя Роберт Исаакович.

К тому моменту Маргарита Павловна выпила уже не один бокал вина и даже не подумала оспаривать слова мужа.

– Они, кстати, друг друга очень даже не любят. Видно, подобное все-таки отталкивает подобное, – продолжил дирижер.

Разговор прервала домработница, подав ужин в столовую, и гости плавно переместились за стол.

После ужина, который прошел в полном молчании тесть протянул ему визитку и сказал:

– Хочу, чтобы ты позвонил этому психиатру. Марго сказала, что Елена ходила к ней на протяжении последнего года. Может, она что-то тебе расскажет, и найдется выход из положения. Не хочу, чтобы ваш брак распался. Я считаю тебя достойным человеком, несмотря на ту ерунду, которой ты занимаешься.

Удивлению доктора не было предела, и он не смог сдержать своей реакции:

– Елена ходила к психиатру?! Почему она мне ничего не сказала?!

Маргарита Павловна отвернулась, делая вид, что этот разговор ее никак не касается.

– Здесь наблюдается конфликт интересов. Ты по образованию тоже психиатр. Мог подвергнуть сомнению или необоснованной критике диагноз и методы лечения другого специалиста, – поспешил объяснить тесть.

– Зачем мне это делать? Я бы обязательно ей помог.

– Елена так не считала.

С ошеломленным видом доктор взял визитку и положил в карман рубашки. Гости засобирались домой, любезно попрощались и пошли к машине. Через приоткрытое окно в гостиной Краузе услышал разговор подвыпивших супругов.

– Почему ты не сказал ему, что нанял адвоката?

– Зачем заранее раскрывать карты? Может, она еще к нему вернется.

– Раз она так внезапно исчезла, значит, нашла другого. Если бы она сомневалась, она бы мне сказала, а если уехала со всем гардеробом, значит, нашла себе вместо этого сказочника более достойную партию.

Стоя у окна, доктор не мог пошевелиться. Его поразило, насколько цинично рассуждали об их пятнадцатилетнем браке родители Елены. И насколько он сам был наивен в своих предположениях. Ну конечно! Елена нашла себе другого! Поэтому такая спешка, поэтому такая тайна вокруг внезапного отъезда!

***

Доктор провел еще одну бессонную ночь. Голова раскалывалась от выпитого за ночь спиртного. Поднявшись с постели, он принял душ и спустился

на первый этаж. Вера Ивановна посмотрела на него настороженным взглядом, но промолчала.

– Доброе утро, – буркнул он недовольным тоном. – И что заставило вас прийти в субботу?

– Доброе утро, – отозвалась домработница и изучающе уставилась на доктора. – Решила прийти и приготовить вам что-нибудь вкусенькое.

– Я буду только кофе, – категорично заявил доктор и налил себе кофе из кофеварки.

Развернув газету, он ткнул указательным пальцем в заголовок на первой полосе и сказал:

– Это был мой пациент.

– Кто? – не поняла Вера Ивановна.

– Парень, который спас женщину и ребенка на проспекте Вернадского.

– Да что вы говорите! – удивилась домработница. – И зачем он к вам обращался?

Доктор счел ее вопрос бестактным, с точки зрения медицинской практики, и сказал:

– Сначала от меня ушла жена, теперь погиб пациент. Не много ли для одного месяца?

Зазвонил домашний телефон, и доктор нахмурился. Вера Ивановна подняла трубку и, услышав встревоженный женский голос, тут же передала ее доктору.

– Алло, – недовольно произнес доктор.

– Эрих, привет, это Светлана, – услышал он голос бывшей однокурсницы.

Эрих почувал неладное.

– Что случилось?

– В мой офис приходили супруги Смоляковы и следователь, ведущий дело о наезде, – взволнованно произнесла Анисимова.

– Что они хотели? – удивился доктор.

– Поговорить об Одинцове. В разговоре они несколько раз называли его маньяком.

– Понятно, – сморщился Краузе, он боялся, что именно таким эпитетом рано или поздно кто-то наградит Одинцова. – Что ты им сказала?

– Все, что знала. У следователя были оформлены все документы на изъятие моих записей. Пришлось отдать. Они спрашивали о тебе.

– Откуда они узнали обо мне?

– Нашли в его квартире запись твоего сеанса.

– Значит, надо ждать гостей?

– Да. Думаю, они придут к тебе в понедельник.

– Что тебя беспокоит? – спросил доктор, чувствуя тревогу Анисимовой.

– Следователь вызывает меня на допрос, говорит, что ко мне будут дополнительные вопросы.

– Какого рода?

– По его словам, я должна была доложить в правоохранительные органы о его состоянии, а они, соответственно, должны были предупредить Смолякову.

– Вздор! Предупредить о чем? Он ни для кого не был угрозой. Почему вообще они к тебе пришли? Парень спас жизнь женщине, пусть ищут мерзавца, который выскочил на красный свет! – воскликнул доктор.

– Эрих, они вошли в квартиру Одинцова и увидели целый арсенал для слежки и фотографии четы Смоляковых.

– Боже мой, – вздохнул Эрих, он и предположить не мог, что Одинцов оставит ворох улик в своей съемной квартире. – Тогда их состояние можно объяснить.

– У меня к тебе просьба: прими Смолякову в понедельник. Расскажи ей все о Степане. Она должна знать правду. Знаю, это против твоих правил, но согласись, ситуация необычная. Не хочу, чтобы на моего пациента повесили ярлык маньяка.

– Почему ты сама все ей не расскажешь?

– Мне запретили общаться со Смоляковыми. Я сейчас нанимаю адвоката и в понедельник поеду в следственное управление. Меня вызвали повесткой. Помогите мне, Эрих.

Взяв паузу, доктор стал размышлять. Конечно, его репутация может пострадать, если следствие пойдет по неблагоприятному пути. Еще никогда его пациенты не обвинялись в преследовании. С другой стороны, он чувствовал за собой этический долг перед Степаном.

– Хорошо, – согласился Эрих и сдал ноющий правый висок.

– Спасибо, буду тебе обязана. Я скажу ей, чтобы пришла одна, без мужа. Он очень неприятный тип.

***

В понедельник Эрих открыл дверь офиса и сразу увидел возбужденную женщину лет тридцати пяти. Глаза ее были красные от слез. Доктор представился и попросил ее пройти в кабинет.

– Меня зовут Галина, – нервно начала Смолякова садясь на предложенный стул.

– Я знаю, как вас зовут. Одинцов был моим пациентом, и он рассказывал мне о вас и показывал фотографию.

Женщина сразу изменилась в лице и жестко произнесла:

– Я требую от вас объяснений.

– Мне кажется, вы не в том положении, чтобы требовать, – сухо произнес доктор, но, вспомнив просьбу сокурсницы, добавил: – Если вы успокоитесь, мы во всем разберемся и все проясним.

– Я надеюсь. Не уйду, пока не получу объяснения, почему меня и мою семью преследовал маньяк.

– Никакой он не маньяк, – мягко возразил доктор. – Он человек, который попал в затруднительное положение и отчаянно искал выход. Лучше расскажите, что произошло, и тогда мне будет легче вам все объяснить.

Галина метнула в него негодующий взгляд, но потом все же смягчилась.

– Одинцов жил в нашем подъезде и казался вполне приличным и добрым человеком. Накануне мы вместе возвращались с остановки домой. Мы немного поговорили, он показался мне очень приличным, немного грустным, но абсолютно нормальным соседом. А вчера он пожертвовал собой и спас мне жизнь.

Ее подбородок задрожал, глаза увлажнились.

– Вот и не забывайте этого. Если бы он хотел вам навредить, то не стал бы вмешиваться в ситуацию.

– Да кто он такой?! – воскликнула женщина и зарыдала.

– Расскажите, что было после аварии? Вам удалось с ним поговорить до того, как он впал в кому?

– Он сказал: «Прости меня за все, и пусть она меня больше не проклиняет», – отозвалась тут же Галина. – Я тогда не обратила на его слова никакого внимания, думала, он бредит. Потом поехала за ним в больницу. Попросила приехать мужа. Мы как раз пытались организовать доставку донорской крови, когда врач вышел и сказал, что он умер. Я не знаю почему, но я так плакала, как будто умер мой родственник. Чувство благодарности переполняло меня, и я хотела сделать для него что-то хорошее. Мы с мужем взяли ключи в его вещах и зашли в квартиру с нашим участковым. Мы хотели найти хоть какую-то информацию о семье, чтобы сообщить о его гибели.

Галина высморкалась в платок и перестала всхлипывать.

– И вот, мы заходим в гостиную, а там висит огромная школьная доска, на которой развешаны фотографии моей семьи. Он следил за нами больше двух лет. Мы с мужем были в шоке. Участковый сразу вызвал следователей, начали обыск. Нашли его записи. У него было расписание и маршруты передвижений всех членов моей семьи. Его квартира реально похожа на логово маньяка.

– Почему вы так решили?

– Все предметы в одном количестве. Одна ложка, одна вилка, один нож, одна кружка и так далее. В квартире почти нет мебели. Диван, один стул и стол. На кухне нет даже холодильника. Я нашла его дневник и до приезда следователей успела прочитать несколько страниц. Там были фамилии с телефонами. Первый оказался телефоном экстрасенса, вторым – психолога Анисимовой. Она-то мне и рассказала, что недавно передала пациента вам. Умоляю вас, расскажите, что все это значит?

– Вы знакомы с понятием регрессивный гипноз? – вместо ответа спросил доктор.

– Анисимова мне объяснила.

– Степан обратился ко мне с просьбой помочь ему понять, почему со дня смерти жены и сына его преследуют во снах молодая и пожилая женщины. Молодая женщина постоянно просит у него пощады или помощи, а пожилая

проклинает его. Молодая женщина – это вы. Он случайно встретил вас на остановке и был так поражен, что на автомате пошел за вами.

Далее доктор рассказал Галине все, что знал о Степане. Галина внимательно слушала его и, казалось, была потрясена услышанным.

– Почему он мне ничего не сказал? – спросила она, выслушав доктора.

– Наверное, потому, что вы бы посчитали его сумасшедшим.

– Возможно, – Галина закивала.

– Ваши судьбы как-то связаны. Иначе не было бы этих снов. Я дам вам почитать свою книгу, возможно, что после нее вы сможете посмотреть на вашу ситуацию под другим углом.

– Спасибо.

Галина взяла протянутую ей книгу, посмотрела на часы и быстро произнесла:

– Извините, мне пора домой. Я рада, что нашлось хоть какое-то объяснение поступкам Степана. Хотя не думаю, что моего мужа или следствие это как-то заинтересует, – сказала Галина и поспешно покинула кабинет.

***

Через неделю Галина снова появилась в офисе Краузе. Она пришла без предварительного звонка, растерянная и смущенная. Когда доктор закончил сеанс с пациентом, Анна доложила о приходе Смоляковой, и он согласился ее принять.

– Добрый день, – тихо произнесла Галина, зайдя в кабинет.

Доктор показал ей на кресло.

– Добрый день, присаживайтесь. У меня сегодня плотная запись, у нас мало времени, что вас привело ко мне?

– Доктор Краузе..., – начала Галина.

– Пожалуйста, называйте меня Эрих.

– Эрих... я пришла, чтобы сказать вам, что следствие больше не считает Одинцова маньяком. Они думают, что после гибели его семьи у него появилась потребность кого-то спасти и защищать. По какой-то случайности он решил сконцентрироваться на мне. То, что он никогда нам не вредил, красноречиво говорит о его благих намерениях.

– О чем я вам и сказал в прошлый раз.

Доктор был сегодня беспокойным и едва сдерживал свое раздражение. Елена так и не дала о себе знать, и сегодня он планировал пойти в полицию и заявить об исчезновении жены.

– Галина, я рад, что все разрешилось, и, если вы позволите, мне нужно принять следующего пациента.

– Прошу прощения, что ввалилась к вам без предупреждения, решение было спонтанным. Мне не дает покоя поступок Одинцова. Я прочитала описанные им сновидения и прошу вас довести дело до конца. Я обязана ему жизнью, хочу хоть этим ему отплатить.

– Как? Он мертв, а я не умею мертвецов вводить в гипноз, – усмехнулся доктор.

– Работайте со мной, – твердо произнесла Галина.

– С вами?

– Да. Если мы с ним пересекались в прошлых жизнях, то вы обязательно докопаетесь до сути. Я много о вас прочитала, звонила даже двум вашим пациентам. Мы познакомились на форуме вашего сайта. Они рассказали мне свои истории и о том, как вы помогли им. Вы меня не отговорите, я все решила.

– Я вас и не пытался отговаривать, – удивился доктор, – и считаю, что вы правильно поступаете. Последствия за наши поступки, совершенные в этой жизни, мы будем отрабатывать в следующих инкарнациях. Это касается и вас. Если вы не получите ответа сейчас, то будете искать его в следующем облиии. Запишитесь на прием у моей ассистентки. Я приму вас как можно скорее.

Доктор проводил ее в приемную и, поймав вопросительный взгляд Анны, деловито произнес:

– Запись на ближайшее окно.

– Хорошо, – ответила Анна и многозначительно посмотрела на мужчину, сидевшего на диване в приемной. – К вам пришли. Это срочно.

– А где Наталья Сергеевна? Как всегда опаздывает? – спросил доктор о пациентке.

– Нет. Она ожидает в своей машине на парковке. Как только приемная освободится, она придет. Я позвонила ей и извинилась за задержку.

– Проходите, – сказал доктор незнакомцу.

Это был высокий мужчина средних лет в синем костюме в мелкую полоску и длинном плаще цвета хаки. Держался он вызывающе и высокомерно. Зайдя в кабинет вслед за доктором, он предъявил удостоверение и представился:

– Старший следователь следственного управления по Западному административному округу Жарков Владимир Юрьевич.

– С чем пожаловали, старший следователь? – спросил доктор, усаживаясь в свое кресло.

– А вы не догадываетесь?

Эрих подумал, что этот визит связан с делом о наезде на Одинцова, но решил перестраховаться и ответил:

– Нет. Так в чем дело?

– Заведено дело об исчезновении вашей жены.

Доктор опешил. Сегодня вечером они должны были подать заявление совместно с Робертом Исааковичем.

– На основании чего? – спросил доктор.

– На основании заявления ее отца.

– Роберт Исаакович подал заявление?

– Да. Вас это удивляет? Ваша жена отсутствует больше месяца, а вы не бьете тревогу.

– Сам факт подачи заявления меня не удивляет. Просто мы договаривались, что подадим его совместно. И да, меня беспокоит отсутствие жены. О чем я неоднократно говорил ее родителям.

– Они это указали в заявлении.

Возникла пауза. Следователь внимательно изучал лицо доктора и следил за каждым его телодвижением. Доктор с легкостью выдержал его взгляд и напомнил:

– Вы сказали, что у вас есть вопросы.

– Да. Что сказала вам жена в ваш последний разговор?

– Жена попросила у меня согласия на отъезд во Францию.

– Она сказала, куда именно она поедет? – насторожился следователь.

– Нет, лишь упомянула южный берег.

– Вы пытались с ней связаться?

– Да.

– Каким образом?

– Я звонил ей, но включается голосовая почта. Писал ей на электронку, но она не ответила.

– Как она объяснила свой отъезд?

– Сказала, что хочет побыть одна. Взять паузу, как сейчас принято говорить.

– Она раньше уезжала одна и вот так – внезапно?

– Нет.

– Так может, она уехала с другим мужчиной?

– Так считает ее мать. И не без оснований. Елена никогда раньше не ездила за границу в одиночестве.

– Может, она уехала с подругой? – спросил следователь и прищурился.

– Сразу я так тоже подумал, но позже выяснилось, что ее единственная подруга в Москве и никуда не уезжала.

– Вы о Кристине Джонсон?

– Да.

– Мы поговорили с ней, – надменно произнес следователь и стал по-хозяйски прохаживаться по кабинету, рассматривая дипломы на стене и обложки книг на полках резных шкафов. – Интересная барышня. Ничего не помнит, ничего не знает. Еще не выслушав причину моего прихода, послала меня к своему адвокату.

Доктор усмехнулся и сказал:

– Разумно с ее стороны.

Жарков посмотрел на него пристальным взглядом и спросил:

– Среди вашего окружения у вашей жены могли быть поклонники?

– Нет. На приемах жена от меня никогда не отлучалась, разве что в туалет. Ей, конечно, говорили комплименты, моя жена действительно очень красивая женщина, с этим никто не поспорит.

– Если бы она познакомилась с мужчиной, то где, по-вашему, это могло произойти? Где она бывала? Фитнес? Шопинг?

– В том-то и дело, что она не выходила из дома месяцами. Спортивный зал и бассейн есть у нас дома. Покупки моя жена в России не делает. Раз в три месяца мы выезжали в Париж или Милан, там она и обновляла гардероб. На приемы и любые увеселительные мероприятия мы ходили вместе. Иногда она выезжала с Кристиной, но тогда ее сопровождал наш водитель Василий.

– Вы в курсе, что ваша жена ходила к психиатру?

– Мне сказал об этом на днях ее отец.

– То есть до исчезновения жены вы этого не знали?

– Нет, – Краузе покачал головой и плотно сжал губы.

– Правильно ли я вас понял, на протяжении пятнадцати лет она постоянно сидела дома, практически ни с кем не общалась, потом собрала вещи и ушла? – с издевкой произнес следователь. – Как-то неправдоподобно звучит.

– Но именно так все и было, – ответил доктор и пожал плечами.

– Давайте пройдемся по списку тех людей, с кем она общалась.

Родственники все у меня записаны. Кто были остальные?

– Инструктор по фитнесу... – начал доктор.

– Он красивый?

– Это она, Мария Тараторкина.

– Хорошо, продолжайте, – следователь быстро записывал.

– Массажист, Олег Старков. Он приезжает к нам два раза в неделю, иногда мы просим его приехать в выходные.

– Сколько ему лет?

– Не знаю, на вид лет сорок. Он женат, у него двое детей. Имеет богатую клиентуру.

– Откуда вы его знаете?

– Друг посоветовал.

– Старков сейчас в Москве?

– Да.

– Хорошо. С кем она еще контактировала?

– Домработница, Вера Ивановна. Работает у нас около восьми лет. Водитель и охранник Василий – родственник Веры Ивановны. Работает больше трех лет. Садовник, Антон Петрович, ему лет под шестьдесят, работает с момента нашего

заезда в дом, а это – более пяти лет. Нанят фирмой, которая занимается эксплуатацией дома.

– А люди из служб доставки? Вода, кофе?

– Нет. С этими людьми общается Вера Ивановна. У Елены есть стилист Даша. Я о ней знаю только то, что порекомендовала ее Кристи. Да!.. Еще есть ювелир, он друг ее отца. Она с ним часто общалась. Ездил к нему в мастерскую.

– И как часто она к нему ездила?

– Раз в неделю или два. Елена мечтает о своем ювелирном бутике. А для этого ей необходимо хорошо разбираться в камнях. Он обучал ее.

– Сколько ему лет?

– По словам жены, ему больше семидесяти лет.

– А соседи? Вы общались с соседями?

– Нет.

– А врачи? Она же занималась своим здоровьем?

Этот вопрос заставил доктора задуматься. Следователь тут же подметил перемену.

– Что? Вы что-то вспомнили?

– Да. Мы с женой последний год пытались завести ребенка. Она ходила к нескольким специалистам на обследование.

– Как мне получить фамилии врачей?

– Моя ассистентка даст вам контакты клиник, она не раз записывала жену на прием.

– Понятно. И еще один вопрос: что вы подумали, когда жена не вышла на связь?

Эрих с раздражением вздохнул, разговор был ему неприятен.

– Я подумал, что она, как и сказала, хочет побыть одна. Без средств связи, на природе, поразмыслить и проанализировать свою жизнь. Она сказала, что сама не знает, что ей нужно для счастья.

– Хорошо. Пока все, – ответил следователь и протянул ему свою визитку. – Мы еще с вами побеседуем, не уезжайте из города.

– В следующий раз о своем визите предупреждайте моего адвоката, его контакты есть у моей ассистентки, – съехидничал доктор и проводил следователя недовольным взглядом.

Открывая дверь кабинета, следователь как бы, между прочим, сказал:

– Сегодня мы будем проводить у вас обыск. Да, чуть не забыл, вам необходимо присутствовать в доме. Адвоката тоже зовите.

Доктор удивленно вскинул брови. Внутри все закипело от злости. Он был уверен, что следователь специально убедился, что у него сегодня полная запись, и только потом организовал обыск.

– Я не могу приехать. У меня пациенты, вам придется выбрать другой день.

– К сожалению, это невозможно. Так что милости просим. Не задерживайте следственную группу.

– Я подумаю, что можно сделать, – еле сдерживаясь, произнес доктор.

После ухода следователя доктор Краузе попытался дозвониться до Островского, но его телефон был выключен. Он позвонил в офис, и его помощница сказала, что он сейчас не в Москве. Описав вкратце ситуацию, он получил консультацию у помощницы и записал мобильный телефон рекомендованного адвоката.

***

Приехав домой, доктор вошел в холл и сразу столкнулся с Верой Ивановной. Выглядела она подавленной и уставшей. Обычно к моменту его приезда с работы она уже уходила.

– Добрый вечер, вы сегодня припозднились.

– Весь день пошел насмарку. С самого утра, как только вы уехали на работу, сюда приехала полиция в сопровождении Роберта Исааковича. Они выключили домашний телефон и забрали мой мобильный.

Доктор обомлел, к голове резко прилила кровь, виски сдавила острая боль.

– Зачем? – еле смог вымолвить он.

Следователь к нему в офис приходил после обеда, а это значит, что к тому времени обыск в его доме уже шел полным ходом.

– Боялись, что я вам позвоню. Они облазили весь дом, вплоть до подвала. Искали записи Елены, забрали ее ноутбук.

– Ордер вам предъявили?

– Нет. Какой там ордер, – махнула рукой Вера Ивановна. – Я думаю, что они все это делали незаконно.

– Согласен с вами. Следствие обычно так не ведется.

– Эрих, это нужно прекратить, они вели себя здесь как хозяева. Как будто вы тоже исчезли вместе со своей женой. Я не хочу, чтобы они снова меня так напугали, как сегодня. Налетели как саранча.

– Сколько их было человек?

– Двое и ваш тесть.

– Я разберусь во всем.

Доктор прошел в свой кабинет и позвонил тестю на мобильный.

– Надеюсь, у вас есть объяснения, Роберт Исаакович?

В трубке послышался тяжелый вздох.

– Буду говорить с тобой откровенно. Без обиняков. Ты, наверное, догадывался, что мы с Марго тебя недолюбливали. Считали выскочкой и приспособленцем. Будучи еще женихом моей дочери, ты стремительно сделал карьеру, успешно используя связи наших знакомых. Вместо того, чтобы пойти по стопам своего уважаемого отца, к слову сказать, с которым ты никогда не находил общего языка, ты придумал себе иной заработок – решать проблемы людей с помощью гипноза.

– Как это относится к исчезновению вашей дочери? – не выдержал Краузе.

– Мне кажется, что Елена поняла, что ты шарлатан, и разочаровалась в тебе. А когда она тебе об этом сказала, ты впал в ярость и убил ее.

Роберт Исаакович произносил слова отрывисто и четко, по его голосу чувствовалось, как он волнуется в этот момент.

Доктор опустился в кресло, внутри все кипело, такого поворота событий он не ожидал. Теперь ему стало понятно, почему тесть прибежал в особняк в его отсутствие. Они искали зацепки, а возможно, и труп Елены.

– Вы соображаете, что несете?! – воскликнул он.

– Скажи честно, по-мужски. Что ты с ней сделал? – продолжил таким же тоном дирижер.

– Да вы с ума сошли! – закричал Краузе. – Я люблю свою жену и никогда не причиню ей зла. Даже если она от меня ушла. Даже если к другому мужчине. Это не важно! – И уже более спокойным тоном добавил: – Для меня главное, чтобы она была счастлива.

– Это просто слова! – выпалил Роберт Исаакович. – Моя дочь никогда бы не уехала не попрощавшись! Ты что-то скрываешь, Эрих! Лучше тебе начать говорить!

– Я прощаю вам ваши слова, Роберт Исаакович, – участливо произнес Эрих, – только потому, что знаю, как вы сейчас напуганы. Ужасные мысли лезут вам в голову, и вы готовы обвинять всех и вся, лишь бы заглушить боль и страдания, которые причиняет вам неизвестность. Мы вернемся к нашему разговору обо мне и о моей практике после возвращения Елены.

Положив трубку, Эрих глубоко вздохнул и ослабил галстук. В этот момент он четко осознал, что в деле о поиске жены ему больше никто не даст информации. Придется самому предпринимать какие-то действия.

Эрих захотел выпить вина, спустился на цокольный этаж и зашел в винохранилище. Как только он посмотрел на стол, сделанный из бочки, в которой некогда хранился скотч, его поразило как молнией. На столе стояла такая же открытая бутылка красного вина, что и в вечер отъезда жены.

«Что за чертовщина?» – подумал он.

Доктор сел на табурет, вынул из кармана платок. Осторожно осмотрел этикетку и саму бутылку. Тот же производитель, тот же дистрибьютор. Он огляделся вокруг – пробки нигде не было видно, затем подошел к шкафчику и закупорил бутылку пластиковой заглушкой.

Остаток вечера доктор провел в раздумье на патио особняка, глядя на поверхность воды в бассейне. Вода успокаивала и помогала упорядочить мысли.

Если бы Елена уехала с другим мужчиной, то обязательно связалась бы с родителями. В этом ее отец прав. С матерью у нее были прохладные отношения, а вот с отцом она была очень близка. Из разговора с тестем он понял, что вся семья

не на шутку перепугана. Никто не говорил вслух, но в мыслях уже проскальзывали самые фатальные предположения.

А что, если Елена действительно попала в беду? Что, если ее уже вообще нет в живых?

Впервые доктор испугался по-настоящему. Закончились дни ожидания и попытки найти объяснения в их размолвке. Настало время активных действий.

Решение он принял мгновенно. Позвонил помощнице своего адвоката и попросил телефон детектива, с которым Островский сотрудничал по рабочим вопросам. Договорившись с детективом о встрече на завтрашний вечер и вкратце изложив ему суть дела, Краузе с удовлетворением выдохнул.

Куда бы ни исчезла его жена, он докопается до разгадки.

Глава четвертая

На следующий день Галина Смолякова снова пришла на прием, и доктор решил без предварительной беседы ввести ее в регрессивный гипноз. Проблему женщины он знал, оставалось лишь понять, как докопаться до ее решения.

– Галина, представьте, что вы двигаетесь по длинному темному туннелю. Когда вы его пройдете, попадете в предыдущую жизнь. Туннель похож на цилиндр, по мере приближения к концу стены туннеля будут светлеть и превратятся в ослепительный свет. Я буду считать от десяти до одного, и, когда скажу один, вы окажетесь в прошлой жизни. При этом вы сохраните свою личность и не будете себя отождествлять с прошлой личностью. Десять... девять... вы входите в туннель и начинаете ускоряться.

Находясь под гипнозом, Галина пребывала в темноте. Ей было страшно, и это чувство сделало ее тело неподвижным. После слов доктора она увидела туннель и с опаской шагнула внутрь. Она почувствовала плотную сдавленную атмосферу, будто пребывала под водой. Появилось ощущение, что она здесь бывала раньше, и для нее это место было совершенно безопасным. Страх мгновенно улетучился, на смену ему пришло волнение.

– Восемь... семь... Вы двигаетесь все быстрее и быстрее. Шесть... пять... Стены начинают светлеть. Четыре... три... Стены почти белые, вы видите выход.

Вы бежите. Яркий ослепительный свет застилает вам глаза. Два... Один...
Галина, вы снаружи!

Выскачив из туннеля, Галина оказалась в невесомости, окруженная густым туманом. Он обволакивал все ее тело.

– Вам комфортно, и вы в безопасности. Вы слышите мой голос?

Она кивнула.

– Ответьте мне, Галина. Вы слышите мой голос?

– Да, – тихо произнесла она.

– Говорите четко и громко, где вы сейчас находитесь?

– Я в белом тумане, – сказала Галина уже громче.

– Хорошо. Вы в тумане. Туман рассеивается, и вы видите свой последний день предыдущей жизни. Посмотрите на себя. Вы мужчина или женщина?

С большой скоростью туман начинает рассеиваться, и через несколько секунд Галина уже видит свою одежду. На ней надета пышная юбка пестрой, цветастой расцветки, белая рубашка с вышитыми рукавами и воротником, а также черный жилет с простроченным кантом малинового цвета.

– Женщина, – ответила она доктору и улыбнулась.

– Сейчас день или ночь?

Туман вокруг нее окончательно рассеялся, и Галина ответила:

– Ночь.

– Вы в доме или на улице?

Галина видит просторную столовую с двумя большими окнами.

– Я в доме.

– Что вы видите перед собой?

– Массивный деревянный стол, три стула и кованую люстру.

– Хорошо. Вы одна или кто-то рядом с вами?

Увидев мальчика лет десяти, Галина стала за ним наблюдать. Он бежит по комнате и складывает ценные вещи в платок, обвязанный вокруг его пояса.

– Со мной мальчик.

– Кто он вам?

В этот момент мальчик на секунду замирает и громко ее спрашивает:

– Мама, почему ты стоишь? Надо быстрее собираться! Папа скоро за нами придет!

– Это мой сын, – ответила Галина.

– Что вы сейчас делаете?

– Собираемся, – озадаченно произнесла Галина.

– Вы куда-то уезжаете?

– Похоже на то.

– Куда вы уезжаете?

– Пока не знаю.

– Как вас зовут?

– Грася, – тут же ответила Галина и сама удивилась своей осведомленности.

– Где вы живете?

Галина посмотрела в окно и увидела городские здания и мост.

– В Варшаве. Из моего окна виден Александровский мост через Вислу.

– Какой это год?

Галина увидела на столе газету и, посмотрев на дату, взволнованно произнесла:

– 1863 год.

Заголовки газет пестрят громкими призывами к восстанию. Она смотрит в окно и видит, что большая толпа людей, вооруженных палками, вилами и косами, быстро движется в сторону мэрии.

– Сейчас тепло или холодно?

Доктор имел в виду время года, но Галина видит перед собой клубы дыма и начинает паниковать. Она мечется по дому и быстро собирает ценные вещи. Впопыхах она не разбирает, что хватает, и слышит голос сына:

– Мама, ты же сказала: самое ценное!

Она останавливается посреди комнаты и оглядывается по сторонам. Огонь быстро приближается к столовой.

– Надо уходить! – кричит она и, схватив за руку сына, бежит к выходу.

Открыв дверь столовой, они оказываются в гостиной, которая охвачена огнем...

От ужаса Галина вскрикнула, ее тело начало содрогаться на кушетке, она стала задыхаться и закашлялась.

Заметив ее реакцию, доктор с тревогой спросил:

– Что происходит? Что вы видите?

– В доме пожар! Мы не можем с сыном выбраться! – сквозь кашель ответила Галина.

В следующий момент она видит, что крепко прижимает к себе сына и говорит:

– Держись рядом со мной, попробуем выйти через кухню.

Они бегут на кухню, но огонь быстро распространяется. По потолку струится огненное облако, оно быстро перекидывается на стены и мебель. Женщина ловко преодолевает одно препятствие за другим и, в конце концов, ей с сыном почти удается добежать до двери. Когда она преодолевает последние шаги, прямо перед ними падает горящее деревянное перекрытие.

Тело Галины подпрыгнуло на кушетке, и доктор быстро спросил:

– Галина, отойдите от дома и наблюдайте происходящее со стороны! Вы в безопасности. Дышите глубоко и размеренно. Что вы видите сейчас?

– Мое тело осталось под завалом, – тихо произнесла Галина и начала всхлипывать.

– А ваш сын?

– Там же.

В этот момент Галина увидела, как мальчик тянется своей хрупкой рукой к ее руке. Он пытается дотянуться, но сил у него больше нет. Он задыхается, и она видит, как закатываются его глаза. К воротам дома подъезжает телега, запряженная одной лошастью. Мужчина лет тридцати спрыгивает с повозки и, увидев объятый пламенем дом, хватается за голову и в ужасе кричит. Пытается зайти в дом, но огонь быстро перескакивает на его сюртук, и он вынужденно отбегает назад.

– Вы умерли? – спросил доктор.

– Да, – тихо ответила она и, глубоко вздохнула.

Доктор пытался найти виновников в гибели Граси и разворачивал ситуацию вокруг пожара с разных сторон, но Галина каждый раз отвечала, что в ее смерти никто не виноват.

Краузе посмотрел на часы и продолжил сеанс. Он снова провел ее через туннель и вывел в свет.

– Где вы?

– В тумане.

– Туман рассеивается. Что вы видите?

Сквозь быстро рассеивающийся туман Галина видит густой хвойный лес. Полная луна освещает макушки деревьев и очертания людей. Где-то поблизости слышится совиный крик. Ей совсем не страшно. Она вдруг понимает, что находится в засаде. Она кого-то поджидает. Внутреннее состояние изменилось. Она собрана, сконцентрирована и исполнительна.

Через минуту Галина спокойно ответила:

– Я стою в лесу.

– Что вы там делаете?

– Прячусь.

– Хорошо. Вы прячетесь. От кого вы прячетесь?

– Я не могу сказать. Это тайна, – заговорщическим тоном произнесла она.

– Тайна? – переспросил доктор, и в душе затеплилась надежда, что он наконец-то напал на след. – Хорошо. В лесу есть с вами еще кто-нибудь?

Галина осторожно поворачивается и видит за собой группу мужчин.

– Да. Нас много.

Из дальнейших ответов доктор понял, что Галина была женщиной и жила в Саксонии. Выполняла поручения шляхтича Вацлава Будько, который был начальником тайной службы при королевском дворе. Происходило это во времена правления Августа Сильного.

– Как вас зовут? – спросил доктор Краузе.

– Экберт.

– Хорошо, Экберт. Сколько вам лет?

– Тридцать два.

– У вас есть семья?

Перед глазами Галины промелькнули воспоминания Экберта, и она ответила:

- Есть жена и сын.
- Как их зовут?
- Берта и Филипп.
- Где ваша семья?
- В Гарце.
- Вы собираетесь домой?
- Да, но сначала мне нужно выполнить тайное поручение.
- В чем состоит ваше поручение?
- Не могу сказать, – снова уклонилась от ответа Галина.
- Хорошо. Мне можно знать все тайны. Вы расскажете мне все свои тайны.

Какое поручение дал вам Вацлав Будько?

На лице Галины отразилось сомнение, и доктор повторил свою фразу:

- Вы можете рассказать мне все тайны.
- Мне нужно дождаться посредников шведского короля и незаметно провести их к месту переговоров, – наконец-то выпалила Галина.
- Зачем?

– Вацлав сказал, что наш король хочет заключить тайный сговор со шведским королем против российского царя.

Доктор решил немного прокрутить время вперед и понять, чем закончилась жизнь Экберта.

– Лента времени раскручивается вперед, – несколько раз повторил доктор – Вы находитесь в последнем дне жизни Экберта! Что вы видите перед собой?

Туман снова рассеялся, и Галина увидела небольшое помещение, похожее на сарай. Она стоит в проходе. По обе стороны от прохода разбросана солома.

- Пустое стойло для коров, – ответила она.
- Хорошо. Кто рядом с вами?

Галина видит, как двое мужчин злобного вида медленно надвигаются на нее.

- Двое мужчин. Я их не знаю. Один – высокий, с рябым лицом, другой – низкий с оттопыренными ушами, очень худой.
- Что вы там делаете?

– Я очень боюсь, – ответила она, и руки ее заметно задрожали.

– Чего вы боитесь?

В этот момент Галина увидела в руке Рябого нож и ахнула от страха.

– Смерти.

– Вам ничего не угрожает. Расслабьтесь и дышите глубже. Вы в безопасности.

Когда Галина успокоилась, доктор спросил:

– Почему вы думаете, что вам угрожает смерть?

– Высокий сказал, что я предатель. Они хотят меня убить.

Доктор сделал пометки в блокноте и подумал, что это, возможно, и есть причина проклятий. Он уточнил:

– Кого вы предали?

– Никого, но он так говорит. Я чувствую, что он не шутит. Я безоружен. Мне нечем защищаться, – ответила Галина, и ее тело снова начало дрожать, дыхание участилось, лицо покраснело.

– Вам ничего не угрожает. Вы в безопасности. Слушайте мой голос. Что они сейчас делают?

– Начинается драка. Несколько раз мне наносят ножевые ранения, я защищаюсь руками, но против ножа у меня нет шансов. Я падаю на землю, лежу, свернувшись калачиком, зажимаю раны, резкая боль. Мои убийцы внезапно оставляют меня и выходят наружу.

– Хорошо, они выходят, что делаете вы?

– Я прислушиваюсь к звукам. Слышу их шаги. Они поджигают коровник. Мне нечем дышать. Дым быстро расползается.

Галина начала кашлять и задыхаться.

– Вы в безопасности, выходите оттуда и отойдите на несколько шагов. Что вы видите?

– Они смотрят на огонь, – прохрипела Галина.

– Хорошо, подойдите к ним ближе, они вас не увидят. Что они говорят?

– Слышны мои крики, я так кричу, что мой голос заглушает их разговор.

– Теперь вы не слышите свои крики, вы слышите только их разговор. Что они говорят?

– Они спорят о деньгах. Кто-то им заплатил, чтобы они меня убили. Высокий забирает почти все деньги.

– Кто им заплатил? Кто хотел вашей смерти?

– Мой хозяин! Шляхтич Будько, – констатировала Галина. – Между ними завязывается драка.

Описанная ситуация никак не подходила к облику Степана, продолжать не было смысла, и доктор вывел пациентку из гипноза. Он сопоставил годы рождения в предыдущих воплощениях и понял, что Галина не торопилась вновь воплощаться после смерти Экберта.

Когда Галина пришла в себя, она села на кушетке и закрыла лицо руками.

– Как тяжело, – тихо произнесла она. – Я видела две свои смерти. Это больно и обидно. Смерть от огня в обеих жизнях. Вот почему я безумно боюсь огня.

– У вас пиррофобия? – переспросил доктор.

– Да. Я очень боюсь огня, видимо, он напоминает мне о прошлых жизнях. Надо же! Как интересно получается. Значит, моя фобия – не что иное, как кармическая память?

– Так случается, – мягко произнес доктор.

– Что скажете, Эрих, Степан похож на кого-нибудь, кого я описывала?

– А как вы чувствуете?

– Не думаю. Если только он не был полной противоположностью в этой жизни.

– Такое бывает редко. Обычно духовно накопленный опыт неизменно сопровождает нас во всех инкарнациях. Степан был в прошлой жизни монахом. Даже в этой жизни, после смерти семьи, он готовился уйти из мирской жизни. Вы сами видели его квартиру, он довольствовался только необходимым. В стрессе проявилась его истинная сущность, и он вспомнил монашеский аскетизм, – сказал доктор и посмотрел на часы. – Наше время вышло.

Галина взяла сумку и направилась к выходу. Открывая дверь, она спросила:

– Значит, до следующего раза?

– Да. Запишитесь на прием у Анны.

***

«Ягуар» подъехал к дому, доктор вышел из машины и направился к парадной лестнице. В холле автоматически зажегся свет, и он вошел в дом. Отключив сигнализацию, он поднялся на второй этаж и прошел в спальню.

Приняв душ, он зашел в просторную гардеробную и выбрал брюки из мягкой шерсти и трикотажный джемпер. Нужно было подготовиться к встрече с детективом. Сегодня все его тело наполняла решимость. Не было больше заунывной боли, точившей его сердце многие дни исподтишка.

Доктор спустился на первый этаж и прошел на кухню. На столе лежала записка от Веры Ивановны: «Ужин в духовке. Не забудьте про овощи!!!»

Он хотел открыть духовку и разогреть ужин, когда в парадную дверь позвонили. Василий открыл дверь и прошел на кухню.

– К вам приехал Михаил Крюков, – сказал он и протянул визитку детектива.

– Проводи, пожалуйста, его в кабинет и предложи что-нибудь выпить.

Доктор наблюдал из кухни, как Крюков поднимается по лестнице. На секунду их взгляды встретились, но детектив не стал останавливаться, только еле заметно кивнул и проследовал за водителем. Взяв папку с подготовленными документами, доктор поднялся на второй этаж.

Когда он зашел в кабинет, детектив сидел на двухместном кожаном диване и с любопытством рассматривал коллекцию старинных музыкальных инструментов. На столе лежал компактный диктофон. Не успел Краузе поздороваться, как детектив, показывая на щипковый струнный инструмент, спросил:

– Что это за инструмент? Домбра?

– Нет, – сухо ответил доктор и сел за свой рабочий стол. – Это – китайская жуань. Она была популярной в эпоху правления династии Тан.

– И вы играете на всех этих инструментах? – восторженно спросил детектив, обводя взглядом всю коллекцию.

Краузе опешил. Первой реакцией было съязвить, но он заставил себя остыть.

– Я коллекционер, а не музыкант. Итак, приступим к делу. Мне необходимо разыскать супругу. Месяц назад она собрала вещи и уехала, сказала, что ей нужны свобода и уединение. Больше ее никто не видел, ни семья, ни знакомые. Это

случилось впервые за пятнадцать лет нашего брака. Ей и раньше требовалось время от времени уединение, но из этого она не делала проблемы. Сейчас все по-другому. Она забрала большую часть гардероба, все драгоценности и несколько кредиток. Когда она уезжала, я интуитивно почувствовал, что ей нужно не уединение, она уходила от меня.

Доктор открыл папку, вынул распечатанные листы и протянул детективу.

– Это распечатка по операциям с ее кредитных карт. Они подтверждают ее прилет во Францию и размещение в отеле. Вам удалось, что-нибудь узнать о «Президент-Отеле»?

– Я был там сегодня и выяснил, что, помимо нас, ее там разыскивали еще три человека: ее подруга Кристина, следователь и женщина лет пятидесяти.

– Женщина? Может, ее мать?

– Нет, по описанию она не подходит. Ваша жена в отеле не регистрировалась, она приехала в отель сразу после благотворительного вечера и просидела в баре около трех часов, затем вызвала такси и, забрав багаж, уехала в аэропорт. Там ее видели в VIP зале. Видимо, по дороге она куда-то заезжала, потому что на ней было уже другое платье.

Доктор внимательно выслушал детектива и кивнул. Открыв папку, он вынул три скрепленных между собой распечатанных листа.

– А это распечатка ее телефонных звонков за последние три месяца.

– Список большой, придется попотеть.

– Да, придется. Главное – как можно быстрее ее найти. Остальное уже не важно, – сказал Краузе и придвинул детективу конверт. – Это – аванс. Расходы я оплачу отдельно.

Крюков проворно спрятал конверт во внутренний карман пиджака.

– Докладывать буду по мере поступления информации.

– Вы можете звонить мне до девяти часов вечера на мобильный телефон, потом я его отключаю. Если будет что-то срочное – звоните на домашний. Да!.. Чуть не забыл, еще бутылка вина!

– Бутылка? – в недоумении переспросил Крюков.

– Да. Постараюсь объяснить, – Краузе откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу. – Я очень щепетильно отношусь к своей коллекции вин. На нижнем

этаже у меня есть оборудованное по всем стандартам винохранилище. В нем несколько зон со своей индивидуальной температурой. Посторонний в хранилище не войдет. Это моя гордость и вложение средств. Бутылок, не внесенных в каталог, в хранилище тоже нет и быть не может. Если я покупаю вино для коллекции, оно сразу заносится в каталог, если я покупаю вино для употребления, вино хранится в баре на первом этаже. Поэтому жена пользовалась барным холодильником и никогда не спускалась в хранилище. Повторюсь, я очень щепетильно отношусь к своей коллекции вин. Вы меня понимаете?

– Конечно, – детектив кивнул.

– Так вот, в день отъезда жены я обнаружил в хранилище открытую бутылку вина, не внесенную в каталог.

– Жена была еще дома?

– Да.

– Возможно, это она ее туда принесла, – предположил Крюков.

– Она туда никогда не заходит. Тем более трудно себе представить, что она сама откроет бутылку. Она не знает, как штопор в руках держать. Переломает себе ногти, а ее маникюр стоит целое состояние.

– Возможно, ей помогли.

– В тот день я не придавал этому значения, но этикетку сфотографировал, потому что вино было очень приличным, я бы сказал – оно было превосходным! Но я не нашел ни одного упоминания в Интернете об изготовителе или дистрибьюторе. Это вино мы выпили с женой в день ее отъезда. Вчера, перед тем как вам позвонить, я нашел такую же бутылку и опять – в хранилище! У меня создалось такое впечатление, что кто-то играет со мной.

Доктор открыл мини-холодильник, встроенный в книжный шкаф, и вынул бутылку красного вина, запечатанную в пластиковый пакет.

– Вот оно.

Детектив покрутил бутылку и спросил:

– На ней есть ваши отпечатки?

– Нет. Я был осторожен. И вот еще что: ни в первый, ни во второй раз я не нашел пробку.

– Вот как?!

– Да. Тот, кто забрал пробку, имел на это вескую причину.

– Какую же?

– Мне кажется, только пробка могла раскрыть тайну этого вина. Вы сможете снять отпечатки с бутылки и отдать вино на анализ?

– Конечно.

Выходя из комнаты, детектив посмотрел на самый крайний инструмент и спросил:

– А это что такое?

Доктора изрядно нервировало любопытство детектива, но он справился со своим раздражением и сухо ответил:

– Это – ковок-сурнай. Флейта из тыквы, узбекский музыкальный инструмент.

– Красивая роспись.

– Звоните, как добудете новую информацию.

Детектив пожал руку Краузе и поспешил к выходу.

***

На втором сеансе гипноза Галина была сконцентрирована и решительно настроена. Быстро вошла в гипнотическое состояние, и доктор Краузе провел ее по двум предыдущим жизням. Ничего нового о прошлых инкарнациях она не сказала. Подошел момент перехода Экберта к предыдущей инкарнации, и доктор монотонным голосом произнес:

– Галина, вы перемещаетесь в самый важный день своей предыдущей жизни. Что вы видите перед собой?

Галина видит себя в форме чешского солдата. Но сразу осознает, что это не его обычная одежда. Тут же приходит понимание, где она и почему здесь оказалась. Раздавшийся рядом пушечный залп заставляет ее вздрогнуть. Кругом непрекращающиеся крики и брань. Битва в самом разгаре. С их позиции видно, как восемь тысяч венгерских всадников обращают в бегство кавалерию Максимилиана. И пока венгры занимаются грабежом, кавалерия Гогенлоэ идет в наступление. Венгры обращаются в бегство, за ними и часть чешской пехоты. Многие прыгают в воду и тут же тонут под тяжестью доспехов.

- Поле боя. Это битва на Белой Горе.
- Хорошо. Где эта гора находится?
- В предместье Праги.
- Какое сегодня число?
- Сегодня восьмое ноября 1620 года.
- Хорошо. Что вы видите перед собой?
- Много убитых и раненых. Слышу крики о помощи.
- Бой уже прошел?
- Нет, но битва уже проиграна.
- Что вы намерены делать?

Галина в мужском облики зорко следит за своим хозяином, она его телохранитель, а не участница событий. Что бы ни происходило на поле боя, это не должно причинить ему вреда.

– Мы отходим к стенам Праги. Идут разговоры о капитуляции. Я сопровождаю графа Турна. Он хочет бежать за границу.

- Как вас зовут?
- Франтишек.
- Сколько вам лет?
- Тридцать шесть.
- У вас есть семья?

Галина видит воспоминания Франтишека и отвечает:

- Да. Жена и трое дочерей.
- Где они живут?
- В Лотарингии.
- Как вы оказались в Праге?

– Я наемник. Служу графу много лет. Я объездил с ним много стран, побывал в Стамбуле, Дамаске, Иерусалиме и Александрии.

Доктор решил переместить пациентку по времени вперед и четко поставленным голосом повторил несколько раз:

– Лента времени раскручивается вперед! – затем держа наизготове блокнот и ручку, и добавил: – Вы перемещаетесь в последний день жизни Франтишека. Что вы видите перед собой?

Галина оказывается в шумном помещении. В центре комнаты стоит длинный стол. Вокруг много народа. У всех хорошее настроение.

– Я сижу за столом.

– Хорошо. Кто с вами рядом?

– Моя семья.

– Что вы делаете?

Она смотрит на танцующих людей и замечает младенца на руках белокурой молодой женщины.

– Празднуем. У меня родился внук.

«Видимо, Франтишеку удалось благополучно вернуться с войны к своей семье», – подумал доктор и вслух спросил:

– Вы счастливы?

– Да. Я много повидал, но мое место здесь, среди семьи.

Доктор решает задать главный вопрос:

– Вас кто-нибудь проклинал?

Галина качает головой и отвечает:

– Нет. Такого не было.

– А вы кого-нибудь проклинали?

– Не припомню...

Выбора не оставалось, и доктор решил продвинуться еще дальше. Он снова провел Галину через туннель и, когда она подтвердила, что вышла из него, спросил:

– Что вы видите перед собой?

Как только туман рассеялся, Галина сразу ощутила невыносимую боль в теле. Она лежит в повозке, запряженной мулом. Одежда на ней пропитана кровью. Ноги распухли и сломаны в нескольких местах. По обе стороны повозки идут двое мужчин. Они сдерживают разгоряченную толпу, которая пытается подобраться к ней. Вся процессия медленно выходит на площадь, и она видит, что почти весь город собрался посмотреть на нее.

– Площадь...

– Это город?

– Да.

– Как он называется?

– Клюни, – ответила Галина, делая ударение на последнем слоге.

– Что вы видите на площади?

– Разгоряченную толпу! – громко произнесла Галина и начала хватать ртом воздух.

– Успокойтесь, вам ничего не грозит! Вы в полной безопасности! – скомандовал доктор и продолжил: – Почему люди собрались на площади?

– Они хотят посмотреть на казнь, – ответила Галина и съежилась.

– Кого хотят казнить?

– Меня, – ответила Галина после паузы, ее губы задрожали в преддверии слез.

Краузе замер. Может на этот раз он попал на след? От предчувствия разгадки запутанной истории он почувствовал волнение.

– Как вас зовут?

– Матильда.

– Почему они хотят вас казнить?

– Меня обвиняют в колдовстве. Но я не колдунья! – закричала Галина и все тело ее начало подергиваться, как будто она пыталась высвободиться.

– Вы в безопасности. Вам ничего не грозит. Скажите мне, что сейчас происходит?

– Я не спала три дня. Тело измучено пытками. Меня привезли на площадь, я не могу идти. Мои ноги сломаны. Я кричу от боли. Меня сажают к позорному столбу и привязывают веревками. Поджигают солому. Мне нечем дышать и я хватаю ртом раскаленный и пропахший смолой воздух. Моя одежда быстро вспыхивает, я горю!

Дыхание ее стало прерывистым, лицо исказилось от боли. Руки и ноги задержались.

– Это невыносимо! – закричала она.

– Отойдите от костра. Вы не испытываете боли. Вы в безопасности. Вам не страшно. Вы просто наблюдатель. Скажите, что происходит дальше?

Дыхание стало восстанавливаться. Немного успокоившись, Галина ответила:

– Мое тело в огне. Мои крики разносятся по всей площади. Народ ликует. В толпе я вижу свою бабушку.

Доктор сразу вспомнил о старухе, которая преследовала Степана во снах.

– Подойдите к ней ближе, что она делает?

Галина видит на постаменте у стены монастыря группу священнослужителей. В первых рядах стоит молодой аббат и, поджав губы, смотрит на огонь, пожирающий плоть несчастной Матильды. Крики ее затихают, и на площади воцаряется гнетущая тишина. Все молча смотрят на тело, объятые пламенем. Больше никто не выкрикивает, никто ее не оскорбляет.

– Она не смотрит на меня, она смотрит на аббата Ключи. Глаза ее полны ненависти.

– Почему она на него смотрит?

– Он приговорил меня к смерти. Меня оговорили и сожгли на костре, – произнесла Галина с горечью.

– Что делает ваша бабушка?

Галина поворачивается в сторону пожилой женщины и наблюдает. Сухонькая старушка выходит из толпы и подходит к постаменту. Ее мозолистые руки взвиваются вверх, и крики отчаяния и проклятья летят в сторону духовенства.

– Она проклинает аббата за мою смерть. Назвала меня невинным дитя.

– Сколько же вам лет?

– Тринадцать.

Доктор был поражен. Что за дикость! Молодую девушку сожгли на костре, толпа ликует, а священники спокойно наблюдают за процессом. От напряжения пот проступил на лбу, и он потянулся за салфеткой.

– За вас никто не заступился?

– Все боятся инквизиции. Если вступятся, могут оказаться на моем месте. Я не первая, кто горит в очистительном огне.

– Почему аббат вас приговорил?

В следующий момент Галина видит идущего по площади аббата. Ему навстречу попадает красивая женщина с ребенком на руках. Он смотрит на нее с ненавистью, будто она виновата в своей красоте. Но он не может отвести от нее

глаз. Тем более что она подходит к нему и просит благословить ее ребенка. Его рука, как бы случайно, дотрагивается до ее плеча. Его глаза горят страстью, мысленно он раздевает ее. Он пытается взять себя в руки, но ему это дается с трудом. Оставшись один в своей келье, он молится и истязает себя с таким неистовством, что его одежда быстро пропитывается кровью.

– Всею виной страсть. Если он увидит в городе красивую женщину, то обвинит ее в колдовстве. Наш город расположен вокруг монастыря. Многие монахи не могут устоять против искушений, они говорят, красота – это дьявол. А дьявол должен быть уничтожен. Казнят публично, чтобы все видели.

– Вы видите аббата?

– Да.

– Опишите его.

– Молодой, стройный, высокий. Заостренные черты лица. Его губы всегда плотно сомкнуты. Глаза маленькие, пронзительные. На лице болезненная гримаса, будто он постоянно испытывает боль.

– Как его зовут?

– Гуго.

– Если вас приговорили к сожжению, то должны были быть люди, которые донесли на вас. Или вас обвинил сам аббат?

Перед глазами Галины промелькнула вся трагическая судьба Матильды, и она быстро заговорила:

– Нет. Он меня раньше никогда не видел. Бабушка держала меня подальше от монастыря. В меня влюбился молодой монах по имени Этьен. Он часто ходил с заказами от монастыря к кузнецу, который жил по соседству. Монах предлагал мне бежать с ним, но я отказалась. Тогда он вернулся в монастырь и раскаялся. Ранним утром меня вытащили из постели и привели на церковный суд. Они обвинили меня в том, что я сама его соблазнила и пыталась уговорить на побег. Они обставили все так, что он искушался самим дьяволом, который овладел моей плотью.

– Вы рассказали, как все было на самом деле?

– Да. Но мне никто не поверил, казалось, что меня даже не слушали. Они вынесли мне приговор заранее.

– Вы видите сейчас монаха, который предлагал вам сбежать?

– Да. Он стоит рядом с аббатом и плачет. Аббат наставляет его. Этьен отворачивается от огня, ему стыдно и страшно. Бабушка подходит к Этьену и что-то кричит.

– Что она кричит?

– Я не слышу.

– Подойдите поближе, вас никто не увидит, вы невидимы. Что она ему кричит?

Галина видит, как у старухи сильно дрожит подбородок, чувство безысходности и бесконечного горя сдавливает душу старой женщины. Много лет назад, когда ее сын умирал у нее на руках, она пообещала, что позаботится о его единственной красавице дочери. До этого момента она, как орлица, оберегала девушку от неприятностей. А теперь у нее отобрали единственную радость в жизни – ее внучку Матильду.

– Она прокликает его на века. Говорит, что его постигнет та же судьба, что и ее. Он будет терять близких ему людей еще молодым.

Старуха медленно продвигается к Этьену, глаза наполнены злобой и ненавистью. Ее каждое слово, как удар по наковальне, эхом разносится по площади. Испуганные горожане пятятся назад. Из ее рта брызжет слюна, ее слова больно жалят. Обезумевшая старуха рвет на себе волосы, площадь наполняется ее истошным криком. Не выдержав напряжения, Этьен падает в обморок. Толпа решает, что его поразила смерть от проклятья неистойвой старухи, и с криками ужаса разбегается с площади в разные стороны.

Только оставшись одна, старуха начинает громко оплакивать внучку. Из глаз Галины ручьем потекли слезы, она не в силах выдержать эту боль.

Краузе вздохнул с облегчением. Загадка решена. В истории Степана и Галины можно было ставить точку. Бабушка невинно убиенной девушки в состоянии аффекта послала проклятья виновникам ее смерти, в числе которых, скорее всего, и был Степан в инкарнации Этьена.

Доктор вывел Галину из гипнотического состояния, и пока она приходила в норму, поднял записи последнего сеанса Степана. В своем прошлом воплощении

Степан к восемнадцати годам потерял всю семью. Видимо, проклятья старухи были настолько сильны, что преследовали его на протяжении нескольких жизней.

Когда Галина пересела в кресло, вид у нее был подавленный и смущенный. Она вытерла платком глаза и громко простонала.

– Как вы себя чувствуете? – спросил ее Краузе.

– Наконец-то мы нашли всем объяснение, – с облегчением произнесла она.

– Как по вашим ощущениям, Степан и Этьен одно и то же лицо?

– Да, сомнений нет. Внешность у него была совсем другая, но впечатление он оставлял такое же.

– О каком впечатлении вы говорите?

– Ну, знаете, когда мы встречались, всегда создавалось ощущение, что он очень замкнут и одинок, но одиночество не доставляло ему дискомфорта. Мне казалось, что он от этого даже испытывал удовлетворение.

– Может, и так, учитывая его предыдущие воплощения. Кармическая память подсказывает нам опыт, который мы пережили в прошлых жизнях. Для Степана аскетизм и отшельничество являлись нормой – он был монахом на протяжении двух, а возможно, и больших жизней. Вот только непонятно почему он просил вас с ним сбежать, если уже тогда ему было свойственно одиночество?

– Он влюбился, – Галина покраснела и потупила взгляд, – до беспамятства... И очень болезненно переживал мой отказ.

По ее виду Краузе понял, что она видела в деталях историю взаимоотношений Этьена и Матильды, но рассказывать ему по какой-то причине не хочет. Это было право пациента, и Эрих не стал настаивать.

– Я рад, что мы докопались до истины, – сказал доктор и улыбнулся. – Он вернул вам долг, Галина, и на этом круг замкнулся. Он был виновен в вашей смерти, а несколько дней назад отдал за вас свою жизнь. Степан отработал кармический долг и, возможно, больше вы никогда не встретитесь.

– Вы знаете, напрямую он не был виновен в моей смерти. Это аббат повернул его исповедь так, что он ни в чем не виноват, а виновата девушка, опоившая его зельем и соблазнившая своей красотой чистое сердце монаха.

– Надеюсь, вы теперь обретете покой. Живите дальше, воспитывайте детей и будьте счастливы.

Галина поднялась с кресла и поблагодарила Эриха. Взяла сумочку и как-то странно посмотрела на доктора. Он поднял на нее глаза и спросил:

– Вы что-то хотели добавить?

– История Матильды еще не закончилась.

– Почему? – доктор нахмурился.

– Мне кажется, что аббат Клюни тоже пришел в мою нынешнюю жизнь, но теперь не в качестве палача... а моего мужа.

От удивления у доктора перехватило дыхание, но он быстро взял себя в руки и спросил:

– Почему вы так решили?

– Схожие черты характера и опять-таки мои ощущения. Он постоянно меня порицает, даже за каждую мелочь. Его любимое наставление для дочерей – это телесная и духовная чистота. Как видите, внешне я не красавица, но он ревнует меня к каждому встречному.

– Я исследую реинкарнацию больше десяти лет и не перестаю удивляться, как поразительно иногда сплетаются человеческие судьбы, – признался доктор.

***

Вечером Эрих расположился с бокалом вина из своей коллекции на патио рядом с бассейном и включил музыку. Красивый и уникальный голос Эллы Фицджеральд разносился по окрестности и заставлял доктора задуматься о собственной жизни. Он находился на пороге сорокапятилетия и невольно подводил итог прожитых лет и приобретенного опыта.

Как он будет жить без Елены? И что же с ней все-таки произошло?

Он нащупал в кармане джинсов визитку психиатра, которую вручил ему тесть.

«Дуброва Жанна Петровна», – прочитал он.

Эрих никогда не слышал о ней. Кто же посоветовал Елене этого специалиста?

«Наверное, ее мать», – предположил доктор.

Покрутив визитку в руках, он решил, что завтра обязательно позвонит и назначит Дубровой встречу. Завтра он узнает, что заставило его жену обратиться

втайне от него к психотерапевту. Возможно, это поможет ему установить причину ее ухода. Это будет завтра, а сегодня ему хотелось еще раз окунуться в свои фантазии.

Рука сама потянулась к пульту, и в следующую минуту послышались первые звуки мелодии Дюка Эллингтона. Через стеклянную фасадную стену с портрета в гостиной на него смотрели загадочные глаза жены. Он протянул руку и взял плед с соседнего шезлонга. Вдохнув аромат, он крепко сжал плед и закрыл глаза. Его грезы наполнились шелестом ее платья и изящными вальсовыми движениями. Шелковистые волосы спадали с плеч и развевались в такт музыке. Красавица жена улыбалась и манила его к себе. Он протянул руку и закружил с ней в танце.

– Я люблю тебя, – тихо прошептал доктор.

– Я знаю, – загадочно произнесла она и выпорхнула из его рук, как игривый и неуловимый ветерок.

Август 2013 г.

г.Москва

История вторая. «Семейный альбом»

*Ревность – остроумнейшая страсть и,
тем не менее, все еще величайшая глупость.*

Фридрих Вильгельм Ницше

Глава первая

Кабинет Краузе был заполнен людьми из съемочной группы и осветительным оборудованием. Эрих сидел, закинув ногу на ногу, в своем излюбленном кресле в стиле Людовика XVI. На белой рубашке из тончайшего египетского хлопка от швейцарской марки «Eton» бликовали украшенные бриллиантами пуговицы. Когда в съемках возникала пауза, взгляд доктора невольно устремлялся к начищенным ботинкам ручной работы от «John Lobb» – подарок жены, которые неизбежно напоминали ему об их разрыве.

Съемка продолжалась более двух часов, Краузе начинал чувствовать усталость и раздражение. С двух противоположных углов комнаты на него были направлены камеры. Напротив в кресле сидела журналистка, ведущая популярного телеканала Юлия Винтер в синем юбочном костюме и белой блузке. У Юлии было телосложение бегуньи и короткая ассиметричная стрижка. На ее коленях были разложены карточки с вопросами, которые она ловко перетасовывала, как игральные карты. Задавая очередной вопрос, Винтер встряхнула волосами и поправила очки прямоугольной формы.

– Вы утверждаете, что регрессивный гипноз успешно справляется с фобиями и страхами. Расскажите об этом.

– Применяя технику регрессивного гипноза, я уже на первом году своих исследований заметил, что мои пациенты за несколько сеансов успешно справлялись со сложными проблемами и фобиями, требовавшими многих лет традиционного лечения. Ведь зачастую фобии – это проявление пережитого трагического события, укоренившегося в кармической памяти.

– Когда вы впервые заинтересовались реинкарнацией? – спросила Винтер и проворными движениями начала перебирать карточки.

Оператор взял лицо доктора крупным планом. В комнате стояла абсолютная тишина.

– Тема реинкарнации души заинтересовала меня еще в студенческие годы. В то время я исследовал метафизику человеческого бытия и активно интересовался гипнозом, читал много философской и научной иностранной литературы. В процессе поиска я предположил, что проблема, преследовавшая меня с детства, может быть прослежена до предыдущей жизни. Я осознал причину своей фобии после первого же сеанса регрессивного гипноза и уже через месяц забыл о ней.

– И какая же фобия мучила вас? – спросила журналистка и пристально посмотрела на своего визави.

Краузе казался спокойным, но внутренне весь сжался, в памяти замелькали события предшествующие трагической смерти предыдущего воплощения.

– В детстве, как и многие другие дети, я очень боялся темноты. Но с возрастом этот страх не проходил, а еще больше усиливался. Многие сверстники подшучивали надо мной, и в школьные годы я не раз оказывался жертвой их глупых, а порой жестоких шуток и розыгрышей. После школы страх темноты стал для меня настоящей проблемой, я не мог зайти в темное или подвальное помещение. Даже в студенческом общежитии я спал с включенной настольной лампой. Как-то раз моя коллега предложила провести сеанс гипноза, и я охотно согласился. Стараясь найти разгадку в моем детстве, она довела меня до первых месяцев жизни и даже до переживаний плода внутри утробы матери. Но разгадка так и не открылась. Она решила пойти еще дальше, и в следующий момент я перескочил в прошлую жизнь и стал описывать свою смерть, которая доходчиво объясняла причину моих страхов в той инкарнации.

– Так в чем же была причина страха? – заинтригованно спросила Винтер и сощурила глаза.

– Извините, я бы не хотел об этом говорить, – учтиво произнес доктор Краузе.

Ведущая сдержанно улыбнулась, но на лице отразилось разочарование.

– Эрих, вы заинтриговали аудиторию и не даете ответа, зрители будут разочарованы.

Доктор развел руками и сказал:

– Это очень личное. Скажу только, что смерть в прошлой жизни была от многодневного заточения в темноте. Я несколько дней провел в плену и умер от обезвоживания.

– В плену? – переспросила Винтер. – Кто вас пленил?

– Как я уже сказал, мне бы не хотел вдаваться в подробности, – сухим тоном ответил Краузе.

– Хорошо, не буду настаивать, – сдалась Винтер и, взяв в руки очередную карточку, задала следующий вопрос: – Почему вы в своих книгах так много внимания уделяете самому большому страху человека – страху смерти? Ведь регрессивный гипноз, по вашим словам, дает понимание, что смерть – это лишь переходное состояние.

– Люди вынуждены подавлять страх смерти, чтобы вести нормальную жизнь. В процессе старения ощущение приближающейся смерти усиливается, а страх выступает в роли хлыста, подгоняющего нас к сакральным решениям. Но порой мы не способны отличить, что для нас действительно важно, а что – второстепенно. Мы берем на себя ответственность за жизни наших близких и стараемся выполнить свой долг. На нас давят многие обстоятельства. Как в таком положении определить, что для тебя действительно важно: духовный рост или финансовые накопления? Даже если деньги нужны не тебе, а твоим маленьким детям, что все-таки важно?

– Сложный вопрос, – согласилась Винтер.

– Даже верующие люди робеют перед смертью. Перед страхом смерти все наши земные цели кажутся бесполезными и напрасными. В какой-то мере они правы, личность действительно умирает. Она больше не воплощается. Личность – это личина, это то, что мы «надеваем» на себя как оболочку. Личность отождествляется с нашим «я». Она живет и приспосабливается к обществу, к семье, в которой мы родились, и к той, которую сами создадим впоследствии. В новой инкарнации создается новая личина, и лишь душа остается неизменной.

Душа бестелесна, она живет в другом измерении. Именно она накапливает духовный опыт и совершенствуется в новом воплощении.

– А как же воспринимать выражение «душа вышла из тела»? – встрепенулась журналистка.

– Я бы сказал, что не душа обитает в теле, а тело обитает в душе, как в коконе. Это даже можно сказать некий защитный механизм.

На лице Винтер отразился скептицизм.

– Пройдя через регрессивный гипноз, – продолжил тему доктор, – пациенты понимают, что это их не первое и не последнее воплощение. Также они понимают, что с физической смертью умирает их личность, с которой они на данный момент себя отождествляют. Поэтому, умирая, мы испытываем страх потери личности, а не страх перед смертью души. Мы понимаем, что душа бессмертна.

– Я знаю, что вы ведете подробную статистику переживаний смерти. Какие показатели у насильственной смерти ваших пациентов?

– Около шестидесяти процентов смертей происходили по естественным причинам, сюда мы можем отнести старость и болезни. Около двадцати процентов смертей были насильственными – это убийства, самоубийства и нападение животных. Пятнадцать процентов смертей были от несчастных случаев. И остальные пять процентов были по необъяснимым причинам.

– А как ваши пациенты описывают сам процесс смерти?

– Многие пациенты описывали парение над собственным телом, они наблюдали за суетой, происходившей вокруг их тела. Были случаи, когда пациенты говорили о потоке, в который они входили после смерти на некоторое время, и после потока сразу воплощались. Около трети моих пациентов заявляли, что воспаряли к белому яркому свету.

– Что ощущает душа, оставляя свое тело? – спросила Винтер и отложила карточки в сторону.

Доктор понял, что это последний вопрос, и выдохнул с облегчением.

– Душа, покидая тело, чувствует глубокую печаль по тем близким, которых оставляет в этом мире. Одно дело, когда умирает пожилой человек, совсем другое, когда молодой, не имеющий опыта и не успевший толком пожить. У них

разные ощущения смерти и разное отношение к процессу. Молодая душа изо всех сил сопротивляется смерти, можно сказать уход протекает болезненно и с негативным эмоциональным окрасом на каждом шаге перевоплощения. Нет понимания справедливости и законченности. Самой печальной смертью является смерть женщин во время родов. Мать понимает, что никто не сможет позаботиться о ее малыше, как она сама.

– Стоп! Снято! – воскликнул режиссер.

Звукооператор снял с рубашки доктора микрофон. Стилист поправила прическу телеведущей. Оператор начал переставлять камеру.

– Сейчас еще дубль заключительной реплики, и на сегодня – все! –скомандовал режиссер.

– Эрих, не забудьте, вторую часть интервью мы снимаем у вас дома на следующей неделе, – быстро произнесла помощница режиссера.

Краузе кивнул, вышел в приемную и обратился к Анне:

– Я еду домой. Как только закончатся съемки, закройте офис и на сегодня вы свободны. Что у нас на завтра?

– Расписание выслала на электронную почту. Первый прием в одиннадцать утра, – ответила Анна и протянула доктору корреспонденцию.

– Хорошо, – кивнул Краузе и вспомнил о психотерапевте жены. – Вы дозвонились до Дубровой?

– Да. Ее секретарь сказала, что Жанна Петровна принять на этой неделе вас не сможет.

– Вот как? – удивился Краузе. Ему впервые отказала коллега.

– У меня создалось впечатление, что моего звонка ждали. Уж слишком быстро она мне отказала. Но я оставила офисный телефон и попросила ее перезвонить, если у Жанны Петровны появится окно. Я сказала, что вы согласны и на получасовую консультацию.

– Правильно сделала.

Доктор просмотрел корреспонденцию, отобрал журналы по психиатрии, положил их в портфель, накинул пальто и, попрощавшись с Анной, вышел из офиса. Накрапывал мелкий осенний дождь, и доктор ускорил шаг. Водитель учтиво открыл перед ним заднюю дверь черного «Ягуара».

– Куда едем?

– Домой.

– Как прошли съемки? – скорее из вежливости, а не из любопытства спросил Василий.

– Удовлетворительно, – сухо ответил доктор и по традиции отключил мобильный телефон.

Пока машина неслась по улице Менделеева, Эрих смотрел на мелькающий за окном пейзаж. Дворники убирали опавшие листья, собранные вдоль дороги. Природа готовилась к наступлению зимы.

Осень всегда нагоняла на доктора меланхоличную тоску, а все события воспринимались сквозь призму уныния и хандры. В это время года он с супругой предпочитал уезжать в отпуск на другой континент. В осенние дождливые дни они с Еленой любили устраиваться перед камином в гостиной и обсуждать предстоящий отдых. Она приносила буклеты, вырезки из журналов и показывала ему выбранные курорты и отели. По этому поводу он всегда открывал бутылочку вина из своей знаменитой коллекции, а Елена приглашала шеф-повара из его любимого ресторана. Это был их неизменный ритуал, который предвещал новое путешествие и новые впечатления.

От нахлынувших воспоминаний у доктора заняло сердце.

«Ягуар» подъехал к дому, и Краузе неохотно вышел из машины. После отъезда жены дом стал пустым и неудобным. Эрих снял пальто и поставил портфель на консоль. Ему навстречу вышла домработница.

– Я на сегодня закончила. Ужин накрыт в столовой. Звонил Петрасевич. Просил вас перезвонить, – доложила Вера Ивановна и потянулась за болоньевой круткой.

Доктор попрощался и поднялся на второй этаж. Приняв душ, он накинул халат и вышел из ванны.

По вечерам тоска по Елене достигала своего апофеоза, и он начинал перебирать ее вещи, пробуждая воспоминания. Сегодня его внимание привлек туалетный столик жены. На столе лежало ее обручальное кольцо. Он так и не убрал его в сейф после ее ухода. Вспомнился день, когда он сделал ей предложение. Как быстро пронеслось время, он даже не заметил, как за плечами

остались пятнадцать лет семейной жизни. Вроде только вчера он стоял под руку со своей возлюбленной, окруженный родственниками и друзьями, и слышал призывные голоса «Горько!».

Эрих проверил содержимое выдвижных ящиков и обнаружил маленькую шкатулку с серьгами «Swarovski», которую он никогда раньше не видел. Взяв шкатулку в руки, он стал пристально ее рассматривать. С ней явно было что-то не так. Внутренняя глубина шкатулки не соответствовала ее внешним габаритам. Продолжив изучать шкатулку, он нащупал секретную кнопку, нажал на нее и привел в действие потайной механизм. Дно шкатулки слегка отодвинулось, обнажив доступ еще к одному отделению, в котором лежал маленький прозрачный пакетик с белым веществом. Окунув мизинец в порошок, он попробовал его на вкус. ноги подкосились, и он бесшумно опустился на кровать.

Недавно он узнал, что Елена втайне от него ходила к психотерапевту, а теперь, что она хранила в тайнике кокаин. Какие еще сюрпризы его ждут?

Доктор покрутил пакетик в руках и положил обратно в шкатулку. С минуту он сидел, не двигаясь, и пытался вспомнить, в какие дни жена могла принимать наркотики и не смог вспомнить ни одного момента, когда ее поведение могло бы вызвать у него подозрение.

Поставив шкатулку на место, он зашел в гардеробную, переоделся в брюки из мягкой шерсти и джемпер и спустился в столовую. Поужинал под музыку Дюка Эллингтона, а затем расположился на кушетке в гостиной у камина.

Вспомнив о звонке Петрасевича, его финансового директора, он набрал номер и услышал знакомый баритон:

– Как прошла съемка?

– Ничего необычного, – отмахнулся от подробностей доктор.

– Мне звонил режиссер, он вполне доволен отснятым материалом. Думаю, нам нужно поднять расценки. После эфира я ожидаю шквал звонков. Многие захотят воспользоваться твоими услугами.

– Цены и так самые высокие среди моих коллег, – недовольно констатировал доктор.

– Но не все такие популярные и профессиональные, – поправил его Петрасевич.

– Игорь, я очень ценю то, что ты для меня делаешь, но сейчас не время для перемен. Интервью ты организовал в самый неподходящий момент. Мое внимание привлечено к поиску жены, который весьма затянулся. Возможно, мне самому придется поехать во Францию.

– Одно другому не мешает. Мы здорово потратились на пиар. Расходы на последнюю книгу пока не окупились. Сейчас самое время поднять цены. Доверься мне, я знаю что делаю.

– А как же быть с прежними пациентами?

– Для них оставишь старые расценки.

– Хорошо, как скажешь, но обещай, что если поток пациентов будет уменьшаться, мы вернемся к старым расценкам.

– Обещаю, – быстро согласился Петрасевич и тут же поправился: – Но этого не произойдет.

Закончив разговор, Эрих посмотрел на часы. Детектив, с которым была назначена встреча, задерживался.

В камине потрескивали поленья, напоминая ему о тихих семейных вечерах с Еленой. Со дня ее отъезда прошло восемь недель. Восемь долгих мучительных недель, заставивших его пересмотреть свою жизнь вдоль и поперек. Он понял, что, прожив с женой пятнадцать лет, так и не узнал ее до конца. Она по сей день оставалась для него загадкой. Может, именно это привлекало и манило его к ней все эти годы.

Его размышления прервал звонок в дверь. В холле появился Василий, его водитель и по совместительству телохранитель. Он открыл дверь и помог снять пальто гостю. Пока детектив поправлял перед зеркалом взъерошенные волосы, Василий прошел в гостиную и доложил:

– К вам Михаил Крюков.

– Проводи его в кабинет, – тихо попросил Эрих.

***

Эрих открыл дверь кабинета и поздоровался с детективом за руку.

– Докладывайте, – доктор сел в свое рабочее кресло.

Крюков открыл маленький блокнот, прочистил горло и начал докладывать:

– В прошлую встречу вы просили проверить бутылку из-под вина, которая таинственным образом появилась в вашем винохранилище. Я сдал ее в лабораторию и получил результат. На бутылке не обнаружены отпечатки пальцев. Кто-то начисто протер ее фланелью, частички волокон остались на уголках этикетки. Дистрибьютор зарегистрирован в штате Калифорния. Я связался с их офисом и получил вот такой ответ: «Данная марка вина была изготовлена как первая пробная партия и использовалась только на дегустациях в винных клубах в прошлом году. Вино не экспортировалось в другие страны. Несмотря на хорошие отклики, владелец марки обанкротился, не получив достаточного финансирования на дальнейшую разработку».

– Хм. Понятно, – задумчиво произнес доктор и вспомнил, что во время прошлогоднего отпуска в Калифорнии он с женой посетил дегустацию винного клуба.

– По движению средств на кредитных картах мне удалось узнать, что ваша жена прилетела в Париж на следующий день после отъезда из дома.

– Разве она не в тот же день улетела? – удивился Эрих.

Детектив покачал головой и ответил:

– Ночь она провела в гостинице аэропорта.

– Одна?

– Служащий гостиницы сказал, что она была одна. Вылетела двенадцатичасовым рейсом авиакомпании «Air France». Вечером того же дня она зарегистрировалась в Париже в отеле «de Vendome».

– Мы никогда там не были, – задумчиво сказал доктор. – Странно. Она не любит непроверенные места.

– В Париже она жила пять дней, посетила театр «Odeon» и выступление оркестра под руководством Andre Rieu. И в том и другом случае билеты отелем были заказаны на одну персону. Совершала покупки в бутиках. Также есть информация об оплате такси, которое в четыре утра доставило ее в отель из «Barrio Latino». В этот бар ходят поклонники латиноамериканских танцев. Живая музыка, танцевальная площадка, хорошая кухня.

– Моя жена никогда не слушала такую музыку, и тем более никогда не танцевала под нее.

– Затем ваша жена поездом добралась до Ниццы, – продолжил детектив, не обращая внимания на комментарий Эриха. – Там она несколько раз расплачивалась кредитной карточкой в отеле и такси, после чего сняла оставшуюся сумму наличными и закрыла банковский счет. Другие кредитки она не использовала, поэтому ее денежный след теряется.

– А что со звонками с мобильного телефона?

– Все номера я проверил и выделил только один, на который она звонила раз в день почти всегда в одно и то же время на протяжении двух последних месяцев.

– Во сколько?

– В два часа ночи, – ответил детектив и опустил глаза, предугадывая реакцию клиента.

– Что?! – воскликнул доктор, но сразу же взял себя в руки. – В два часа ночи? Она не могла звонить в это время. В двенадцать часов мы были всегда в постели, если, конечно, не выходили развлечься. Сколько минут длился разговор?

– Всегда по-разному.

– Вы установили, кому принадлежит этот номер?

– Нет. Номер никому официально не принадлежит уже в течение года. Сейчас он заблокирован. По поводу ее телефона, по кредитке я установил, что ваша жена покупала в день вылета мужские запонки «Patek Philippe». Меня это заинтересовало. Через своего знакомого я прошел в зону Duty Free аэропорта «Шереметьево» и установил, что ваша жена, совершая покупку, забыла свой телефон на кассе бутика. Продавщица его сразу не заметила, он завалился за прилавок. Сейчас телефон находится в бюро находок аэропорта. Вы можете забрать его, для этого нужно предъявить свои документы, ведь телефон зарегистрирован на ваше имя.

– Пусть этим займется Островский, – сказал доктор, имея в виду своего адвоката, – а потом проверьте телефон, может, в нем мы найдем какие-то подсказки.

– Вопрос в том, специально она это сделала или случайно?

Эрих задумался. Сейчас, в свете новых событий, ему казалось, что Елена это сделала намеренно. Она не хотела, чтобы ей звонили, видимо, не знала, когда вернется или как объяснить свой срочный отъезд родителям.

– У меня все, – закончил детектив и закрыл блокнот.

После паузы Эрих внимательно посмотрел на Крюкова и предложил:

– Если официальная часть нашей встречи закончена, предлагаю продолжить наш разговор в гостиной и продегустировать вино из моей коллекции.

– Я за рулем.

– Мой водитель отвезет вас.

– Тогда согласен, – детектив спрятал блокнот в карман джинсов.

Они вышли из кабинета и спустились на первый этаж. Оглядев просторное помещение, разделенное на зоны мебельными группами, Крюков подметил:

– У вас очень красивый дом.

– Да. Это моя гордость, – довольным тоном ответил доктор, но тут же помрачнел и добавил: – Была. Теперь он мне не в радость.

– Из-за жены? – догадался детектив.

– Да, – доктор откупорил бутылку вина.

– Вы очень сильно отличаетесь от своих друзей.

Эрих знал, что Крюков не раз занимался сбором информации для своего основного работодателя – адвоката Островского, который в свою очередь представлял интересы почти всех его друзей, поэтому подобное заявление его не удивило.

– Чем же? – Эрих протянул ему бокал вина.

– Немногие будут страдать из-за ухода жены. Скажем так, через месяц ее уже заменит более молодая и привлекательная женщина.

– Возможно, но тогда это не любовь. А я люблю свою жену. И хочу, чтобы она была счастлива.

Отпив глоток вина, Крюков кивнул и причмокнул.

– Хорошее вино.

Доктор пристально взгляделся в лицо детектива и улыбнулся.

– Вы не любите вино, пьете его из вежливости. Я бы сказал, что вы предпочитаете более крепкие напитки.

– Да, вы правы, – усмехнулся детектив и, показав на бокал, добавил: – Но вино действительно хорошее.

– Предпочитаете коньяк? – уточнил Эрих, прищурившись.

– Да! – воскликнул Крюков. – Как вы угадали?

– Просто предположение, – улыбнулся Эрих и сел на диван.

Закинув ногу на ногу, доктор сделал несколько глотков вина и отставил бокал в сторону. Сейчас Краузе даже не смог дать оценку вкуса вина. Все мысли были о жене, и как ни старался, не смог отключиться от полученных новостей.

– Что вы думаете по поводу моей жены?

– Сложное дело, – констатировал Крюков.

– Вы думаете?

– Да. Не все так просто, как кажется на первый взгляд.

– Поясните.

– Если рассматривать версию о другом мужчине, то почему она уехала одна?

– Он мог ждать ее в Париже, – предположил доктор.

– Не думаю. Уйти от мужа женщина может только в разгар страсти, когда ум отключается и ею движет жажда любви и новизны. В такой стадии отношений пара старается не упускать ни одного удобного момента, чтобы побыть наедине. Здесь же все по-другому. Ее поклонник, должно быть, очень в себе уверен, раз спокойно ждал ее прилета в Париж. Я бы на его месте ждал возлюбленную у ворот дома. Считал бы минуты. Переживал, а вдруг ее муж не отпустит.

Эрих отвел взгляд и задумался.

– Зачем ехать в «Президент-Отель»? – продолжил излагать детектив свои соображения. – Чтобы посидеть в баре у стойки с чемоданами? Это вообще не в стиле женщины. Скорее так бы поступил мужчина. Женщина бы села в ресторане, заказала бы салат или кофе. А скорее, сняла бы номер, ну, на крайний случай ждала бы в вестибюле. Но ваша жена едет в роскошный отель со всеми вещами, а это десятки чемоданов. Сидит в баре несколько часов, где-то переодевается и только потом едет в аэропорт. Два часа ожидает в VIP зале, потом покупает билет на завтрашний день, хотя были места и на вечерний рейс. И заметьте, она уехала из роскошного отеля и останавливается в простом четырехзвездочном отеле.

– Да, все выглядит нелогично, – согласился доктор.

– Создается такое впечатление, что она от кого-то получала инструкции.

– От любовника?

– Скорее всего. Шаг за шагом он вел ее в отель рядом с аэропортом с одной целью – убедиться, что за ней нет слежки.

Эрих вскинул на детектива удивленные глаза.

– А на следующий день в аэропорту она покупает запонки! Это меня очень удивило! – воскликнул Крюков.

Лицо его покраснелось от выпитого спиртного, он расстегнул манжеты на рубашке и закатал рукава.

– Если предположить, что мужчина ее ожидал в Париже, то почему не поселился с ней в отеле? Ведь им никто и ничто не угрожало.

– Может, он ее навещал, а может, она ездила к нему, ведь у него тоже могла быть семья, – предположил Эрих.

– Все равно это не выглядит как роман. У меня большая практика, влюбленные пары так себя не ведут. Тем более что жена сама поставила вас в известность о своем отъезде и дала понять, что отныне она свободна в своих действиях.

– Что вы предлагаете предпринять дальше?

Доктор поднялся с дивана и подошел к витражному окну. Он вглядывался в мелкую рябь воды в бассейне, гонимую осенним ветром.

– Нужно ехать во Францию. Сначала в Париж, затем в Ниццу.

Детектив подробно рассказал о возможных зацепках и с чего бы он начал свое расследование. Кивком Эрих согласился с его заключениями и протянул детективу руку, давая понять, что на этом их встреча закончена.

Крюков допил вино, поставил пустой бокал на обеденный стол, попрощался и вышел в холл, где его уже ждал Василий.

Глава вторая

Секретарь доктора Анна открыла дверь офисного кабинета и доложила:

– К вам Лариса Потапова. Первый прием.

Доктор кивнул и поднялся с кресла, приветствуя новую пациентку. Это была полная женщина лет тридцати пяти, среднего роста, с тяжелым взглядом и одутловатым лицом. На ней было надето красное трикотажное платье свободного

покроя, на воротнике была приколата брошь в виде стрекозы. Плечи покрывала черная шаль из тафты. В руках она теребила носовой платок. Вид у нее был взволнованный и возбужденный. Она сдержанно улыбнулась доктору и быстро огляделась по сторонам, оценивая интерьер кабинета.

– Присаживайтесь, – доктор показал клиентке на просторное кресло, стоящее напротив его письменного стола.

– Спасибо, – робко поблагодарила она.

– Вас зовут Лариса? Правильно я понял?

– Да.

– А по отчеству?

– Просто Лариса, – ответила пациентка и смутилась.

– Хорошо. На первом сеансе я не ввожу своих пациентов в гипноз, мы просто разговариваем. Мне необходимо вникнуть в суть вашей проблемы и понять, какие вопросы нужно задавать во время сеанса и где искать решение. Расскажите мне о причине визита.

Женщина глубоко вздохнула и начала свой рассказ:

– С самого детства все наши родственники говорили, что я точная копия своей прабабушки Евдокии. Она умерла задолго до моего рождения. Я никогда не придавала этому большого значения, пока не начала перестройку родительского дома. К тому времени родители умерли, и мы с мужем долго решали, что делать с домом – продавать или ремонтировать. В итоге решили ремонтировать и наняли бригаду рабочих. Все комнаты быстро освободили, выкинув всю мебель на помойку, поскольку она была старой и не представляла никакой ценности. Но когда я добралась до чердака, то обнаружила большое скопление старинных вещей. Там я нашла прялку, которой не меньше ста лет, детскую люльку и много предметов домашней утвари. Многие предметы сильно обветшали и не поддавались реставрации, но некоторые вещи мы восстановили, и сейчас они находятся в краеведческом музее. Там же я нашла большой потертый кожаный фотоальбом, в котором было несколько старинных фотографий членов моей семьи. Это настоящий раритет. Некоторые фотографии датированы 1902 годом!

Произнося дату восторженным голосом, женщина ожидала такой же реакции от доктора, но заметив его сосредоточенный взгляд, продолжила:

– Я начала просматривать фотографии и увидела свою прабабушку. На снимке ей было примерно столько же лет, сколько сейчас мне. От неожиданности я не смогла даже пошевелиться, я так разволновалась, что даже не слышала, как муж звал меня с улицы. Он поднялся на чердак и увидел меня над фотографией. Я показала ему снимок, и он тоже сильно удивился.

– Чему же он удивился? Это просто генетическое сходство.

Вместо ответа Потапова вынула из сумочки фотографию и протянула ее доктору. Краузе взглянул на фото и заметил то, что уже сказала пациентка: между прабабушкой и правнучкой было поразительное сходство.

– Это моя прабабка, а вот теперь посмотрите, кто стоит у самого края, – патетично произнесла Потапова и вынула из сумки еще одну фотографию.

Она положила ее перед доктором и сказала:

– Это мой муж.

На фотографии был запечатлен высокий плечистый мужчина лет сорока с широкими скулами. Он был смуглый, с волнистыми волосами и правильными чертами лица. Доктор посмотрел на фото и перевел взгляд на мужчину, стоявшего с краю на коллективном фото.

– Что скажете, доктор? – с нетерпением спросила Потапова.

– Скажу, что ваш муж и этот мужчина в черном костюме очень похожи.

– Вот и я об этом! – воскликнула она.

Доктор заметил на обороте фотографии дату: март 1902 год.

– То, что я могу быть похожа на свою прабабку, меня не удивляет, но как точная копия моего мужа затесалась в семье родителей моей бабушки? Он стоит рядом с моей прабабкой Евдокией, а с другой стороны стоит ее муж, мой прадедушка Егор Пантелеевич.

– А вы узнали, кто этот мужчина?

– Нет, – разочарованно произнесла Потапова. – И это один единственный снимок, где он запечатлен. Я обращалась в архив, но вся документация была уничтожена в пожаре во время войны. Единственное, что мне удалось выяснить, это то, что снимок был сделан до их переезда в село Большой Куналей. Там и похоронили прабабку Евдокию. Говорят, она тяжело болела последние три года.

Единственные, кто мог бы мне о ней рассказать, это мои бабушка и мать, но они уже обе умерли, поэтому я и решилась на сеанс гипноза, доктор.

– Эрих, называйте меня Эрих.

– Лет пять назад я читала вашу книгу. Мне она запала на душу. Я долго размышляла, кем бы я могла быть в прошлой реинкарнации и какую жизнь прожила. Долго откладывала, но наконец-то решилась прийти. Гипноза я не боюсь, но есть страх, что могу узнать что-то, к чему совсем не готова.

– Риск есть, и вы должны себя на это настроить. Но сначала спросите себя, сможете ли вы жить дальше без ответа на вопрос: «Кто этот мужчина и почему он так похож на вашего мужа?»

– Не смогу, доктор. Это как навязчивая идея. Я не сплю толком уже две недели. Измучила себя и мужа. Я хочу разгадать эту загадку.

Доктор подробно объяснил пациентке, что она увидит не только свои предыдущие жизни, но и смерти, и даже стусил немного краски, потому что пациентка была очень впечатлительна и легко внушаема. Он рассказал о процедуре гипноза и о времени, которое обычно занимает сеанс. Далее задал ей несколько вопросов о здоровье и вредных привычках, на что пациентка ответила:

– В последнее время я переедаю, как будто ем в последний раз. Мы с мужем хорошо зарабатываем, и нет страха, что завтра не будет средств на продукты. Но, тем не менее, я постоянно ем больше, чем мне нужно, как про запас. Причем у меня нет предпочтений по поводу еды, ем все подряд, без разбора. Могу съесть мороженое, а через полчаса тарелку борща с чесноком. В семье меня за это прозвали бурундуком.

– Когда это началось?

– Два года назад. За это время я поправилась на двадцать пять килограмм.

– Это очень много! – воскликнул доктор, но, заметив смущение пациентки, быстро ретировался и задал следующий вопрос: – А хронические заболевания?

– Все проблемы со здоровьем связаны с лишним весом. Повышенное артериальное давление, проблемы с коленными суставами.

– Есть какие-то особенности, которые вам присущи? Вредные привычки?

– А у кого их нет?! – поспешно выпалила Потапова. – Я люблю поспать по утрам, меня просто бесит, если кто-то или что-то прерывает мой сон. Однажды

рано утром я, разъяренная, выскочила в одной ночной рубашке из подъезда и разбила стекло машины, сигнализация которой не давала нам спать.

– То есть вы очень агрессивны в момент пробуждения?

– Да. Особенно если разбудить меня перед рассветом.

– И во сколько вы встаете?

– В восемь. Я специально нашла компанию, в которой мой рабочий день начинается в одиннадцать часов.

– Понятно. Что-нибудь еще?

Женщина на минуту задумалась и покачала головой.

– Вот так сразу и не припомню. Вроде все.

– А ваш муж знает, что вы пришли ко мне?

– Да. Он ждет меня в машине, – ответила Потапова.

– Хорошо, на сегодня мы закончили. Запишитесь у моей ассистентки на следующий сеанс, – сказал Краузе и проводил пациентку в приемную.

***

Вернувшись вечером домой, доктор набрал номер своего тестя, но включился автоответчик. Эрих оставил сообщение с просьбой перезвонить ему и направился в кабинет. Из головы не выходила прошлогодняя поездка в Калифорнию. Именно тогда, по его мнению, его жена могла впервые встретиться со своим любовником.

Он включил ноутбук и стал просматривать фотографии с дегустации. Приглашение в винный клуб он увидел случайно на стойке рецепции в отеле, в котором они остановились. Во время еженедельной дегустации проходила презентация трех новых производителей. На презентации присутствовало около тридцати человек. Все приглашенные гости с разных континентов в той или иной степени были ценителями вина. Среди них были представители производителей, которые записывали отзывы, высказываемые гостями, сотрудники и постоянные члены клуба, а также праздные зеваки, попавшие на презентацию случайно по пригласительным билетам своих отелей.

Эрих вглядывался в лица на фотографиях и пытался представить типаж мужчины, который мог бы понравиться его жене. Его внимание привлекли трое

мужчин. Первый – представитель производителя в белом пиджаке и синих брюках, он напоминал капитана яхты. Доктор хорошо его запомнил, мужчина был в меру любезен, не навязывал свое общество и не реагировал на красноречивые взгляды одиноких дам. На лацкане пиджака виднелся бейджик. Эрих рассмотрел имя и записал в блокнот. Вторым кандидатом стал высокий темноволосый итальянец лет сорока, в бежевом льняном костюме. Он постоянно говорил с кем-то по телефону. На презентацию он приехал один, но на протяжении всего вечера за его внимание боролись две дамы. Третьим мужчиной был турист из Германии. Среднего роста, плотного телосложения и совершенно лысый. Эрих помнил, что он неплохо говорил по-русски. Туристу даже удалось несколько минут поговорить с Еленой. Третий вариант ему показался самым невероятным, потому что его жене не нравились лысые мужчины. Она часто шутила по этому поводу: «Облысение – это процесс замены причесывания головы на умывание». Но так как ему все-таки удалось завладеть ее вниманием, Эрих решил присоединить его фото к двум предыдущим кандидатурам.

Сохранив фотографии трех мужчин на «рабочем столе», Эрих выслал их по электронной почте Крюкову с комментарием: «Установите, где эти три человека находились с момента отъезда моей жены». Далее подробное описание места проведения дегустации и свои впечатления от бесед, а говорил он со всеми тремя.

После ужина Василий принес телефон и сказал:

– Ваш тесть.

Взяв трубку, Эрих торопливо произнес:

– Роберт Исаакович, добрый вечер.

Последний разговор с тестем был, мягко говоря, неприятным. Роберт Исаакович открыто обвинил зятя в исчезновении своей дочери, но Эрих обиды на него не держал, хотя и понимал, что из-за отсутствия новостей от дочери отношение к зятю у него не изменилось.

– Добрый вечер, – сухо ответил тесть. – Есть новости о Елене?

– Нет. Но у меня есть просьба. Я нанял детектива, и завтра он выезжает в Париж. Я знаю, что у вас есть там связи, нельзя ли к поиску Елены подключить Интерпол или Европол?

Роберт Исаакович знал, что без видимой причины зять бы не просил о таком одолжении.

– Рассказывай, что ты узнал, – выдал он из себя.

Доктор быстро пересказал всю имеющуюся у него информацию, а также выводы детектива.

– Да-а-а... – протянул Роберт Исаакович. – Поведение дочери, мягко говоря, странное. Такое ощущение, что она намеренно рвет все связи с прошлым. Я в замешательстве, не узнаю свою малышку.

– Так вы можете?

– Конечно, можешь рассчитывать на меня. И я настаиваю на половинной оплате счета детектива.

– Нет, Роберт Исаакович, это дело чести. Я сам доведу поиски до логического конца.

– Но что ты будешь делать, если ее найдешь? Я не хочу, чтобы она пострадала.

– Не беспокойтесь, для меня главное убедиться, что она в порядке.

Эрих поднялся на второй этаж и прошел в кабинет. Расположившись за письменным столом, он стал просматривать почту и увидел красивый белый конверт с синей каймой. Это было приглашение на симпозиум, который должен был состояться в Германии через неделю. Ему предлагали стать докладчиком на тему «Регрессивный гипноз. Мистика и прагматика».

Приглашение было как нельзя кстати. Он сможет сменить обстановку и пообщаться с коллегами. К приглашению был прикреплен список докладчиков. Ему сразу бросилась в глаза фамилия доктора Майера, с которым он был лично знаком. После института Эрих прослушал несколько его курсов на немецком языке. Именно доктор Майер открыл в нем способности гипнотерапевта, тем самым предопределив его судьбу.

Следуя инструкциям в письме, Эрих через Интернет подтвердил свое участие в симпозиуме, а остаток вечера решил посвятить просмотру записей о пациентах, которые делал в течение рабочего дня.

На середине испянного блокнотного листа он понял, что не в состоянии сконцентрироваться. Все мысли были о Елене. Невыносимая тоска сжимала

сердце. Отшвырнув в сторону блокнот, он вскочил со стула и начал лихорадочно расхаживать по кабинету. Находясь в своем просторном роскошном доме в одиночестве, он чувствовал себя как загнанный в клетку зверь. Он злился на жену из-за того, что она доставила ему столько мучений и бессонных ночей. Его разрывало изнутри от гнева, и он решил выпустить пар. Переодевшись в спортивные шорты и майку, он спустился на цокольный этаж в тренажерный зал. Надел боксерские перчатки и стал молотить грушу. Сначала его движения были ритмичными и профессиональными, но потом ярость взяла вверх и он начал беспорядочно колотить грушу руками и ногами.

Услышав шум, доносившийся из тренажерного зала, Василий приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Он хотел предложить доктору спарринг, но, подметив его настроение, так же бесшумно закрыл дверь и ушел в свою комнату.

Когда сил уже совсем не осталось, Эрих упал на гимнастический мат и зарыдал как ребенок. Он никак не мог понять, что конкретно его расстраивает. Уход жены или разочарование в жизни? Застой в личностном росте или бездействие в поисках Елены? Конечно, он скучал по жене, и ему ее безумно не хватало. Чувство недосказанности и обиды терзали его душу. Последние пятнадцать лет он посвятил семейной жизни и старался быть идеальным мужем. В детстве он так часто видел скандалы родителей, что поклялся никогда не опускаться до упреков на повышенных тонах. Ему казалось, что он всегда давал немного больше, чем мог. Превозмогая себя и свою лень, которая периодически на него нападала, он старался сделать для Елены каждый день особенным, даже когда они проводили вечера дома.

До встречи с Еленой он много внимания уделял саморазвитию и обучению, тратя по несколько часов в день на изучение профессиональной литературы. Находил время на занятия медитациями и восточными единоборствами, с помощью которых учился владеть своим телом и сознанием. Но как только он встретил Елену, все это осталось в прошлом. Чтобы поддерживать согласие в семье, он сначала отказался от единоборств, поскольку Елена считала, что тренировки делают его грубым и черствым. Под этим предлогом она частенько отказывалась от совместных ужинов и проводила вечера в библиотеке за чтением якобы интересной книги. Затем настала очередь медитаций. По словам жены,

впадая в измененное состояние сознания, Эрих терял счет времени и мог просидеть в позе лотоса добрых три часа. После чего принимал душ и сразу ложился в постель. Елена ворчала, что ждала его весь день и рассчитывала на романтический вечер, а вместо этого получала еще несколько часов одиночества.

Справедливости ради он заметил, что Елена тоже пошла на жертвы ради него. Она отказалась от концертной деятельности, хотя ее карьера шла в гору. Но гастрольные туры разлучали их на многие недели, а в то время это было для них неприемлемо.

«Лучше бы мы все оставили как есть!» – подумал он и направился в ванную.

Встав под прохладную воду, он почувствовал облегчение и с шумом выдохнул. Тоска ненадолго отступила, и, значит, сегодня он сможет наконец-то выспаться.

Глава третья

На следующий прием Лариса Потапова пришла в кабинет Краузе возбужденной, с раскрасневшимся лицом, и с ходу заявила:

– Я хочу, чтобы мой муж присутствовал на сеансе.

– Об этом не может быть и речи, – спокойно ответил доктор.

– Но почему? – удивилась Лариса.

– Потому что вы неминуемо будете ощущать в комнате присутствие третьего человека. Это будет мешать вам. Возможно, вы не сможете погрузиться в гипноз или видения будут нечеткими и размытыми. Я дам вам запись нашего сеанса, и вы сможете ее просмотреть дома вместе с мужем.

После минутного раздумья Лариса согласилась и устроилась на кушетке.

– Давление сто пятьдесят на девяносто, – сказал доктор, снимая с пациентки манжету тонометра.

– Такие показатели у меня уже больше недели, – ответила Лариса привычным тоном.

– Попробуем во время сеанса скорректировать.

Доктор нажал клавишу на пульте, и солнцезащитные шторы плотно закрыли окна кабинета.

Краузе сел напротив кушетки и приготовил блокнот.

– Закройте глаза и слушайте мой голос.

Когда пациентка расслабилась, доктор погрузил ее в гипноз. На это ушло немного больше времени, чем обычно, поскольку пациентка никак не могла отключиться от своих мыслей и жаловалась на головокружение.

– Лариса, вы находитесь на лечебном сеансе, который поможет вам разобраться с вашими проблемами. Во время сеанса вы не будете волноваться, вашему телу будет комфортно. Вы почувствуете легкость и покой. Дышите размерено, – сказал Краузе, когда Лариса наконец-то погрузилась в гипноз. – Давление приходит в норму, вы успокаиваетесь и отпускаете все свои тревоги. Пошевелите пальцами левой руки. Хорошо. Теперь правой рукой дотроньтесь до лба. Хорошо. Лента времени раскручивается назад!

Доктор Краузе провел Ларису по ее текущей жизни и довел до состояния зародыша в чреве матери. Затем он четко поставленным голосом произнес:

– Представьте, что вы двигаетесь по длинному темному туннелю. Вам не страшно. Вы в безопасности. Мой голос всегда будет с вами. Когда вы пройдете туннель, вы попадете в предыдущую жизнь. В конце туннеля вы увидите свет. Туннель похож на цилиндр, стены которого по мере приближения к концу будут светлеть и превратятся в ослепительный свет. Я буду считать от десяти до одного, и, когда скажу один, вы попадете в свою предыдущую инкарнацию. При этом вы сохраните свою личность и будете понимать, что это ваша прошлая жизнь. Вы не будете себя отождествлять с прошлой личностью.

Находясь в гипнотическом состоянии, Лариса пребывала в коконе розового цвета. После слов доктора она увидела размытые очертания туннеля и поспешила в него войти. Стенки туннеля были круглые и почти черные. От ее полупрозрачного силуэта шло розовое свечение.

– Десять... девять... Вы входите в туннель и набираете скорость. Восемь... семь... Двигаетесь все быстрее и быстрее.

Лариса ускорила шаг. Она ничего не боялась, наоборот, почувствовала состояние приближающегося восторга.

– Шесть... пять... Стены начинают светлеть, вы двигаетесь все быстрее и быстрее. Четыре... три... Стены почти белые, вы видите выход. Яркий ослепительный свет застилает вам глаза.

Увидев свет, Лариса сощурилась и прикрыла глаза рукой. Он был пронзающим и ярким. Поняв, что свет не причиняет ей дискомфорта, она убрала руку, но рассмотреть что-то вокруг ей так и не удалось.

– Два... Вы видите перед собой выход. Один... Лариса, вы снаружи! Вам комфортно, и вы в безопасности. Вы слышите меня?

– Да, – ответила женщина хриплым голосом.

– Посмотрите вокруг. Сейчас ночь или день?

Свет медленно стал гаснуть, и Лариса снова оказалась в темноте. Слабый свет от огарка свечи освещал небольшую комнату.

– Ночь, – ответила Лариса.

– Хорошо. Вы спите?

Лариса увидела себя лежащей в кровати. Рядом с кроватью стоял деревянный резной столик ручной работы. На нем она увидела стакан молока, аптечные порошки и микстуры. Затем услышала тяжелое дыхание и подумала, что в комнате с ней кто-то есть. Прислушавшись к звукам, она поняла, что это ее собственное дыхание.

– Я не сплю.

– Хорошо. Вы не спите. Где вы находитесь?

Посмотрев по сторонам, Лариса поняла, что комната, в которой она лежит, является частью деревянной избы. Дверь в ее комнату была низкой, даже человек невысокого роста должен был склонить голову, чтобы войти. Занавески на окнах и покрывало, под которым она лежала, были единственными яркими пятнами.

– В деревянном доме, – ответила Лариса.

– Хорошо. Вы живете в этом доме?

– Да.

– Вы в комнате одна?

– Да.

В этот момент она заметила, как медленно из-за горизонта пробиваются первые лучи солнца. Это вызвало у нее неопишуемый восторг.

– Светает, – ликующе произнесла она.

К ней пришло осознание того, что это ее первый за многие годы рассвет в тишине. От этого она себя чувствовала упоенно и радостно. Сегодня ей никто не помешает смотреть на рассвет.

– Хорошо. Светает. Что вы собираетесь сделать?

Лариса попыталась привстать, но не смогла. Она вдруг почувствовала сильную слабость в теле, будто силы разом оставили ее. Отдышавшись, она еле-еле подняла руку и потянулась к солнцу. Ее губы тронула слабая улыбка, а щеки прожгли едкие соленые слезы.

– Я плачу.

– Почему вы плачете? – спросил доктор и приготовился записывать.

– Я умираю, – тихо ответила Лариса.

Краузе понял, что Лариса попала в последние минуты своей прошлой жизни и спросил:

– Как вас зовут?

– Евдокия.

– Сколько вам лет?

– Сорок семь.

– Где находится ваша изба?

– Село Большой Куналей.

– Какой это год?

– 1915.

– Вы больны?

Лариса еще раз взглянула на аптекарские порошки и хриплым голосом произнесла:

– Больна душа, а страдает тело.

– Почему у вас болит душа? – спросил доктор.

– Он измучил меня.

Доктор увидел, что из глаз Ларисы потекли слезы, и быстро произнес:

– Расскажите о Евдокии. Почему страдает ее душа?

В этот момент ее рука бессильно упала на покрывало, и она испустила последний вздох.

– Я умерла, – ответила Лариса.

Доктор решил позже вернуться к разговору о душевных терзаниях и спросил:

– Что сейчас с вами происходит?

Резкий толчок заставил ее выпрыгнуть из тела. Она почувствовала невесомость. Это привело ее в восторг, и она по-детски расхохоталась.

– Я парю под потолком, – весело ответила Лариса.

– Хорошо. Что вы видите?

Дверь в комнату открылась, и Лариса увидела молодую девушку с полотенцем в руке. Она почувствовала, что ей жаль оставлять ее одну, но теперь уже ничего не поделаешь. Девушка подошла к кровати и, увидев бездыханное тело Евдокии, закричала во весь голос:

– Тятя! Тятя!

В комнату забежал мужчина лет пятидесяти. Лариса понимает, что это ее муж – высокий, худощавый, с заостренным носом и непропорционально большими ушами. Несмотря на то, что он старше Евдокии на восемь лет, физически он крепок и подтянут.

– В комнату забежали люди, – ответила она доктору.

– Что они делают?

Муж Евдокии внимательно посмотрел на лицо жены и пощупал пульс.

– Отошла, – констатировал он.

Молодая женщина начала плакать. Мужчина резко ее одернул:

– Не реви ты! Поставь на окно святую воду. Отвори все окна и двери. Принеси солому, положим ее на пол, чтобы душа знала путь. Потом беги к Ивану-могильщику, пусть принесет ее домовину. Скажи Марфе, чтобы подготовила все к погребению. У твоей матери давно была смертная одежда собрана. Рубаха, бравый материал на пелену, тесьма, атлас на домовину. Все в сундуке еёшном отыщешь.

Молодая женщина выбежала из комнаты, и муж Евдокии сел на кровать. Плечи его то и дело вздрагивали, но звуков он никаких не издавал. Она вдруг почувствовала к нему сильную неприязнь.

– Они меня готовят к похоронам, – ответила доктору Лариса.

- Кто вам эти люди?
- Муж и дочь.
- Как их зовут?
- Егор и Людмила.
- Что вы сейчас делаете? – спросил Краузе.

Лариса вдруг почувствовала, что хочет быть сейчас совсем в другом месте и ответила:

- Мне нужно кое-кого навестить.
- Как навестить, вы же умерли? – озадачено спросил доктор.
- Я могу летать, – с улыбкой на лице ответила Лариса.

Выпорхнув через окно, дух Евдокии стремительно полетел в сторону восходящего солнца. Не успела она подумать о своей конечной цели, как оказалась на кладбище.

- Где вы сейчас?
- Я на кладбище, – растерянно произнесла она.
- Вас хоронят? – уточнил доктор.
- Нет, – она огляделась по сторонам, – но это место мне знакомо.
- Вы бывали раньше на этом кладбище?
- Да. Здесь похоронена мать моего мужа.
- Почему вы оказались именно там?
- Я хотела увидеть своего друга, а попала на кладбище.
- Может, он тоже умер? – предположил доктор.
- Возможно, – озадачено произнесла Лариса, оглядывая могилы.

Одна из могил привлекла ее внимание. Она подошла ближе и увидела имя на надгробье. Пришло осознание того, что это было имя человека, который был ей дорог. Она ахнула и заплакала.

- Что происходит? Что вы увидели? – заинтриговано спросил доктор.
- Вы правы, он умер, – ответила Лариса с надрывом.
- Кто он?
- Его звали Глеб. Я когда-то его любила.

Лариса пыталась разглядеть дату его смерти, но надпись настолько выцвела, что она смогла прочитать только день его смерти.

Доктор услышал, как сработал таймер и посмотрел на часы. Сеанс нужно было заканчивать, а история Евдокии только начала проявляться. Но, не смотря на то, что ему очень хотелось узнать продолжение, Краузе был вынужден прервать повествование пациентки и вывел ее из гипноза. Когда Лариса поднялась с кушетки, у нее сильно закружилась голова, и доктор помог ей пересест в кресло. Затем померил ей давление и с довольным видом произнес:

– Сто двадцать на восемьдесят. С таким давлением в космос можно лететь.

Минут десять Лариса приходила в себя.

– Я была несчастна в браке. Всю жизнь любила другого человека. Но нас разлучила судьба.

– Егор может быть инкарнацией вашего нынешнего мужа?

– Нет, не думаю. Он злой и деспотичный человек.

– Как вы это поняли?

– Я это помнила. Он был добр ко всем, кроме меня. Если, конечно, это можно было вообще назвать добротой.

– Что еще вы почувствовали?

– Необъяснимую тягу к рассвету. Умирая, я подумала, что это первый рассвет, который я встретила в тиши и спокойствии.

Доктор сделал пометки в блокноте. Больше Лариса ничего в этот день не сказала. Попрощалась и с печальным видом покинула кабинет.

***

После рабочего дня Краузе поспешил домой. На сегодняшний вечер была назначена съемка второй части интервью. Режиссер хотел запечатлеть Эриха на фоне его комфортабельного дома, который был растиражирован во всех российских интерьерных журналах.

У дома стоял большой грузовик с логотипом телеканала. Он перегородил подъезд к воротам, доктору пришлось выйти из машины и добираться до дома по подъездной дороге. Этим сразу воспользовалась настойчивая слушательница его курсов в школе гипноза. Она выскочила из припаркованного у ворот старенького автомобиля и бросилась к нему со словами:

– Доктор Краузе, добрый вечер! Надеюсь, сегодня вы сможете мне уделить время?

– И с чего вы это взяли? – удивился Эрих.

– Потому что теперь я журналистка! – гордо воскликнула девушка и показала свое журналистское удостоверение.

Это была блондинка с короткой стрижкой, невысокого роста. Доктор ее хорошо запомнил, она уже пыталась договориться об интервью в день ухода Елены.

– Величайшее достижение, – с сарказмом произнес Эрих и вошел в ворота.

Ему на помощь подоспел водитель и оттеснил девушку за ограду.

– Вам назначено? – строго спросил он.

– Нет! – с вызовом ответила блондинка.

– Позвоните в офис и договоритесь о встрече, – водитель протянул девушке визитку.

– Не надо, – обиженно произнесла она, – я знаю его рабочий телефон.

Краузе решил немного подбодрить начинающую журналистку.

– Когда будете говорить с моей помощницей, Виктория, не забудьте продиктовать ей перечень вопросов, которые собираетесь мне задать!

Девушка сначала замерла от неожиданности, но затем улыбнулась во весь рот. На щеках появились ямочки, которые преобразили ее лицо. Из настырной молодой женщины с пробивным характером она мгновенно превратилась в жизнерадостного ребенка.

– Вы запомнили мое имя! – прокричала она.

Но доктор уже зашел в дом и оставил ее слова без комментария. Она ухмыльнулась и с довольным видом помчалась к своей машине.

В доме кипела работа. Съемочная группа устанавливала камеры и осветительные приборы рядом с камином. Металлический лязг и громкие окрики отражались от стеклянных стен и эхом разносились по всему дому.

Навстречу доктору выскочила помощница режиссера и быстро затараторила:

– Эрих, вы как раз вовремя! Сейчас гример закончит работу с Юлией и примется за вас. Вы пока переоденьтесь, мы взяли на себя смелость и заглянули в ваш гардероб. Даша, наш стилист, в принципе, уже сделала свой выбор.

Краузе кивнул и поднялся по лестнице на второй этаж. Зайдя в гардеробную, он увидел стройную брюнетку лет тридцати и сразу узнал в ней стилиста, которая иногда помогала его жене с нарядами для официальных церемоний.

– Добрый вечер, – сконфуженно произнесла она. – Я здесь немного похозяйничала, вы не против?

Доктор поздоровался и взглянул на вешалки с одеждой, которые отложила стилист.

– Моей задачей было подобрать вам домашний комплект. Помреж сказала мне, что атмосфера во время съемки должна быть уютной и раскрепощенной. Поэтому я выбрала для вас три комплекта в стиле кэжуал. Главное в этом стиле – показать раскованность и свободу. Мне очень импонирует вот этот вариант, – девушка показала на крайнюю левую вешалку, – футболка с принтом на рукавах, двухцветный жилет с кожаными хлястиками на карманах и брюки в тон жилету.

– Хм... – задумался доктор, он никогда не надевал эти вещи и даже не смог вспомнить, когда их купил.

– Вы меня помните? – внезапно спросила она.

– Конечно, вы – Даша, стилист моей жены, – быстро ответил Эрих.

– Когда я узнала, что мне предстоит работать на съемках в вашем доме, то сначала хотела подобрать вам что-нибудь из новых коллекций, потому что ваша жена однажды сказала, что вы очень внимательно относитесь к новым тенденциям. Но потом подумала, что это съемка будет в вашем доме, а ваш дом сам по себе уже легенда. Он современный, безграничный и очень воздушный. По крайней мере, я так его чувствую. Так вот, я подумала, что одежда должна быть ему под стать, то есть ультрасовременная и подчеркивающая вашу индивидуальность.

Просмотрев выбранные стилистом вещи, Краузе указал на второй вариант, в который входили рубашка, джемпер и джинсы.

– Мне нравится вот этот. Остальные варианты – слишком молодежные. Не хочу телезрителям показаться ветреным мальчишкой.

– Хороший выбор, – с готовностью и наигранно похвалила его Даша.

Доктор почувствовал, что она разочарована, но тщательно пытается это скрыть. Даша была нервной особой и постоянно покусывала ногти. При разговоре она никогда не смотрела собеседнику в глаза. Доктору девушка сразу не понравилась, она раздражала его своей готовностью быстро уступить, но потом он подумал, что без этого качества она навряд ли бы долго продержалась среди богатых клиентов.

Даша кинула мимолетный взгляд на пустые полки и смутилась.

– Что такое? – спросил доктор, заметив ее реакцию.

Она показала на женскую половину гардеробной и, пряча глаза, спросила:

– От вас ушла жена?

– Да. Ушла, – с грустью в голосе ответил Эрих и, показав на выбранные им вещи, добавил: – Вы позволите?

– Да-да, конечно, – быстро отреагировала Даша и тут же выскочила из гардеробной.

Переодевшись, Краузе вышел в коридор. Даша ждала его у лестницы. Она оценила его внешний вид и, заправив воротник рубашки за ворот джемпера, улыбнулась.

– Вы отлично выглядите.

– Спасибо, – ответил Краузе и заметил, что Даша нервно переминается с ноги на ногу.

– Вы хотите мне что-то сказать? – догадался он.

– Не знаю, насколько это важно...

– Если это о моей жене, то важно.

Даша на секунду подняла на него глаза и тут же отвела их в сторону.

– Понимаете, я не знаю, насколько это уместно... – замялась она.

– Да говорите уже! – нетерпеливо воскликнул доктор и тут же заметил, что своим возгласом привлек внимание съемочной группы.

Он схватил Дашу под локоть и отвел ее в кабинет. Вопросительно посмотрев на девушку, он спросил:

– Что вы хотели мне сказать?

Набравшись смелости, она выпалила:

– В последнюю встречу, а это было летом, Елена была очень рассеянной. После похода в аксессуарный бутик она пригласила меня на обед в ресторан, что уже было странным, раньше она никогда меня никуда не приглашала. Там она постоянно озиралась по сторонам, как ждала кого-то. Когда я спросила, что ее беспокоит, она ответила, что вы должны были прийти, но не пришли. Я сказала, что она может вам позвонить, на что она очень странно отреагировала.

– Как странно?

– Она посмотрела на телефон, как будто видит его впервые, а потом сказала, что вы, наверное, заняты, и она позвонит вам позже. Через полчаса, когда нам подали десерт, в зал вошел мужчина лет сорока в сопровождении молодой женщины. Как только он вошел, ваша жена стала себя вести очень неестественно. Она начала со мной кокетничать, невпопад улыбаться и время от времени бросать в их сторону красноречивые взгляды. Я сразу поняла, что ее внимание привлекла эта парочка.

– Как они выглядели?

– Я больше смотрела на нее, чем на него. Она была стильно одета, высокая рыжеволосая красавица с родинкой над губой. У нее на руке была красивая тату в восточном стиле. Что-то типа арабески. Но она не модель, это я точно определила. Она была слишком яркой и индивидуальной – таких на подиум не берут.

– А мужчина? – с нетерпением в голосе спросил Краузе.

– Среднего роста, был одет в серый костюм и фиолетовую рубашку.

– Мне не нужно описание его одежды, что в его внешности было особенным? Он был лысый? Полный?

– Ни то ни другое, – задумчиво ответила Даша, – волосы у него были, хотя и очень короткие, телосложение плотное, но он не был полным.

– А как мужчина реагировал на Елену?

– Он ее явно знал, хотя старался сделать вид, что они не знакомы. Мне кажется, что они друг другу подавали какие-то тайные знаки.

– Почему вы так решили?

– Я наблюдательная, – с загадочным видом констатировала Даша.

Доктор с минуту размышлял, а затем спросил:

– Чем закончилась эта сцена в ресторане?

– Елена расплатилась по счету, и мы вышли.

– Она возвращалась в зал без вас?

– Нет, – покачала головой Даша.

– А в туалет она отлучалась? – спросил доктор, вспомнив частые отлучки жены во время официальных приемов.

– Да. Она велела подождать ее в машине, а сама пошла в дамскую комнату.

Краузе быстро подошел к ноутбуку и открыл фотографии с дегустации в Калифорнии.

– Кто-нибудь из них похож на того мужчину? – спросил он и стал показывать фотографии.

Даша просмотрела внимательно фотографии и, показав на третьего претендента, воскликнула:

– Это он! Но здесь он лысый.

– Хорошо, спасибо, вы мне очень помогли, – сказал доктор и попросил ее оставить его одного.

Но Даша внезапно вспомнила:

– Да! Вот еще что! Чуть не забыла, этот мужчина и рыжеволосая девушка между собой говорили на немецком языке.

В дверь постучали, из коридора послышался голос помощницы режиссера:

– Эрих, мы готовы, можем приступить!

***

На следующий прием Лариса пришла в подавленном настроении. На ней были черное платье и такого же цвета туфли. У Эриха даже промелькнула мысль, что это не спонтанный выбор одежды, она намеренно облачилась в траур. Пациентка нервно теребила носовой платок и, пока доктор заканчивал телефонный разговор, исподлобья подозрительно поглядывала на него.

– У вас кто-то умер? – вежливо спросил Краузе, положив трубку.

– Нет, что вы! Не дай Бог! – воскликнула она. – Почему вы так решили?

– Мне во всем черном.

Она посмотрела на свое платье и усмехнулась.

– Черный цвет меня стройнит.

– Как вы себя чувствуете? – настороженно спросил доктор.

Она сделала неопределенный жест рукой и пробубнила что-то невнятное.

– Что, все так плохо?

– Да, – сдержанно ответила она, глаза увлажнились.

– Что случилось, Лариса?

– Я поругалась с мужем.

– Почему?

– На свадьбу сына приезжает моя золовка, а я терпеть ее не могу. Каждое ее появление заканчивается скандалом. Меня поразило то, что мой муж сам ее не любит, но все равно пригласил, – и, взглянув на доктора, она добавила: – Простите меня, Эрих, это просто семейные дела.

– Не извиняйтесь, я сам спросил. Если вы готовы, то мы можем начать.

Пациентка пересела на кушетку. Когда доктор сел в кресло напротив, Лариса легла и с шумом выдохнула.

– Знаете, доктор, признаюсь вам честно, я уже сама не рада своей затее. Какой черт меня понес к вам? Жила полжизни со своими проблемами и прожила бы еще столько же. А теперь к моей памяти добавились воспоминания из жизни Евдокии. Мне стало так ее жалко...

Почувствовав дрожание в голосе пациентки, Краузе поспешил ее успокоить:

– Это пройдет. Как только все разрешится, вы почувствуете сильное облегчение. Поверьте мне. Возможно, уже сегодня мы найдем ответы.

Доктор включил камеру и раскрыл блокнот. По стандартной процедуре он ввел пациентку в гипноз и провел по ее текущей жизни до входа в туннель, ведущий к предыдущей жизни:

– Как только я досчитаю от десяти до одного, вы попадете в самый решающий день прошлой жизни.

Лариса неподвижно лежала на кушетке, ее руки были плотно прижаты к бедрам. Доктор досчитал от десяти до одного.

Находясь под гипнозом, Лариса пулей выскочила из туннеля, будто ее вытолкнула какая-то неведомая сила, и оказалась в темноте. Она снова увидела себя лежащей на кровати.

– Сейчас ночь или день?

– Ночь, – ответила Лариса.

– Что вы видите перед собой?

Дверь открылась, и в комнату со свечкой в руке вошел Егор, муж Евдокии. Он выглядел намного моложе. Его лицо искажено злобной гримасой. Он будит Евдокию и приказывает ей молиться.

– Я в спальне, Егор хочет, чтобы я начала читать всенощную, – ответила Лариса доктору.

– Почему вы должны ее читать? – удивился доктор.

Евдокия медлит, Егор хватает ее за волосы и резко вытаскивает из постели.

– Вставай, бестия!

Она сначала вскрикивает от резкой боли, но потом начинает плаксиво причитать и просит хоть одно утро дать ей спокойно поспать. Он будто ее не слышит. Даже при слабом свете свечи она видит, что его глаза полны ярости, и понимает, что сейчас с ним лучше не спорить. Схватив молитвослов, она вытирает глаза и начинает тихо молиться.

– Громче молись! – грозно воскликнул Егор и больно ткнул в спину указательным пальцем.

– Мать разбудим! – взмолилась Евдокия.

– Не бойсь, бестия! Ее совесть чиста, она спит крепким сном. Вымаливай у Бога прощенья, лгунья. Да расскажи ему, как ты тарачишься на соседских мужиков, поэтому он тебя дитем и не вознаграждает. Потаскуха!

– Он говорит, что я должна вымаливать прощенье. Считает меня грешной, – ответила Лариса доктору.

– В чем ваш грех?

Перед пациенткой проносились сцена за сценой из ее предыдущей жизни. Она увидела сватовство, а затем свадьбу и первые годы совместной жизни с Егором. Лариса всхлипнула и с горечью произнесла:

– В том, что я послушалась родителей и вышла замуж за Егора. Не надо было этого делать. Ведь меня предупреждала подруга. До меня он уже был женат, и его прежняя жена умерла. В селе поговаривали, что это он ее до смерти уморил. Он вешал замок на амбар с продуктами и кормил ее только раз в несколько дней. Она тоже не могла родить. Егор ее бил и заставлял каяться. Теперь меня постигла

та же участь. Медленно, день за днем, его ревность превратила нашу жизнь в кошмар, и теперь он следит за мной днем и ночью. А когда он занят, то посылает следить за мной свою мать.

Взошло солнце, и Егор, не сказав ни слова, вышел из спальни. Евдокия с облегчением вздохнула и пошла на кухню готовить завтрак.

– Почему вы выбрали именно этот день? – спросил доктор.

Лицо Ларисы мгновенно преобразилось, она улыбнулась и сказала:

– Потому что сегодня я встретила свою единственную любовь.

В следующий момент Лариса увидела застолье в соседском доме. В родное село ненадолго вернулся друг детства ее мужа – высокий мужчина с кудрявыми волосами и искрящимися зелеными глазами. Он говорит тост и обнимает свою мать. Мать плачет от радости, старший сын снова дома. Но Глеб сразу предупреждает ее, что приехал только на побывку.

– Наше село состоит в основном из семей староверов. Но Глеб отошел от веры еще в молодости. Обычно с такими людьми нам запрещено общаться, но Глеб исключение: добрый, веселый и жизнерадостный, в нем кипит жизнь. Он – местная знаменитость, работал на Транссибе. Приехал не один, с ним друг, он фотограф. Мы встаем в два ряда, и он нас фотографирует.

В этот момент муж Евдокии поднимается из-за стола и просит друга выйти на пару слов на крыльцо дома. Во время дружеского разговора он просит помочь его достроить баню, и Глеб с удовольствием соглашается. В этот момент он видит Евдокию, которая вышла из дома вслед за своим мужем. Егор представляет ему свою жену, и их взгляды несколько секунд прикованы друг к другу. Эти несколько секунд переворачивают их жизни.

– Вы влюбились?

– Ох, с первого взгляда...

Она видит кадр за кадром из любовной истории Евдокии и Глеба. Сначала они обмениваются красноречивыми пламенными взглядами, потом тяжело вздыхают, не в силах побороть зарождающуюся любовь. Когда Егор с матерью уезжают на несколько дней к врачу в город, их чувства перерастают в страсть, они уже не в силах ей противостоять. Как только у соседей гаснет свет, Евдокия, накинув поверх рубахи темную шаль, бежит на сеновал, где ее уже поджидает

Глеб. Всю ночь они предаются любовным утехам и разговорам о будущем. Они уже не мыслят жизни друг без друга. Перед рассветом она крадучись возвращается в дом, ложится в постель, но уснуть не может – все мысли только о Глебе.

Вернувшись из города, Егор занят матерью, которая чахнет на глазах. Городской доктор поставил ей смертельный диагноз. На время Егор теряет жену из вида и не контролирует ночные молитвы. Он будит жену и сразу же уходит в комнату матери. Но бессонные ночи сваливают его с ног, и он мгновенно засыпает.

Из окна спальни Евдокия видит окно соседского дома. Глеб уже знает о странностях своего друга и осторожно наблюдает за домом. Увидев Евдокию в окне, он машет ей рукой, а она – ему в ответ. Теперь они не могут быть вместе и не перестают думать о побеге.

– Расскажите, что вы видите? – произнес доктор.

– Мы тоскуем по нашим встречам на сеновале, – томным голосом ответила Лариса, – но встречаться опасно – муж может увидеть. Глеб поджидает меня в разных местах, пытается урвать хоть мгновение.

Она чувствует, с каким жаром и страстью он прижимает ее к соседскому забору и пылко осыпает ее лицо поцелуями. Он уговаривает ее уехать с ним, и Евдокия уже согласна на все, лишь бы быть с ним рядом. Они договариваются о том, что, улучив момент, сбегут вместе из села.

Вдруг лицо Ларисы мрачнеет. Заметив резкую смену настроения, доктор спрашивает:

– Что случилось?

– Через месяц умирает мать Егора.

Лариса видит похороны и поминки. Егор убит горем, Евдокии его жаль, на время она заставляет себя не думать о Глебе, и пытается поддержать мужа. После похорон несколько дней в семье царит мир. Но проходит неделя, рано утром Егор выходит из дома на крыльцо и потягивается. Евдокия в доме моет пол. Что-то привлекло внимание Егора, и он быстро перепрыгивает через крыльцо. У Евдокии от волнения забило сердце. Предчувствуя беду, она метнулась к окну и увидела, что Егор разглядывает окурки самокруток на земле. Он поднимает бычок и

задумчиво смотрит на соседский дом. Из его знакомых курит только Глеб. От гнева он сжимает кулаки, затем оборачивается и видит в окне испуганное лицо Евдокии.

– Видимо, Глеб надеялся, что я выйду к нему ночью, и простоял несколько часов возле дома. По окуркам муж догадался, кто стоял под окнами, – сказала доктору Лариса.

– Что он предпринял?

Егор бежит в дом и хватается за руки, волочит ее в спальню. Она знает, что сейчас будет, и судорожно кричит:

– Не тронь меня! Я беременна!

– Он хотел меня избить, но я сказала ему, что беременна. Егор мечтал о ребенке больше десяти лет. Как бы ни был он ревнив, но поверил, что ребенок его. Я сказала, что Глеб только начал за мной ухаживать.

– Что произошло потом?

Лариса видит, как Евдокия тайком встречается с Глебом. Она сообщает ему о беременности. Он восторженно ее целует и прижимает к себе. Глеб не сомневается, что ребенок – его.

– Мы решаем с Глебом бежать. Он просит меня выйти утром на третий день. Будет большой церковный праздник, Вознесение Господне. Все соберутся в храме, а накануне я должна сказать больную, чтобы муж пошел в храм один.

Голос Ларисы срывается и по щеке одна за другой катятся слезы.

– Почему вы плачете?

Лариса видит, что побег влюбленных не удался. Муж опоил ее каким-то снадобьем и увез из села накануне побега вместе со всем скарбом на большой телеге, запряженной двумя лошадьми. Она печально отвечает доктору:

– Потому что больше я Глеба не видела. Муж ночью, тайком от всех, увез меня к своим родственникам в Большой Куналей. Там я и родила свою единственную дочь.

Доктор вспомнил, что, по словам Ларисы, именно там умерла Евдокия тринадцать лет спустя. Он ввел название села в поисковик и получил карту района. Оказалось, что село Большой Куналей находится в семидесяти пяти километрах от столицы Бурятии Улан-Удэ. Это было первым крупным

поселением «семейских» – так называли староверов, которые в то время из-за религиозных притеснений переселялись в село целыми семьями.

Из дальнейших вопросов Краузе узнал от Ларисы, что дальнейшая жизнь Евдокии стала невыносимой. После того как дочери исполнился год, муж продолжил свои издевательства: не давал ей спать, кормил только утром. А если видел рядом мужчину, который с ней просто поздоровался, жестоко избивал. Все последующие годы Евдокия думала о Глебе, она тешила себя надеждой, что когда-нибудь он найдет их с дочерью и увезет от злобного тирана. Но годы шли, а Глеб все не появлялся. Евдокия сильно похудела, ослабла здоровьем, и на ее лице навсегда отпечаталась скорбь.

Раздался сигнал таймера на часах, и доктор вывел пациентку из гипноза. Лариса открыла глаза и сказала:

- Глеб и есть мой муж Геннадий.
- Я так и подумал. Как вы себя чувствуете?
- Нормально, – Лариса привстала с кушетки.

Тушь размазалась по ее щекам, и она прошла в ванную, чтобы привести себя в порядок. Когда она вернулась, доктор спросил:

- Голова не кружится?
- Сегодня нет.

– У меня остались вопросы, – Краузе раскрыл блокнот, в котором делал пометки во время сеанса. – Почему Егор ограничивал вас в еде?

Лариса тяжело вздохнула и оправила складки на платье.

– Он был уверен, что сытость способствует греху, а воздержание – очищает и укрепляет дух.

– Интересно, интересно, – доктор сделал запись в блокноте.

– Голодание было не единственной моей проблемой, – многозначительно произнесла Лариса и отмахнулась.

Доктор понял, что она не хочет вдаваться в подробности, и сказал:

– Видимо, поэтому вы стали переедать. Сохранилась кармическая память. Я уже сталкивался с таким случаем. У меня была пациентка, молодая женщина, которая умерла в прошлой жизни во время войны от голода. В этой жизни она

страдала от лишнего веса. После трех лечебных сеансов она перестала переедать, села на диету и в течение года привела свой вес в норму.

– Было бы неплохо скинуть лишнее, – ответила Лариса и посмотрела на округлившиеся живот и бедра.

– Также мы нашли объяснение раздражительности по утрам. Вас будили до рассвета и заставляли молиться. Поэтому в этой жизни для вас особенно важно спать перед рассветом.

– Да! Действительно! – воскликнула Лариса и усмехнулась.

– Но ваша предыдущая жизнь не дала всех ответов. Например, почему Глеб, так страстно в вас влюбленный, не поехал на ваши поиски?

– Для меня это тоже загадка, – призналась Лариса, улыбка сошла с лица.

– Думаю, чтобы найти все ответы, нужно будет вводить в гипноз вашего мужа.

– Он не согласится! Он меня-то отговаривал! А сам точно не пойдет.

Такие слова Краузе слышал в своем кабинете неоднократно, поэтому улыбнулся и посоветовал пациентке:

– Вы предложите, а он пусть сам решает. Покажите ему запись сегодняшнего сеанса. Я уверен, что он согласится.

Лариса взяла сумочку, попрощалась с доктором и вышла из кабинета.

Глава четвертая

В последнюю неделю ноября Краузе прилетел дневным рейсом в аэропорт Дрездена. В зоне прилета его встречал водитель отеля, в котором он забронировал номер.

Небо быстро затягивало свинцовыми тучами. Накрапывал мелкий морозящий дождь со снегом. Из окна автомобиля Эрих наблюдал, как столица Саксонии готовится к Рождеству. На площадях, вдоль зданий разместились палатки с сувенирной продукцией, по всему городу были развешаны разноцветные гирлянды.

«Мерседес» с комфортом доставил доктора до отеля «Кемпински Ташенбергпалас», расположенного в исторической части города. Вестибюль

отеля был нарядно украшен к предстоящему празднику и пропитан запахом ароматной новогодней выпечки. Номер в отеле ему достался на мансардном этаже, окна из которого выходили на оперу Земпера.

Симпозиум начинался на следующий день, и Краузе решил встретиться со своим учителем, который тоже остановился в этом отеле. Он позвонил ему на мобильный телефон и узнал, что профессор сидит в баре «Paulaner». Эрих вышел на улицу и повернул за угол, зашел в бар и тепло поприветствовал старика Майера. Это был подвижный человек среднего роста, с приплюснутым носом и пронзительным взглядом. Два года назад он перенес инсульт, от которого до сих пор не оправился. Левая часть лица была немного опущена, а левая рука плохо двигалась. Он периодически ее потирал, издавая при этом присвистывающие звуки. Даже инсульт не смог ослабить его энергичность. Профессор продолжал преподавать, консультировать пациентов и участвовать в различных телевизионных передачах, посвященных гипнозу.

– Эрих! Рад, что ты прилетел сегодня! Давно не виделись! – воскликнул он на немецком языке и протянул ему руку. – Как жена?

Краузе не хотелось обсуждать семенную драму, поэтому он поздоровался с Майером и коротко ответил:

– Все в порядке.

Беседа продлилась два часа. За это время они обсудили интересные случаи из практики, новшества в гипнотерапии и предстоящий симпозиум. Пили темное пиво и ели жаркое из говядины. Профессор периодически отпускал едкие шуточки в сторону коллег, чем каждый раз вызывал недоумение на лице Краузе.

– Мне скоро семьдесят лет, Эрих, мне уже позволено говорить правду, – отшучивался Майер.

На следующий день они с профессором не спеша дошли до конференц-зала и одними из последних зарегистрировались на стойке рецепции. Когда им выдали бейджики с их именами, они проследовали в просторный зал, в котором уже собрались ведущие гипнологи Европы.

Подходя к двери, Эрих заметил выставочный стенд, на котором были изображены портреты всех докладчиков. Его внимание привлек портрет доктора Рихтера, в котором он сразу узнал лысого собеседника жены на фотографии с

дегустации. Но теперь доктор не был лысым, густой слой коротко стриженных волос покрывал его голову. Эрих показал на фото и спросил профессора:

– Вы его знаете?

– Конечно, он учился у меня двумя годами позже твоего выпуска. Специализируется на детских фобиях.

Эрих присмотрелся и увидел запонки на его рубашке. Это были те самые запонки, которые купила его жена в Шереметьево перед вылетом в Париж.

Сомнений больше не было, это и есть тот мужчина, к которому сбежала его жена! По всему телу пошла мелкая дрожь, затем его пробил озноб. Он побледнел и покачнулся.

– Что с вами, Эрих? – спросил профессор. – Вы как будто призрака увидели!

– Ничего, все в порядке. Легкое недомогание, скорее всего из-за перелета.

– Честно говоря, я удивился, увидев его фамилию среди докладчиков, – задумчиво произнес профессор.

– Почему?

– Он несколько лет уже не практикует. Личная драма.

– Что с ним произошло?

– От него ушла жена. Казалось бы, что тут такого? Не он первый – не он последний! Рихтер ведь сам психиатр, знает, как справиться со стрессом, но Артур так и не оправился.

– Когда это произошло? – любопытно спросил Эрих.

– Кажется, два года назад. После этого он не практиковал. Если я прав, то его фото размещено здесь по ошибке.

– Почему вы так решили?

Профессор показал на стойку рецепции и сказал:

– Только его бейджик остался не востребован.

Эрих посмотрел в сторону рецепции и увидел последний бейдж. Он подошел к стойке и спросил у миловидной девушки:

– А доктор Рихтер еще не приехал?

– Он звонил несколько минут назад и сказал, что рейс задерживается, попросил перенести его выступление на следующий день.

Майер и Краузе прошли в конференц-зал. Они поздоровались за руку с теми, кого знали лично. Эрих был третьим в списке докладчиков, поэтому сел в первый ряд. Профессор же заметил своих друзей в центре зала и присоединился к ним.

Свет стал медленно гаснуть, на сцену вышел худощавый мужчина невысокого роста и объявил об открытии симпозиума. Первый докладчик поднялся на сцену и прошел к кафедре. Это был высокий мужчина плотного телосложения. Он представился и рассказал о своей специализации. Его фамилия показалась Эриху знакомой и, немного поразмыслив, он вспомнил, что примерно год назад читал его статью в немецком журнале. После него на сцену поднялся второй докладчик – это был полный мужчина лет пятидесяти в круглых очках. Докладчики говорили на разных языках, поэтому многие участники симпозиума пользовались синхронным переводом.

Навязчивые мысли не давали Эриху сосредоточиться на докладах, все его помыслы были направлены на жену и ее любовника. Он попытался представить их вместе, но чем больше старался, тем меньше у него это получалось. Уж слишком нелепой парочкой они выглядели.

Услышав свое имя, Эрих встрепенулся и понял, что его вызывают на сцену.

***

После доклада Краузе выскочил в коридор и набрал номер мобильного телефона Крюкова, который должен был сейчас быть на подъезде к Ницце. Услышав его голос, доктор спросил:

– Михаил, есть новости?

– И вам доброго дня, Эрих, – съязвил детектив.

– Взаимно. Так есть новости?

– Я в Ницце, только что приехал из Гааги. Был в офисе Европола. Ваш тесть дал мне контакты одного высокопоставленного чиновника. Он выделил двух детективов, которые будут курировать это дело. Пока они не спешат на помощь – нет состава преступления. Но они дали мне адреса двух отелей в Ницце, где останавливалась Елена. Я планирую туда сегодня съездить, навести справки.

– Хорошо.

– По поводу тех трех фамилий, которые вы мне дали...

– Да?

– Только Артур Рихтер находился в тот момент в России, остальные – вне подозрения.

– По поводу него я и хотел с вами поговорить. Похоже, именно ему моя жена покупала запонки, – ответил Эрих и подробно рассказал о том, что узнал о Рихтере, и о том, что рассказала ему Даша.

– Значит, он завтра прилетает в Дрезден?

– Да. Я буду ждать его в аэропорту.

– Нет, Эрих, не надо. Будьте постоянно на виду, пусть вас видят люди, попадайте в обзоры камер. Я подключу к этому Европол, пусть они его встретят и задержат для допроса.

– К чему нам лишняя шумиха? Я встречу его, и мы поговорим как мужчина с женщиной. Я узнаю у него, где сейчас Елена, и поговорю с ней. Если с моей женой все в порядке – мир им да любовь.

– Я сомневаюсь, что она в порядке. Вам не кажется странным то, что вы увидели его портрет с запонками на симпозиуме? Ставлю сто евро, что он завтра так и не прилетит!

– Вы думаете, он намеренно со мной играет?

– Я думаю, что ваша жена в большой опасности, и нам как можно быстрее нужно ее разыскать. Очень сомнительно, что ваш противник Рихтер.

– Вот как? Все же найдите о нем как можно больше информации: адрес проживания и офиса, круг знакомых и родственников.

Закончив разговор с детективом, доктор спустился по лестнице в холл и хотел присоединиться к профессору, но чья-то тяжелая рука легла на его плечо. От неожиданности он вздрогнул, резко обернулся и увидел первого докладчика.

– Простите? – вопросительно произнес Эрих.

– Мне понравилось, как вы осветили мою тему доклада, – сухо произнес гипнолог на немецком языке. Его взгляд был цепким и пристальным, а глаза неестественно блестели.

– Вашу? – удивленно спросил Эрих.

– Да. Поначалу *мне* предложили эту тему, но я отказался, считая ее эксцентричной. Мистики в нашем деле нет и быть не может. Если мы,

психотерапевты со стажем, начнем говорить о своей работе как о мистическом опыте, то на всем научном сообществе можно ставить жирную точку. Но вы, вижу, так не считаете.

– Нет, не считаю. Мистика окружает нас повсюду. От самого рождения до перехода в новую жизнь.

– Новую жизнь? – с издевкой переспросил мужчина и громко расхохотался.

– Вы что, серьезно не верите в реинкарнацию? – удивился Эрих. – После стольких-то подтверждений...

– Я не вижу вашей жены, в прошлый раз она вас сопровождала, – неожиданно перевел разговор на другую тему докладчик и добавил: – Семейные проблемы?

– Никаких проблем! – излишне резко парировал Эрих. – Нельзя злоупотреблять терпением красивой женщины.

– Великолепное выступление! – услышал Эрих за своей спиной.

Он обернулся и увидел профессора Майера.

– Спасибо профессор, позвольте вам представить доктора...

Эрих повернулся, но докладчика уже и след простыл.

– Хм, – удивился Эрих.

– Какие-то проблемы? – спросил профессор.

– Нет-нет. Все в порядке. Так мой доклад вам действительно понравился?

– Конечно! – воскликнул Майер. – Вы как всегда на высоте. Во время вашего выступления я специально смотрел не на вас, а на наших коллег. Все были заинтригованы! А сколько интересных фактов вы изложили! Я и не думал, что вы провели такую огромную исследовательскую работу.

– Спасибо, профессор, но мне кажется, вы преувеличиваете мои заслуги.

– Нет же! Я не преувеличиваю! Сколько, по-вашему, сидевших в конференц-зале выпустили книги со своими исследованиями, которые стали бестселлерами? Публика сейчас невероятно избирательна. Вы же смогли заинтересовать читателей. Уже готов материал для следующей книги?

– А не пройтись ли нам до ближайшего ресторанчика? – предложил Эрих и улыбнулся. – Я очень проголодался, там и расскажу вам о теме следующей книги.

– Согласен! – улыбнувшись, воскликнул профессор.

Они проходили площадь Шлоссплац, когда профессор вскинул голову и посмотрел на стеновое панно огромного размера, на котором была изображена история саксонской династии Веттинов в виде процессии рыцарей длиной более ста метров.

– Шествие князей! Грандиозное и завораживающее зрелище! Каждый раз, прилетая в Дрезден, я выбираюсь сюда и подолгу смотрю на эту красоту.

Его голос перебивали уличные артисты и музыканты, которые выступали на рождественской ярмарке.

– На этом панно изображены девяносто четыре человека, – восторженно продолжил профессор. – Тридцать пять маркграфов, курфюрстов и королей, а также пятьдесят девять ученых, художников, ремесленников, солдат, детей и крестьян.

Краузе не мог сейчас ничем восторгаться, его мысли были направлены только на доктора Рихтера. Он шел и думал о том, как Рихтер смог подобраться к его жене? Как завладел ее вниманием и сделал так, что она практически без объяснений уехала из Москвы? Как добился того, что она не выходит на связь даже с родителями? Его также насторожил разговор с детективом. Почему он сказал, что Елена находится в смертельной опасности?

Расположившись в ресторане на берегу Эльбы, профессор потер левую руку и недовольно проскрипел:

– Как не вовремя случился инсульт, я был на самой вершине своей карьеры. А теперь – каждый день веду бой со смертью. В дождливую погоду рука так ноет и немеет, что, кажется, вот-вот отвалится. Ну, да не будем обо мне, моя участь стареть, а вот вы еще многое можете сделать для гипнологии. Так о чем будет ваша следующая книга?

– Темой следующей книги я выбрал «Кармические родственные связи».

– Очень интересно! Как вы намерены подступиться к этой теме?

Эрих подробно рассказал профессору о собранных материалах и тенденциях, которые прослеживались у большинства его пациентов. Профессор сразу же высказал свое мнение. Они немного поспорили, и, когда тема была исчерпана, Эрих спросил:

– Меня очень заинтересовал доктор Рихтер, не могли бы вы мне подробнее о нем рассказать.

– Очень умен, но характер... – Профессор состроил недовольную гримасу. – Блестящий психотерапевт. Я ему предлагал другую специализацию, но он выбрал детские фобии. Тогда я не понимал почему, перед ним были открыты все двери, но позже узнал, что он выбрал эту специализацию из-за сына.

– Значит, его жена не просто ушла от него два года назад, она забрала еще и его ребенка? – уточнил Краузе.

– Да. Она не просто ушла, Эрих, – профессор понизил голос на октаву, – она ушла к другу Артура. А через некоторое время они покинули Европу.

– Ого! Это тяжело пережить. Расскажите о его характере. Он вспыльчивый?

– Нет, – замотал головой профессор. – Очень спокойный, рассудительный. Все взвешивает, все продумывает. Очень аккуратен. Педантичен.

– Какие у него недостатки?

Профессор задумался и после паузы ответил:

– Жуткий трус. Во время учебы я насчитал у него не меньше пяти фобий.

– Уход жены должен был повлиять на его психику, – предположил Эрих.

– Возможно, я не видел его с тех пор. Никто его не видел. Поэтому я и удивился, когда мелькнула его фамилия в списке докладчиков.

– Регистратор сказала, что он звонил и предупредил, что задерживается его рейс.

– Задерживается его рейс?! – повторил профессор, от удивления его кустистые брови поползли вверх. – Забавно, но теперь я точно знаю, что это чей-то розыгрыш!

– Почему?

– Потому что Рихтер никогда не летал на самолетах, он их до ужаса боялся. Это всегда затрудняло его поездки на другой континент. Однажды мы должны были полететь на конференцию в Бостон, так он специально взял отпуск на две недели раньше и плыл до Штатов на корабле.

Эрих задумался. Может, пользуясь недоступностью коллеги из-за семейной драмы, кто-то прикрывается его именем? Или все-таки сам доктор затеял с ним игру? Но зачем ему это? Ведь они даже не знакомы.

«Ему мало увести мою жену, он еще заставляет Елену играть в прятки, а меня бегать за крохами, которые сам и раскидывает», – с раздражением подумал Эрих.

***

После окончания симпозиума доктор Краузе вернулся в Москву, взяв обещание с профессора при первой же возможности погостить в его доме несколько дней.

Как и предполагал детектив Крюков, Артур Рихтер не появился в Дрездене. Его также не обнаружили в берлинской квартире, где он проживал один после развода. Слова профессора подтвердились, доктор Рихтер не принимал пациентов, а его ассистентка не слышала о нем больше полугода. Наблюдалось сходство между исчезновением доктора Рихтера и Елены. Он никому не звонил, даже родственникам. Европол установил, что подтверждение об участии в симпозиуме он прислал по электронной почте, но как выяснилось позже, почтовый ящик был открыт в тот же день и больше не использовался. Удалось узнать, что сообщение было отправлено из интернет-кафе, расположенного в центре Дрездена. Но на записях с камер слежения не нашли никого, похожего на Рихтера, и на этом след оборвался.

В первый день декабря Эрих приехал в офис и зашел в приемную.

– Доброе утро, Эрих! Как прошел симпозиум? – спросила его секретарь и помогла доктору снять пальто.

– Великолпно, – Краузе посмотрел на стопку накопившейся почты.

Ассистентка протянула ему расписание на сегодняшний день, и он прошел в свой кабинет. Первой в списке значилась фамилия Потапова.

– Анна, – сказал он, нажав на кнопку коммутатора. – Потапов сам записался на прием?

– Нет, его записала жена на следующий же день после вашего отъезда. Она слезно умоляла меня принять его первым после вашего возвращения.

– Хорошо, как придет, пригласи его в кабинет.

Через десять минут дверь кабинета открылась, и доктор увидел смуглого высокого мужчину лет сорока. Его непослушные волнистые волосы то и дело

спадали на лоб, и он характерным жестом зачесывал их ладонью назад. Доктору сразу бросились в глаза его огромные мозолистые руки.

– Доброе утро! – пробасил Потапов после крепкого рукопожатия.

– Присаживайтесь, – предложил доктор и показал на кресло напротив стола.

Когда пациент расположился в кресле, доктор предположил:

– Значит, жена вас все-таки уговорила.

– Я сам решил прийти. В этой истории нужно поставить точку. Мне и самому интересно знать, что там произошло. И...

Геннадий замялся.

– Что и? – спросил доктор и посмотрел в глаза пациента.

– Жене полегчало после ваших сеансов. Она взялась за свою фигуру, по утрам стала заниматься зарядкой. Даже купила велосипед, – усмехнулся Геннадий. – Теперь раскатывает на нем по всему району.

– Это замечательно. А как ее сон? Она жаловалась на раздражительность по утрам.

– Сейчас все налаживается. Дочка привозила внука на время отпуска, ему всего полтора года, так жена вставала и по ночам, и рано утром, все следила за пацаном. Такого я раньше не припомню.

Доктор одобрительно кивнул и спросил:

– Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Я работаю прорабом на стройке. Но руководить бригадой стал недавно, а раньше был каменщиком.

Доктор вспомнил, что, по словам Ларисы, Глеб работал на Транссибе – прослеживался один и тот же выбор профессии. Затем он задал несколько вопросов о состоянии здоровья, уложил Потапова на кушетку, включил запись на камере и ввел его в гипноз.

– Геннадий, пошевелите пальцами левой руки. Так, хорошо, теперь поднимите правую руку и приложите ее ко лбу. Хорошо.

Доктор провел его по текущей жизни, довел до рождения, а подойдя к моменту перехода в прошлую жизнь, коротко напутствовал:

– Вы будете двигаться по длинному темному туннелю. Когда пройдете его до конца, попадете в предыдущую жизнь. Туннель похож на цилиндр, стены

которого по мере приближения к концу будут светлеть и превратятся в ослепительный свет. Я буду считать от десяти до одного, и, когда скажу один, вы окажетесь в своей предыдущей инкарнации. Вы сохраните свою личность и будете понимать, что это ваша прошлая жизнь и не будете себя отождествлять с прошлой личностью.

Находясь в гипнотическом состоянии, Геннадий пребывал в дымке.

– Десять... девять... Вы входите в туннель и набираете скорость.

Геннадий увидел очертания туннеля и вошел внутрь. Стенки туннеля были из бетонных плит с грубо заделанными швами. Внутри было темно и очень тихо. В этой тишине каждый его шаг отдавался оглушительный эхом. Это наводило на Геннадия жуткий страх.

– Восемь... семь... Двигаетесь все быстрее и быстрее. Шесть... пять... Стены начинают светлеть, вы двигаетесь все быстрее и быстрее.

Шаги звучали все громче и громче, эхо раскатистым глухим стуком разносило их по туннелю.

– Четыре... три... Стены почти белые, вы видите выход. Яркий ослепительный свет застилает вам глаза. Два. Один. Вы снаружи, Геннадий! Вам комфортно, и вы в безопасности. Вы окружены ярким светом. Он обволакивает вас и делает невесомым. Этот свет приближает вас в самый последний день предыдущей жизни. Вы слышите меня?

– Да, – глухим голосом ответил Геннадий.

– Скажите мне, сейчас ночь или день?

Геннадий пребывал в белоснежном потоке. После слов доктора он огляделся по сторонам и заметил, что яркий обволакивающий свет рассеивается, перед ним расстилается большая поляна, окруженная лесом.

– День.

– Где вы находитесь?

Геннадий видит небольшой домик, понимает, что здесь живет Еремей, старший брат его отца, которого он изредка навещает. Еремей живет в уединении в лесу и из-за разногласий в религиозных вопросах почти не общается с родственниками.

– Я пришел к дядьке.

– Хорошо, а как вас зовут?

– Глеб.

– Расскажите, что вы делаете?

Дверь дома открывается, и ему навстречу выходит Еремей. Он тяжело переступает порог, опираясь на деревянный посох. В своих руках Глеб видит корзину с едой.

– Я доставил дядьке гостинцев, – ответил он доктору.

– Хорошо. Что вы делаете дальше?

Еремей улыбается Глебу и зовет его в дом. Наперерез Глебу выскакивает рыжий кот, начинает тереться об ноги и громко мяукать. Глеб раскладывает на столе пироги и сладкие булки, говорит, что это мать вчера пекла к празднику.

– Я отдаю ему еду.

– Так, отдаете еду, что дальше?

Еремей показывает Глебу на новые лапти и просит передать матери. Глеб переминается с ноги на ногу, а потом говорит, что уезжает обратно на стройку. Он до последнего решил скрывать связь с Евдокией.

– Я прощаюсь с дядькой. Говорю ему, что отбываю на Транссиб. Он говорит, что уже слаб, и, наверное, мы уже не свидимся.

Глеб подбадривает старика, но нутром понимает, что они действительно больше не увидятся. Они обнимаются на прощанье, и Глеб, стерев скупую слезу, выходит из избы.

– Я уйду от него и возвращаюсь лесом домой.

– Хорошо. Возвращаетесь домой.

Узкая тропинка ведет его к селу. Начинает темнеть, и Глеб ускорят шаг. Он идет, погруженный в мысли о своем близком отъезде с Евдокией. На сердце тепло и радостно от того, что у него должен скоро родиться ребенок. Он улыбается, представляя, как возьмет ребенка на руки и услышит его смех. Вспоминает, как они встречались с Евдокией в амбаре, как он гладил ее лицо и приговаривал: «Сначала нянька, потом лялька». Он был уверен, что первой родится девочка – помощница по хозяйству для матери.

Где-то рядом хрустнула ветка, он резко повернулся и крикнул: «Кто здесь?!» Из-за дерева выглянула голова Егора, и у Глеба от тревоги учащенно забилось сердце.

– Здесь Егор. Он поджидал меня.

Егор подошел к другу, в руках блеснул нож с длинным лезвием. У Глеба от ужаса перехватило дыхание, он судорожно ищет на земле предмет, которым можно было бы защититься, но ничего не находит. Егор наступает, глаза его полны гнева. Он делает обманное движение, Глеб пытается защититься, но Егор резко нападает с другой стороны, вонзает нож между ребрами и тут же отскакивает в сторону.

Геннадий вздрогнул, и доктор тут же спросил:

– Что случилось?

– Он ударил меня ножом, – ответил Геннадий, затаив дыхание, протяжно вздохнул и тихо добавил: – Вот, кажется, и все.

Эти слова Глеб сказал, когда увидел нож в своем боку. Он судорожно ухватился за рукоятку ножа, покачнулся, но устоял на ногах. Затем, собрав все силы, с мучительным стоном выдернул нож. Струя крови хлынула на одежду. Зажав окровавленный нож в руке, он двинулся на Егора, но в этот момент сзади его настиг мощный удар по голове.

– Опишите, что вы видите? – спросил доктор.

– Кто-то ударил меня сзади по голове. Я упал.

В следующий момент он видит, как Егор поднимает с земли нож и прячет за пазуху. Его напарник обходит Глеба и со всей силы пинает его в бок несколько раз, брызги крови попадают ему на сапоги. Глеб узнает убийцу – это Гришка из соседнего села, он недавно вышел из тюрьмы. Глеб понимает, что живым его не оставят. Егор плюет ему в лицо, его напарник кричит:

– Паскудой ты, Глебушка, оказался, паскудой! На чужое добро позарился!

Глаза закрываются, и Глеб проваливается в темноту.

– Я умер, – тихо говорит Геннадий доктору.

– Где вы сейчас находитесь? – поинтересовался Краузе.

Геннадий видит себя парящим над лесом, ощущение невесомости. Луна освещает макушки деревьев. Внизу в траве распластано тело Глеба. Его оттащили

от тропинки на несколько метров. Накрапывает дождь, трава окрашивается в красный цвет. К утру не остается никаких следов кровавой схватки.

– Я вижу себя сверху. Вокруг ни единой души.

– Когда ваше тело нашли?

– На третий день. Тело было объедено животными. Меня опознали по вещам. Никто и не заподозрил, что я погиб от руки человека.

– Кто же был сообщником Егора? Кто ударил вас по голове?

– Это Гришка, он неделю как вернулся из Зерентуйской тюрьмы.

Ответ на главный вопрос доктор получил: Глеб не искал Евдокию, потому что был убит Егором и его сообщником в ночь перед отъездом.

Доктор Краузе вывел пациента из гипноза и, когда Геннадий пришел в себя, спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – пробасил Геннадий.

– Вы помните, в какой бок вас ударили ножом?

Вместо ответа Геннадий поднял рубашку и показал доктору левый бок.

Краузе улыбнулся и сказал:

– Я так и думал.

Между девятым и десятым ребром доктор увидел узкое продольное родимое пятно красного цвета.

– У меня частенько ноет на непогоду левый бок, я думал, застудился на стройке, но теперь понимаю, из-за чего это.

– Вам с супругой нужно понять, что в этой реинкарнации вы использовали второй шанс на счастье. Но, как подсказывает мой опыт, Егор должен был воплотиться с вами в одно время. Но вот в кого, можете почувствовать только вы с женой.

– Даже предположить не могу, кто это может быть, – недовольно буркнул Геннадий. От одной мысли, что его убийца где-то рядом, ему стало не по себе.

– Вы с женой должны чувствовать к этому человеку необъяснимое отторжение, неприязнь, возможно, злобу и гнев. Все зависит от того, насколько сильно вы его возненавидели во время отхода из тела.

– Я злился, но больше всего я был удивлен. Я думал мы поговорим, ну на крайний случай надаем друг другу по мордасам. Но заколоть ножом?! Я же пытался сбежать с его женой, а не убить его.

При последних словах доктор вздрогнул и удивленно посмотрел на пациента. Его слова напомнили ему о Елене, и сердце заныло. Неизвестность все больше съедала его изнутри.

Убедившись, что с пациентом все в порядке, доктор попрощался с Геннадием, проводил его до двери и протянул ему свою последнюю книгу с автографом:

– Прочитайте ее обязательно, она как раз на тему насильственных смертей и кармических связей между жертвой и убийцей. Вы найдете в ней ответы на свои вопросы. Желаю вам всего наилучшего.

Когда Геннадий уже выходил из кабинета, Эрих внезапно добавил:

– Но если все же вопросы возникнут, или вы догадаетесь, в кого мог воплотиться Егор, то приходите с женой. Мы вместе постараемся разобраться, как вам поступать дальше.

Геннадий еще раз поблагодарил доктора и покинул кабинет.

Глава пятая

Вечером доктор Краузе вернулся домой. Первый рабочий день после симпозиума дался нелегко. Воспоминания о жене постоянно отвлекали, не давая сосредоточиться на пациентах. Он то и дело ловил себя на мысли, что забывает, что только что ответил ему пациент во время гипноза. К концу рабочего дня его рассеянность достигла предела, и он был вынужден отменить последний прием.

Эрих вышел из «ягуара» и неторопливо направился к парадной двери своего коттеджа. В этот момент у ворот появился невысокий мужчина лет тридцати пяти и помахал ему рукой. Из машины вышел водитель и быстро спросил у доктора:

– Вы ждали гостей?

– Кажется, это наш сосед, – неуверенно ответил Краузе, взглядываясь в лицо гостя.

Водитель подошел к воротам и, поговорив с женщиной около минуты, вернулся к машине:

– Да. Это Аркадий, ваш сосед. Он хочет что-то у вас спросить.

– Пригласи его в дом, – сказал Краузе и вошел в холл.

Он поставил на консоль портфель, снял пальто и вышел навстречу гостю.

– Добрый вечер, чему обязан?

– Здравствуйте, Аркадий – ваш сосед, – мужчина пожал руку доктору. – Мой дом находится с другой стороны пруда.

– Я вас помню. Вы собирали подписи о создании службы безопасности поселка.

– Да, – улыбнулся сосед, – и, как видите, эта служба прекрасно справляется со своими обязанностями. Только в прошлом году мы предотвратили две попытки ограбления...

– Вы хотели что-то обсудить? – прервал его Эрих.

– Я понимаю, что это не мое дело, – неуверенно начал сосед, – но все-таки решил вам это сказать.

Доктор насторожился и стал внимательно изучать лицо соседа.

– Два дня назад, ночью я стоял у окна в комнате дочери. Она сильно простудилась, и мы с женой по очереди дежурили до утра. Так вот, стоя у окна, я заметил, как на втором этаже вашего дома в полной темноте запрыгал узкий пучок света. Тогда я подумал, что в доме отключился свет, и вы воспользовались фонариком, но на утро Антон Петрович сказал, что в вашем доме никого нет.

Антон Петрович заведовал ландшафтными работами на всей территории коттеджного поселка. Мысли доктора от волнения лихорадочно забегали, но внешне он не выдал своего беспокойства.

– Все в порядке, я действительно был в Германии на симпозиуме. Наверное, мой водитель осматривал дом. Я разберусь, спасибо, что сообщили.

Сосед незадачливо потер лоб рукой, видимо, рассчитывая на другую реакцию, и спросил:

– Давно не видно вашу жену, как она?

– Спасибо, хорошо. Она сейчас на отдыхе во Франции, – спокойно ответил Краузе.

– Понятно... – протяжно произнес сосед. – Ну, простите за беспокойство, я решил вам сообщить, а то, знаете, мало ли что...

– Спасибо, – повторил Краузе и, сдержанно попрощавшись, закрыл за соседом дверь.

Эрих знал, что его прислуга всегда пользовалась отъездом хозяина и брала выходной. Краузе спустился в гараж и спросил своего водителя:

– Василий, ты оставался в доме, когда я уезжал на симпозиум?

– Нет. Я же говорил вам по дороге в аэропорт, что поеду к матери в Серпухов.

– Значит, тебя не было в доме, пока я был в Германии?

– После аэропорта я вернулся в дом. Переночевал и рано утром уехал к матери. Дом тщательно проверил и поставил на сигнализацию. А что случилось?

– Наш сосед сказал, что два дня назад ночью кто-то был в доме.

– С чего он это взял? – насторожился Василий.

– Он видел свет от фонарика на втором этаже.

– Странно.

– А Веры Ивановны тоже не было в доме?

– Нет. После вашего отъезда она поехала в Питер с сестрой. Мы с ней вернулись за день до вашего прилета. Я лично снимал дом с сигнализации.

– В доме все было в порядке? Ничего необычного.

– Все как всегда.

– Хм... – Доктор задумался и медленно пошел к двери.

– Да вы не слушайте этого Аркадия! У него не все дома, – сказал ему вслед водитель.

Доктор остановился и спросил:

– Почему вы так считаете?

– Я знаком с его охранником, он помешан на безопасности. Жена от него уже ноет. Они постоянно из-за этого ссорятся. У него врагов, похоже, видимо-невидимо. Наворовал бабки и сидит теперь взаперти. Поговаривают, он даже своего партнера нагрел и подставил под срок. Вот и боится, что тот в любой момент вернется.

– Я приму это к сведению, – сухо произнес Краузе и поспешил в свой кабинет.

Эрих нашел в записной книжке телефон охранной компании и набрал номер. Услышав в трубке грубый мужской голос, он назвал свою фамилию и пароль. Затем попросил выслать распечатку использования кодов сигнализации на электронную почту.

– За какой период? – пробасили на том конце трубки.

– А за какой период вы сохраняете данные?

– Если при заключении договора вы не указывали особого срока, то только за последние три месяца.

– Отлично, мне подойдет.

После ужина он проверил электронную почту и увидел письмо от охранной компании. Во вложении был файл с расшифровкой по датам. Доктор открыл файл и нашел число, о котором говорил сосед. Информация, которую он увидел, поразила его настолько, что он вскочил с кресла и стал судорожно прохаживаться по кабинету.

Все члены семьи и работники имели свои коды доступа, поэтому легко было отследить, кто и когда заходил в дом. В ночь, о которой говорил сосед, в два сорок пять был использован код Елены!

Немного успокоившись, Эрих позвонил тестю на мобильный телефон и рассказал ему последние новости о докторе Рихтере и о коде сигнализации. Роберт Исаакович внимательно его выслушал и задумчиво произнес:

– Пожалуй, я попрошу завтра ребят из МВД проверить все данные в охранной компании, и если это не ошибка – значит, она вернулась.

– Или кто-то воспользовался ее кодом, – предположил Краузе.

– У тебя что-нибудь пропало?

– На первый взгляд нет.

– Проверь все, если что-то пропало, сообщи. Но я думаю, что моя дочь вернулась.

– Я был бы этому очень рад, – с надеждой в голосе произнес Эрих. – Возможно, между нами снова все наладится.

– Я бы на твоём месте на это не рассчитывал, – раздражённо ответил тесть и разъединил связь.

Спустившись на первый этаж, Эрих позвал Василия и дал ему указание просмотреть записи с камер наблюдения в поселковой службе безопасности.

Весь оставшийся вечер Эрих потратил на то, что проверял наличие ценных вещей: содержимое двух сейфов, предметов искусства, винохранилище и даже библиотеку, где хранились особо ценные букинистические издания. Все было на своих местах.

Он не стал дожидаться возвращения Василия, принял душ и лег в кровать. Перед сном он тешил себя надеждой, что Елена действительно вернулась, пусть даже в его отсутствие. Если учитывать, что поиски жены ни к чему не привели, то ночное вторжение было хорошим знаком. Это была первая весточка от Елены.

Краузе закрыл глаза и представил её облик, мысленно гладил её волосы и лицо, прижимал к себе и все время твердил «прости». Он сам не знал, за что просил прощения, да это было уже не важно, главное – что он снова её увидит.

На следующий день Эрих рано утром спустился на первый этаж и прошёл на кухню. На столе лежала записка от Василия, который вернулся домой за полночь.

«На записи никого возле дома ночью не нашёл. Техники сказали, что возможно был сбой».

***

На следующий день Краузе вышел в приёмную проводить последнего клиента и наткнулся на чету Потаповых. Они выглядели растерянными и озадаченными. Геннадий нервно расхаживал по коридору, а Лариса теребила в руках ручку кожаной сумки. Сегодня на ней было платье сиреневого цвета, и доктор заметил явные признаки похудения. Она бросилась к нему и быстро затараторила:

– Извините, что без предупреждения, мы не отнимем у вас много времени, просто нам нужен ваш совет.

Доктор поздоровался и пригласил их войти в кабинет.

– Как ваше самочувствие? – спросил он, пропуская Ларису вперед.

– Спасибо, я чувствую себя гораздо лучше. Аппетит поубавился, и я стараюсь использовать любую свободную минуту для физических нагрузок.

– Любую? – с насмешкой в голосе переспросил ее муж и улыбнулся.

– Я так и знала, что ты это сейчас скажешь! – укоризненно произнесла она. – Не можешь промолчать. Мне, может, хочется на доктора произвести впечатление своими достижениями!

– На меня нужно производить впечатление, а не на доктора, – иронично парировал Геннадий, в его тоне не было злости, скорее умиление от радостного щебетания жены.

Доктор сразу почувствовал сильную связь между супругами.

Усевшись в кресло напротив письменного стола, Лариса объяснила причину их столь внезапного появления:

– После сеансов мы с мужем долго думали, кем же может оказаться Егор в этом воплощении, да и воплотился ли он вообще?

– И? – с нетерпением в голосе спросил Краузе.

– Вы сказали, что мы оба должны чувствовать к нему неприязнь и злобу. Это может быть только один человек, но это предположение настолько парадоксально, что даже не верится.

– Это моя сестра Зинка! – выпалил Геннадий.

– Да. Это точно моя золовка, – подтвердила Лариса. – Мы ненавидим ее лютой ненавистью, ей достаточно появиться в нашем доме, и скандал вспыхивает сам собой.

– Ко всему цепляется, всех учит жизни, а в своей разобраться не может, – пробасил Геннадий.

– В своем глазу бревна не видит, а в чужом щепку отыщет. Поучает и поучает, в основном глупости, ничего конкретного. Меняет сейчас пятого мужа на шестого. Всех во всем подозревает, проверяет, иногда даже следит. Кому такое понравится?

Супруги так завелись, что доктор физически ощутил, насколько велика их ненависть к родственнице.

– Так было всегда или с какого-то момента? – спросил Краузе.

– Это началось сразу после того, как я познакомился с Ларисой. А после свадьбы все стало еще хуже.

– Если предположить, что это следующая инкарнация Егора, то понятно, почему она так стала себя вести, – сказал Краузе. – Как только она пообщалась с Ларисой, кармическая память проснулась, и она, сама не зная почему, начала себя вести агрессивно. Если вы ее спросите, почему она злится, она даже не сможет четко сформулировать свои претензии.

– Точно так, – согласилась Лариса и закивала.

– Обратите внимание на тот факт, в кого именно Егор воплотился. Не в вашего соперника, хотя это было бы логично, – сказал доктор, глядя на Геннадия, – а в вашу сестру.

– И почему? – спросил Геннадий и нервно заерзал в кресле.

– В этой жизни у него нет задачи конкурировать с вами, в этой жизни определена задача примирения.

– Хорошенькое примирение! – воскликнула Лариса и недовольно хмыкнула.

– С ней невозможно примириться, – подтвердил Геннадий.

– Тем не менее, вам придется это сделать, если вы этого не сделаете, то будете еще долго воплощаться, пока не достигнете гармонии в отношениях. Снова и снова...

– Какой ужас! Снова и снова? – переспросила его Лариса.

Геннадий прочистил горло и спросил:

– Как нам это сделать, доктор? Вас, наверное, об этом не раз уже спрашивали?

– Да, такие вопросы мне задают периодически, и вот что я на них отвечаю, – сказал Краузе и пристально поочередно взгляделся в лица пациентов. – В создавшейся ситуации виновны все. Не забывайте вашу собственную ответственность за содеянное. Вы долгое время скрывали от него ваши отношения. Обманывали его. Он и так был ревнивым, а вы еще больше усугубили его состояние.

– Он сделал мою жизнь невыносимой! – воскликнула Лариса.

– Да. Но вы сами выбрали его в мужа. И у вас был выбор уйти от него в любой момент.

– Уйти?! Вы не понимаете, доктор, в то время невозможно было просто так уйти. Моя семья бедствовала, им не под силу было прокормить еще один рот...

– Я повторяю, – прервал ее Краузе, – вы сами сделали свой выбор. Это ваша ответственность. Сейчас у вас тоже есть выбор. Либо наладить отношения, либо вычеркнуть ее из жизни и дождаться следующей попытки. Возможно, будет другая расстановка полов или родственных связей, но хочу вас предупредить сразу, будет еще тяжелей. От нежелания решать эту проблему ситуация усугубится.

– Ох, Боже мой, – вздохнула Лариса.

– С учетом моего опыта ваша расстановка не так уж плоха. У одной моей пациентки собственный сын оказался убийцей из прошлой жизни. Чтобы она ни делала, сын всегда вел себя по отношению к ней агрессивно, мать его раздражала. Ее советы он высмеивал и все делал ей наперекор. По моей рекомендации женщина настояла на том, чтобы он съехал в студенческое общежитие. Она перестала его контролировать и вообще хоть как-то влиять на его судьбу. Прошли два мучительных для нее года, но она переломила ситуацию, и сын сам стал ей звонить. Сейчас они на пути к примирению. Процесс не быстрый. Иногда нужно просто понимание ситуации, и сама жизнь начнет вносить свои коррективы.

Оба супруга тяжело вздохнули и переглянулись.

– Отнеситесь к ней с терпением, этого для начала достаточно, – добавил доктор.

– Все понятно, это мы осилим, – резюмировал Геннадий.

– Я рад, – сказал Краузе и первым поднялся с кресла.

Лариса от обиды поджала губы, не на такой исход дела она рассчитывала, но нашла в себе силы и, прощаясь, поблагодарила доктора за совет.

***

Когда чета Потаповых покинула кабинет, доктор Краузе вышел в приемную.

– Что у нас на завтра?

– Полная запись, – ответила Анна и протянула ему расписание. – После эфира телеинтервью звонки раздаются через каждые пятнадцать минут.

– Ну, хоть что-то радует, – тоскливо произнес Краузе.

– Звонила некая Виктория Старикова, тоже хочет взять у вас интервью.

Доктор вспомнил проворную начинающую журналистку и еле заметно улыбнулся.

– На какое издание она работает?

Анна заглянула в свои записи и ответила:

– «Здоровье в ваших руках».

– Не слышал о таком.

– Я навела справки, этому изданию не больше года.

– Я хотел бы взглянуть на список вопросов.

– Уже отправила вам на почту.

– Хорошо, я просмотрю их вечером и завтра дам ответ.

Как только он покинул офис, ему в голову пришла мысль проверить и другие дни на предмет использования кода сигнализации Елены. Он думал, что, возможно, сможет найти что-то необычное, что поможет ему разыскать жену.

После ужина, расположившись в кабинете, Эрих стал просматривать данные охранной фирмы за последние три месяца. По распечатке кодов он выяснил, что несколько раз, еще до отъезда жены, ее код использовался глубокой ночью. Код сначала вводили на снятие сигнализации и примерно через час снова ее включали.

Эрих задумался, сама ли она снимала с сигнализации или это делал кто-то другой? Если это была сама Елена, то он не сомневался, что она кого-то впускала. Если же это был кто-то, кто знал ее код, то он, сильно рискуя быть замеченным, целый час прогуливался по дому.

Доктор вспомнил о бутылке вина, которая дважды таинственным образом появлялась в винохранилище. Вероятно, именно так ее и пронесли. Но зачем?

Он набрал номер охранной фирмы и оставил заявку на установку камер по всему дому.

Больше его никто не сможет обмануть. Если кто-то еще раз воспользуется кодом Елены, то он сможет представить доказательства вторжения в его дом и возбудить уголовное дело. Если это сама Елена приходит по ночам, то, возможно, по ее передвижениям он сможет понять, для чего она это делает.

Спустившись в гостиную, Эрих встал перед портретом жены и подумал о том, что, вероятно, он был влюблен не в Елену, а в созданный им же самим образ

таинственной и загадочной женщины, которая очаровывала и манила его к себе многие годы.

Он нажал на клавишу воспроизведения на музыкальном центре, и по всей гостиной разнеслась композиция «Summertime» в исполнении Эллы Фицджеральд и Луи Армстронга. Несмотря на название песни, ее начало всегда напоминало ему рождественскую мелодию, и Эрих подумал, что не перенесет одиночества в свой любимый праздник. Обычно накануне католического Рождества они с женой улетали в одну из европейских столиц и проводили три незабываемых дня. В прошлом году это был Париж.

Париж...

Эрих задумался. Именно туда она и сбежала от него.

Он стал вспоминать, как они гуляли по парижским улочкам и Елена сказала: «Париж каждому открывается с разной стороны. Завистник увидит недоступную ему роскошь, открытое сердце наполнится любовью и искренностью, а пустое сердце познает ностальгию, потому что кроме воспоминаний у него ничего больше нет».

Тогда Эрих ее спросил: «А каким его видишь ты?» И она ответила: «Многогранным и непредсказуемым. Кажется, что ты уже его хорошо знаешь, но нет, он снова и снова тебя удивляет, и ты чувствуешь себя одурманенной».

Он помнил, как после этих слов он обнял ее и страстно поцеловал. В тот момент он был безмерно счастлив! Эрих чувствовал, что судьба щедро его вознаградила: у него есть любовь, главная сила, которая движет всем его существом, наполняет и окрыляет. Он рассказал ей о своих чувствах, и она ответила ему взаимностью. Он видел ее глаза, они ему не лгали, она любила его. Не могла не любить.

«Когда ты живешь пятнадцать лет с одним человеком под одной крышей, то настолько тонко чувствуешь любое колебание его настроения, что я наверняка бы почувствовал, если бы жена мне лгала», – подумал Эрих.

Но это было тогда, а сейчас Краузе стоит в пустом новомодном доме, в абсолютном одиночестве и смотрит на портрет женщины, которая его внезапно бросила, практически не объяснив своего поступка, не считая того факта, что она не знает, что ей нужно для счастья.

Тоска сжимала сердце. Обессиленный, доктор лег на диван, закрыл глаза и несколько минут пролежал без движения. Сначала он хотел немного отдохнуть, потом просмотреть новые выпуски журналов по психиатрии, но навалилась усталость и он задремал.

Во сне он увидел Елену, стоящую напротив своего портрета в гостиной. На ней было платье, в котором она была в день отъезда.

– Тебе нужно его снять, – сказала она, показывая на портрет. – Ты же знаешь, он мне никогда не нравился.

Эрих хочет ей ответить, но не может. Он как истукан лежит на диване и не может пошевелиться.

– Я хочу, чтобы ты был счастлив, дорогой. Ты достоин лучшей участи, чем просто тосковать по покинувшей тебя жене. Жизнь так коротка и хрупка, Эрих. Внутри тебя так много неизведанного и неоткрытого. Ты сам не знаешь, какое сокровище хранишь в себе. Ты должен стряхнуть с себя бремя одиночества и пробудиться. Эрих, ты должен пробудиться, ради себя.

Она подошла к нему вплотную и крикнула прямо в лицо:

– Пробудись!

Он вскрикнул и открыл глаза. Дом был погружен в темноту. Его ноги были накрыты пледом. Видимо, Василий увидел, что он задремал в гостиной, и выключил музыку и свет.

Эрих встал с дивана и пошел к лестнице, чтобы подняться в спальню, но в этот момент тишину разорвал телефонный звонок. От неожиданности он вздрогнул и вопросительно воззрился на телефон.

Кто мог звонить в такое время? Он снял трубку и раздраженно произнес:

– Краузе.

– Добрый вечер, – услышался усталый голос Крюкова, – хотя у вас, наверное, сейчас уже ночь.

– Почему так поздно? – с раздражением осведомился Эрих. – Мне нужно выспаться. У меня первый прием пациента в восемь утра.

– Придется отменить, – сказал детектив, в голосе слышались трагические нотки.

Доктор насторожился.

– Что случилось? – спросил Эрих и нащупал рукой спинку стула.

– У меня плохие новости, – сообщил Крюков.

Руки задрожали, в горле пересохло. Краузе как подкошенный плюхнулся на стул.

– Насколько плохие?

– Очень плохие. Крепитесь, Эрих.

Дальнейший разговор Эрих слушал, едва понимая смысл, в голове стоял давящий на перепонки гул. Слова детектива преломлялись и разлетались в его сознании глухими отрывистыми звуками. В первые секунды трагической новости его сознание не принимало действительность и влекло назад, в только что увиденный сон.

Он снова увидел перед собой образ Елены в облегающем ярко-синем платье, ее длинные светло-русые волнистые локоны, обрамляющие худошавое бледное лицо. Она смотрела прямо на него и вкрадчиво говорила:

– Жизнь так коротка и хрупка, Эрих.

Затем виновато опустила глаза, и ее облик стал медленно растворяться.

В следующую секунду трубка выскользнула из его рук и с треском ударилась о мраморный пол. По всему телу пробежала дрожь. Он стоял посреди холла потрясенный и сломленный. Ему казалось, на него только что свалилась многотонная бетонная плита и безжалостно раздавила его тело и сознание. Он больше не чувствовал ни рук ни ног, как будто пребывал в невесомости. Ему казалось, еще мгновение и он потеряет рассудок. Сознание стало ватным и аморфным. По щекам потекли теплые соленые слезы.

Тяжелые шаги заставили его повернуть голову, и он увидел, как с цокольного этажа по лестнице быстро поднимается Василий и бежит в его сторону. Он что-то спрашивает, но Эрих не понимает его слов.

За спиной водителя он видит бледный, почти исчезающий силуэт жены и тянется к ней рукой. Его губы тихо шепчут:

– Нет, нет, это какая-то ошибка, этого не может быть.

Октябрь 2013 г.

История третья. «Возмездие»

*Что бы ни случилось – страдание или счастье,
ад или небеса – вы, в конечном счете,
полностью ответственны за это.*

ОШО

Глава первая

Весенним ранним утром две машины представительского класса неспешно двигались по насыпной проселочной дороге, ведущей к лесному домику. Теплый ветер быстро разгонял свинцовые тучи и гнал их на восток к Москве. Природа оживала после длительной зимней спячки. На деревьях набухали пахучие почки, а в небе появлялись первые стаи возвращающихся с юга птиц.

Машины плавно остановились, из салона седана вышли двое мужчин и неспешной походкой двинулись к одноэтажному деревянному дому. Входная дверь оказалась заперта, один из мужчин в черном пальто сильно забарабанил в дверь.

– Эрих! Открой, это Петрасевич!

Никто не отозвался, тогда он прошел вокруг дома и заглянул в окна.

– Где его черти носят? – раздраженно произнес он.

По обе стороны веранды были навалены огромные кучи снега. С крыши монотонно капала талая вода. В одном из сугробов виднелась проржавевшая от времени табличка с надписью «Посторонним вход воспрещен».

«Краузе специально ее сюда воткнул!», – подумал Петрасевич и скривился в улыбке.

Второй мужчина в коричневой кожаной куртке с меховым воротником закурил сигарету и неспешно направился к озеру. Это был высокий мужчина лет пятидесяти с выдающимся подбородком и цепким взглядом.

– Красиво здесь, – задумчиво произнес он, – и тихо.

– Как я уже сказал, Петр Семенович, гарантии, что вы сможете с ним поговорить, никакой, – быстро заговорил Петрасевич, следуя за собеседником.

Лед на озере уже начал кое-где таять, и в некоторых местах поблескивала вода. На высоком песчаном берегу виднелся старенький покосившийся пирс.

Остановившись у озера, Петр Семенович вдохнул прохладный воздух полной грудью и мечтательно произнес:

– Порыбачить бы сейчас, да времени нет.

– Пять месяцев назад у доктора убили жену во Франции. Сразу после похорон он закрыл свой офис и заперся в этой хибаре.

– Что за озеро? – спросил Петр Семенович, не обращая внимания на причитания Петрасевича.

– Себежское, – быстро ответил Петрасевич и продолжил: – В прошлый раз он погнался за мной с ружьем. Я хотел ему помочь, а он даже слушать не захотел.

– Здесь, наверное, хорошо карась ловится, а может, и щука есть.

– Так что... за действия доктора Краузе я не в ответе, – заключил Петрасевич и нервно дернулся.

Собеседник размял пальцы и скривился в неприязненной ухмылке.

– Эдуард Филиппович велел доставить доктора в любом виде. Так что не мельтешите, лучше спросите у местных, где он может быть. А мы с ребятами пока осмотримся.

Петр Семенович вернулся к машине и дал указание двум охранникам прочесать территорию.

Опустив плечи, Петрасевич поплелся по узкой лесной тропинке, ведущей в деревню, но не успел далеко углубиться в лес, как ему навстречу выбежал Краузе в спортивном костюме. Вид у него был бодрый, лицо раскраснелось от бега, дыхание было ритмичным и ровным. В руках он держал компактные гантели, периодически совершая резкие боксерские выпады.

Увидев доктора, Петрасевич встрепенулся и слащавым голосом затараторил:

– Эрих, глазам своим не верю. Ты вышел из дома?

– Как видишь, – огрызнулся Эрих и одарил его враждебным взглядом.

– Как дела?

– Нормально! – не сбавляя темпа, Краузе пробежал мимо бывшего финансового директора.

Петрасевич кинулся вдогонку.

– Я приехал повидать тебя. Узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь.

– Не нужно. Повидал, можешь уезжать.

– Не все так просто, Эрих, – быстро произнес Петрасевич и стал задыхаться.

Он перешел на быстрый шаг и махнул рукой, как бы давая понять, что догнать доктора было плохой идеей.

Выбежав из леса, Эрих увидел возле дома непрошенных гостей. Он пробежал мимо них с невозмутимым видом и заскочил на веранду. Отогнув половик перед дверью, доктор достал ключ и открыл входную дверь.

Краузе, игнорируя присутствие посторонних, скинул с себя спортивный костюм и в трусах проследовал на улицу, где у него под открытым небом был оборудован самодельный душ. Несмотря на прохладную погоду, он встал под холодную воду и размашистыми движениями начал растирать тело, издавая при этом периодически восторженные вскрики. Затем, обмотав бедра махровым полотенцем, вернулся в дом и прошел в спальню, где находился его немногочисленный гардероб.

За время, проведенное в лесном домике, доктор сильно похудел, его и без того худощавое лицо осунулось и было похоже на лицо узника концлагеря. Отросшие волосы, борода и усы делали его лицо неузнаваемым. Глаза были настолько красноречиво печальны, что Петр Семенович понял, скорбь по жене в самом разгаре.

Когда доктор переоделся и приступил к завтраку, Петр Семенович зашел на кухню и спросил:

– В этом доме наливают кофе?

– Кофе нет! – отрезал Эрих. – Могу предложить вам какао или зеленый чай.

– О нет, спасибо! – сморщился Петр Семенович и выразительно посмотрел на своего телохранителя.

Тот кивнул и вышел к машине за термосом.

Через две минуты перед Петром Семеновичем стояла большая кружка ароматного дымящегося кофе. Смакуя, он громко отхлебнул бодрящий напиток и довольно улыбнулся.

– Кофе – моя слабость.

Эрих, молча, поглощал бутерброды с маслом и вареньем. Казалось, его совсем не заботит присутствие незнакомых людей. Петрасевич разместился на диване в гостиной и оттуда наблюдал за происходящим.

– Отличный вид из окна. Рыбачили зимой?

– Угу, – доктор надкусил второй бутерброд.

– Что ловили?

Эрих прожевал кусок и ехидно подметил:

– Думаю, вы не за рыбой в такую даль приехали.

– Что правда, то правда, – усмехнулся Петр Семенович и добавил: – Конечно, мы по делу. Точнее, по вашу душу. Моему боссу нужна ваша помощь.

– Я больше не практикую, – отрезал Краузе.

Петр Семенович усмехнулся.

– А кого это интересует? – он огляделся по сторонам и каждому из охранников стал задавать этот вопрос, потом повернулся к Эриху и продолжил: – Меня? Нет. Если мой босс говорит, что ему что-то нужно, он это получает.

– Счастливчик, – съехидничал доктор.

– Я тоже так думаю! – Петр Семенович разразился злорадным смехом.

Петрасевич втянул плечи и понуро опустил голову, по его реакции Эрих понял, что с непрошеными гостями лучше не шутить.

– И кто же ваш босс? – спросил доктор и налил себе большую чашку горячего какао.

– Он сам вам представится, когда я вас привезу к нему домой.

– Даже вот как! А если не привезете?

– То у меня будут проблемы. А когда они у меня возникают, я ищу виновных и устраняю проблему, – угрожающе произнес Петр Семенович и отхлебнул кофе.

– Какого рода это проблема, я имею в виду вашего босса.

– Не все так любопытны, док.

– Эрих, называйте меня Эрих.

Видимо, на этом терпение Петра Семеновича закончилось, он допил кофе, поставил кружку на стол и жестким тоном произнес:

– Жду вас в машине, и поторопитесь, времени у нас мало. Возьмите с собой одежду, вы пробудете у нас какое-то время.

– Никуда я с вами не поеду, – категоричным тоном заявил Краузе, – я больше не практикую, проблемы вашего босса придется вам решать самостоятельно.

Вскочив с дивана как ужаленный, Петрасевич кинулся на кухню и встал между гостями и доктором.

– Давайте оставаться профессионалами! – нервно воскликнул он и с опаской посмотрел на доктора.

Сохраняя спокойствие, Краузе поднялся с табурета и поставил тарелку в раковину. Затем посмотрел на гостей и жестким тоном произнес:

– На этом нашу встречу считаю законченной и впредь прошу вас меня не беспокоить.

Один из охранников сжал кулаки и хотел двинуться в сторону доктора, но Петрасевич загородил ему путь и быстро залепетал:

– Петр Семенович, он же ясно выразился, что не практикует, ну не силком же вы его заставите ехать с вами!

– Сам или с помощью моих ребят, но он сядет в машину, – угрожающе произнес Петр Семенович и красноречиво посмотрел на своих телохранителей.

– Мужики, мне такой подход не нравится! – истерично завопил Петрасевич и выставил вперед указательный палец.

Трое телохранителей обступили доктора, один из них вынул из кармана электрошокер и для устрашения выставил вперед. В этот момент входная дверь распахнулась, а на пороге появился здоровенный детина двухметрового роста в форме лесничего. Все гости устремили на него удивленные взгляды. Воспользовавшись паузой, Эрих резко ударил телохранителя по корпусу и выхватил электрошокер. Блеснул разряд.

– Вон из дома! – угрожающе прокричал Краузе.

Телохранители попятились назад. Петр Семенович злобно ухмыльнулся и дал им знак идти за ним. Когда машина выехала на проселочную дорогу, Петрасевич громко выдохнул и опустился на стул.

– Тебя это тоже касается, Игорь! – Краузе указал на дверь, – нечего рассиживаться, убирайся.

– Эрих, нам надо поговорить, – начал Петрасевич, – некоторые дела требуют твоего неотлагательного решения.

– Все дела остались в прошлом. Ты больше на меня не работаешь, так что поезжай туда, откуда приехал.

Лесничий сделал два шага в сторону последнего гостя, но тот вскочил со стула, схватил свой кейс и быстро выбежал из дома.

Краузе положил электрошокер в кухонный ящик, улыбнулся и сказал:

– Не думал, что скажу это, но мне очень повезло с соседом.

– Я сразу понял, что у тебя проблемы, – пробасил лесничий.

Эрих поднял на него глаза.

– Ты после пробежки печку не затопил. Я глядь на трубу, а дыма-то нет, – ответил лесничий и улыбнулся.

– Эх, Бармалей, Бармалей, не знаю, что бы я без тебя делал!

– Сидел бы без печки, без душа и рыбы, – улыбнулся лесничий и громогласно рассмеялся.

***

На следующий день, возвращаясь из продуктового магазина, расположенного в ближайшей деревне, Эрих заметил у подъездной дороги новенький черный «Cadillac». Он замедлил шаг, огляделся по сторонам, но никого не заметил.

Войдя в дом, он увидел в гостиной на диване крупного высокого мужчину лет шестидесяти с седыми волнистыми волосами и тяжелым взглядом. Первое, что бросалось в глаза, это его высокомерный вид. Он всем своим существом показывал, кто здесь главный и что важнее его проблем ничего для окружающих людей быть не может.

Группа вчерашних охранников во главе с Петром Семеновичем рассредоточилась по дому. Увидев Эриха, мужчина расстегнул пиджак, Петр Семенович помог ему его снять и как реликвию передал охраннику.

У Эриха была хорошая память на лица, и с первого взгляда стало понятно, что они где-то встречались.

– Итак, давайте знакомиться, Эрих Карлович, – предложил мужчина, – меня зовут Эдуард Филиппович, мы с вами встречались на одном из благотворительных приемов, но нас друг другу не представили.

– Очень приятно, называйте меня Эрих, – спокойно ответил Краузе.

– Тяготитесь авторитета отца? – съязвил Эдуард Филиппович.

– Не думаю, что вы приехали, чтобы провести мой психоанализ, скорее для того, чтобы я помог решить ваши проблемы, – раздраженно произнес доктор.

Эдуард Филиппович усмехнулся и многозначительно посмотрел на своего помощника. Петр Семенович и телохранители вышли из комнаты, оставив босса наедине с доктором.

– Вы ведь не знаете, кто я?

– Нет, но лицо мне ваше знакомо.

– Я заместитель министра промышленности и энергетики, – весомо произнес Эдуард Филиппович и гордо задрал подбородок, но в следующую секунду вздрогнул и сконфуженно добавил: – Вернее, был еще два часа назад.

– Мне очень жаль, но при чем тут я?

– Мне нужна ваша помощь. Мне вас рекомендовали очень близкие друзья.

– Я не раздаю министерские портфели, – съязвил Эрих.

– А вы шутник! – усмехнулся Эдуард Филиппович. – Видимо, это качество досталось вам от матери. Ваш отец никогда не понимал юмора.

– Вы знали моего отца? – удивился Эрих, его тон сразу смягчился.

– Да. Мы учились в одной школе.

– Понятно. Ну, раз вы друг отца, то из вежливости я вас выслушаю.

Эдуард Филиппович встал с дивана и, заложив руки за спину, стал нервно прохаживаться по гостиной. Во время рассказа эмоции взяли вверх, и бывший замминистра стал быстро излагать свои проблемы, нервно заламывая руки.

– В последнее время на меня как ком навалились разные проблемы. Я бы хотел, чтобы вы с помощью гипноза узнали, в чем причина такой атаки. Я обращался ко многим специалистам, но помочь мне никто не смог.

– Какого рода проблемы? – поинтересовался доктор.

– Я бы не хотел об этом говорить.

– Если вы хотите, чтобы я вам помог, то придется мне довериться.

Немного подумав, Эдуард Филиппович кивнул.

– Хорошо. Я перечислю проблемы, которые возникли у меня только за последний месяц. В прессе началась травля из-за скандала с закупками комплектующих деталей для электростанций. Потом журналюги узнали о покупке особняка в Швейцарии. Следующим ударом было предательство друга, которому были доверены крупные ассигнования. Оказалось, что он представил липовый проект, и бюджетные деньги уплыли через подставную фирму на оффшорные счета. Чтобы срочно залатать дыры, мне пришлось вкладывать свои сбережения. Об этом узнала жена и закатила скандал. Вместо того чтобы спокойно ей все объяснить, я в гневном припадке ударил ее. После чего она собрала вещи, детей и уехала в один из наших особняков в Европе. Я был в это время в Краснодаре и не смог помешать ей. Сейчас мы общаемся через моего помощника или старшую дочь, которая, несмотря ни на что, остается рядом со мной, но ее терпение тоже не безгранично.

Эдуард Филиппович остановился напротив окна и сквозь полупрозрачные шторы стал смотреть вдаль. Доктор хранил молчание, он чувствовал, что это еще не весь рассказ, и гость не заставил себя ждать.

– А сегодня случилось то, что даже я, великолепный прагматик и аналитик, не смог предвидеть. Я лишился должности. Это было личным решением премьера. Я даже не знаю, за что именно, так много камней летело в мою голову за последние полгода.

– Значит, ваши проблемы начались полгода назад? – уточнил Краузе.

– Совершенно верно, – ответил Эдуард Филиппович, глубоко вздохнул и сел на просторный диван.

– А до этого момента у вас были такого же рода неприятности?

– Нет. Меня можно назвать баловнем судьбы. Все, что хотел, я получал в кратчайшие сроки, и если не стал министром, то только потому, что сам этого не хотел.

– А ваша жена? Сколько ей лет?

– Это мой третий брак. Мы живем уже вместе семнадцать лет. Ей сорок четыре года. У нас трое детей. Двое сейчас живут с ней, а старшая дочь, как я уже сказал, со мной.

Доктор немного поразмыслил и задал следующий вопрос:

– Полгода назад в вашу жизнь пришел новый человек?

– Вокруг меня и моей семьи огромная текучка кадров.

– Это достаточно близкое и значимое общение, это друг, партнер или начальник, новый член семьи.

– Нет, такого я не припомню. А почему вы спрашиваете?

– Бывает так, что в нашу жизнь приходит человек из прошлых воплощений и включается кармический закон. Если вы не делаете то, что должно загладить ваш прошлый поступок, то начинают происходить негативные вещи, способные в корне изменить нашу привычную жизнь. Поэтому нам в первую очередь важно установить ваши кармические связи.

– Как мы это сделаем?

– Это делает гипнолог.

– То есть вы. Так вы мне поможете?

Эрих глубоко выдохнул и сказал:

– Сам нет, но я посоветую вам опытного гипнолога, моего коллегу, и то только потому, что вы знали моего отца.

Гость снова поднялся и нервно откашлялся. Пройдя в раздумье вокруг гостиной, он остановился напротив Эриха.

– Я в курсе вашей проблемы и предлагаю следующее: я помогу вам, вы мне. Это будет своего рода обмен услугами.

– О какой моей проблеме вы говорите?

– Я знаю, что вашу жену зверски замучили и убили. До сих пор убийца на свободе. Ни Европол, ни ваш детектив, ни вы сами его не нашли.

Эрих вспомнил, как целый месяц в сопровождении детектива Крюкова ездил по городам Франции в поисках Рихтера.

– Я помогу вам его найти. Мало того, я уже знаю, где он, – многозначительно произнес гость.

Эрих вскинул на него удивленный взгляд, нервно сглотнул и сильно сжал челюсть. Перед ним стоял человек, который мог или делал вид, что может найти убийцу Елены. Даже ради мало-мальского шанса он пролетел бы полмира, только бы приблизить момент поимки преступника, так жестоко отнявшего у него самое дорогое. Такого шанса доктор не мог упустить.

– Хорошо. Я помогу вам, но только на своих условиях, – согласился Эрих.

– Я слушаю...

– Вы говорите мне, где он, мы посылаем туда полицию, его ловят, и я к вашим услугам.

Эдуард Филиппович усмехнулся и сказал:

– Нет, все будет сделано так: за каждый шаг, что приблизит меня к разрешению *моей* проблемы, я буду давать вам подсказки, которые в итоге приведут вас к убийце. А посылать вам туда полицию или ехать самому, не моя забота.

– Хорошо! – не задумываясь, выпалил Эрих.

– Сколько сеансов вам нужно?

– Пока не знаю, все индивидуально. Ответ может лежать на поверхности в прошлой жизни, а может скрываться в более ранних инкарнациях. Но есть установленные правила проведения сеансов, которые я не буду нарушать, чтобы не ранить ваше психическое здоровье.

– Это какие же?

– Сеанс длится ровно час. К нему я могу добавить пять минут, если воспоминания нельзя прервать немедленно. Между сеансами необходимо минимум сутки для перерыва, это я говорю на случай, если вы захотите форсировать события. Иногда ситуация требует дополнительного расследования, наведения исторических справок, поиск оставшихся свидетельств, на это может уйти время.

– Времени как раз у меня нет, – констатировал Эдуард Филиппович.

Затем гость встал и снова подошел к окну.

– Я бы хотел, чтобы на время наших сеансов вы расположились в моем доме. Это бы упростило наши встречи и предотвратило утечку информации.

– Нет, – покачал головой Эрих, – мне как раз этого хотелось бы избежать, я могу подписать соглашение о неразглашении информации. Но я останусь здесь.

– И будете мотаться в Москву ко мне на сеансы? – с сарказмом в голосе спросил Эдуард Филиппович.

– В крайнем случае я вернусь в свой дом.

– Подписать бумаги вам, конечно, придется, но дурная слава бежит сейчас впереди вас. Вы главный подозреваемый в деле об убийстве вашей жены.

– Что за чушь?! – вскипел Эрих. – Меня допрашивали сразу после убийства во Франции и здесь, в Москве, после похорон. Я предоставил алиби, и с меня сняли все подозрения.

– Вы как маленький мальчик! – воскликнул Эдуард Филиппович. – Если нельзя найти мифического доктора Рихтера, то полиции проще предположить, что именно вы наняли убийцу, а потом обеспечили себя прочным алиби.

Теперь уже Эрих вскочил на ноги и начал расхаживать по гостиной.

– Если вы вернетесь в свой дом, об этом сразу узнает пресса, и вы попадете на первые полосы газет, за вами начнется охота. Поверьте мне на слово, это вышибет вас из колеи. А я не хочу, чтобы вам на время наших сеансов что-то или кто-то мешал: ни поиск убийцы, ни полиция, ни пресса. Поэтому дело решенное, вы поедете с моими людьми.

Глава вторая

За окном «Мерседеса» моросил мелкий дождь, водитель ехал с малой скоростью из-за традиционных на подъезде к Москве пробок. Монотонная обстановка расслабляла, и Эрих, закрыв глаза, вспомнил, как проходила процедура опознания тела жены. Это было в Ницце. Он и Роберт Исаакович, отец Елены, приехали в морг и прождали в коридоре почти час. Потом их по очереди подводили к большому экрану монитора и выводили изображение с камеры морга, на котором было видно тело Елены. Лицо было опухшим и обезображенным, под глазами виднелись кровоподтеки. Ее белоснежные руки лежали поверх белой простыни. На запястьях виднелись широкие кровавые полосы.

Он хорошо помнил, как дошел до экрана, но совсем смутно, что было потом. Помнил, что Роберт Исаакович громко плакал, а потом звонил жене и с надрывом рассказывал о случившемся. После опознания к ним вышел следователь с переводчиком, и их отвезли в полицию для допроса. Отца отпустили через полчаса, а вот с Эрихом вели беседу до следующего утра.

Очнувшись от неприятных воспоминаний, Краузе посмотрел за окно автомобиля. Они подъезжали к МКАД – главной артерии столицы, по которой вереницей, как муравьи, двигались автомобили по разноуровневой развязке. «Мерседес» съехал на кольцевую дорогу и, проехав несколько километров, свернул на Рублево-Успенское шоссе.

За окном автомобиля уже совсем стемнело, когда черный «Мерседес» въехал в охраняемую зону и остановился перед плавно открывающимися воротами дворца-усадьбы в стиле русского классицизма. Навстречу вышли двое охранников и поприветствовали выходящего из автомобиля Петра Семеновича. После короткого разговора он сделал водителю знак припарковаться и степенно двинулся по асфальтированной дороге к дому.

Дом был расположен посредине парка и по своей архитектуре напоминал здание Сената в Кремле. Комплекс состоял из трех примыкающих друг к другу зданий. В центре размещалось круглое здание в форме ротонды, которая была увенчана куполом с античной росписью и мозаикой. Фасад дома был равномерно разделен деталями ордера. Портал оформлен в виде портика со сдвоенными колоннами и треугольным фронтоном. Вокруг дома располагались несколько фонтанов и скульптур в античном стиле.

Доктор вышел из машины и в сопровождении охраны пошел к деревянному гостевому домику, который примыкал к банному комплексу. Сквозь прозрачные стены большой пристройки он разглядел голубоватые блики бассейна.

– Велено подождать здесь, – сказал один из телохранителей и пригласил доктора в просторный холл.

Им навстречу вышел крупный мужчина брутального вида, представился Сергеем и, взяв сумку у Эриха, провел его в гостевые апартаменты.

– Можете раздеться здесь, – пробасил он и показал на спальню. – В шифоньере найдете банный халат и плавки.

– Зачем мне плавки? – удивился доктор.

– А вы собираетесь плавать голым? – тут же парировал Сергей и громко хлопнул дверью.

– Плавать? – Краузе хмыкнул и осторожно приоткрыл дверцу шкафа.

Переодевшись, Эрих вышел в холл и проследовал за все тем же Сергеем, который терпеливо ждал его у входа в банный комплекс. Следующие два часа его парили, скоблили и массировали, как после длительного проживания на помойке. Раздражение доктора постепенно отступило, мышцы расслабились, и он успокоился.

После привычного заплыва он вышел из бассейна и отдышался. Молодая девушка поставила на журнальный столик поднос, на котором стоял чайник с пахучими травами, пустая чашка с блюдцем, а также разного рода десерты и сухофрукты.

После банных процедур Краузе разморило, и он мечтал лишь об одном – поспать. Но в этот момент дверь в бассейн открылась, и Сергей сказал, чтобы доктор следовал за ним. Эрих неохотно встал и прошел в просторную и роскошно обставленную гостиную. За столом у окна сидел мужчина в черном костюме-тройке небольшого роста лет сорока пяти, как выяснилось позже адвокат. Рядом с ним расположился Петр Семенович, уже успевший переодеться в спортивный костюм.

Адвокат положил перед доктором документ и сказал:

– Эдуард Филиппович попросил вас подписать соглашение о неразглашении.

Эрих внимательно прочитал документ и подписал каждый лист.

– Петр Семенович покажет вам ваши апартаменты. С Эдуардом Филипповичем вы встретитесь завтра вечером.

После ужина, который оказался весьма экзотичным, Эриха провели в левое крыло второго этажа центрального особняка. Под проживание ему отвели три большие комнаты – гостиную, спальню и кабинет. Также разрешили пользоваться общей библиотекой, которая располагалась на третьем этаже в ротонде. Завтрак приносили в его гостиную, обед и ужин накрывали в общей столовой, которая в отсутствие жены и двоих детей практически пустовала.

Со старшей дочерью Эдуарда Филипповича Зоей доктор познакомился на первом же ужине, ей было поручено приглядывать за ним и, как выразился хозяин дома: «Не давать гостю скучать».

Зоя была миниатюрной девушка с раскосыми карими глазами и длинными волнистыми волосами, которые она виртуозно укладывала в разные прически. У нее была неестественно тонкая шея и бледная, почти прозрачная кожа. Несмотря на достаток и всеобъемлющую любовь отца, она не была избалована и обладала хорошими манерами. Девушка оказалась ненавязчива и тактична, чем очень порадовала гостя.

Оставшись один, Эрих прошел в кабинет и увидел свой ноутбук. Видимо, Петрасевич сам съездил в его коттедж и привез личные вещи. Открыв ноутбук, Эрих запустил почтовую программу и ужаснулся. Во входящих сообщениях он обнаружил свыше трехсот непрочитанных писем. Прошло не меньше получаса, пока он удалил весь спам и оставил письма только от знакомых ему людей.

На глаза попались письма от надоедливой журналистки, которой так и не удалось взять у него интервью. Он оставил их непрочитанными, а первыми открыл письма от коллеги, Светланы Анисимовой. Она писала ему примерно раз в месяц, сначала выражала соболезнования, потом предлагала свою помощь, а в последнем письме сама уже просила о помощи. Эрих взглянул на часы, для звонка было еще не поздно, и набрал ее номер.

Услышав его голос в трубке, Светлана очень удивилась и обрадовалась.

– Как давно я тебя не слышала! Где ты пропадал? Не отвечал на письма и на звонки. Я уж подумала, что ты уехал из России. Ты в порядке?

– Я в норме, – сдержанно ответил Эрих и тут же добавил: – Сейчас уже в норме. Ты написала, что тебе нужна моя помощь.

– Да. Слушай, дело деликатное. На самом деле у меня даже две просьбы, но по телефону не хочу об этом говорить. Когда мы сможем встретиться?

– Сейчас я работаю с новым пациентом и на время сеансов вынужденно живу в его доме. Как только закончу, сразу тебе позвоню.

– Ты живешь в доме пациента? – удивленно переспросила Светлана.

– Да.

– Видимо, это очень влиятельный человек, раз ты сделал для него такое исключение. Но я рада, что ты снова практикуешь.

Эриху не хотелось раскрывать суть договоренностей между ним и клиентом, и поспешил заверить коллегу:

– Это действительно исключение, он друг отца, я не мог отказать. Но к практике я не собираюсь возвращаться.

– Мне кажется, это опрометчивое решение, работа как раз то, что поможет тебе вернуться к нормальной жизни.

– Нормальной жизни больше не будет, – сухо процедил Эрих, – в ней должна присутствовать Елена, а это уже невозможно.

– Хорошо, хорошо, пусть будет так. Не будем спорить, давай встретимся, мне тебе многое нужно рассказать.

Закончив разговор, Эрих принял душ. Спать совсем не хотелось, и он решил перед сном прогуляться по парку.

Парк вокруг дома освещали уличные фонари, разноцветная подсветка фонтанов и скульптур. Несмотря на раннюю весну, все фонтаны в парке действовали. Доктор прошел несколько кругов вокруг гигантского дома и хотел уже отправиться в свои апартаменты, но ему навстречу вышла Зоя и предложила составить компанию. Эрих жестом показал, что не против, и уверенно зашагал по центральной дорожке.

– Давно ваша семья живет в этом доме?

– Лет пять. Мы переехали сюда, когда родился Дениска, мой самый младший брат.

Доктору нужно было как-то поддержать разговор, и он спросил:

– Вы учитесь или работаете?

– И то и другое, – улыбнулась девушка.

– Это хорошо, – автоматически ответил доктор и вежливо улыбнулся. – А жених у вас есть?

– У меня есть поклонники, – многозначительно ответила Зоя, давая понять, что не имеет серьезных отношений.

– Поклонники – это хорошо, – задумчиво ответил доктор.

– Вам необязательно меня развлекать разговором, – деликатно произнесла Зоя. – Мы можем просто пройтись и помолчать.

Впервые за время их знакомства Эрих взглянул на девушку с интересом. Идея ему понравилась, и остаток пути они прогуливались в полном молчании. Зайдя в дом, они расстались в холле первого этажа и пожелали друг другу спокойной ночи.

***

Первую ночь в доме пациента Эрих практически не спал, он то и дело проваливался в дрему, но перед ним сразу всплывало лицо Елены, после чего он соскакивал с постели и потом подолгу сидел у окна. А когда ему снова удавалось сомкнуть глаза, все повторялось. Елена простирала к нему руки и требовала от него пробуждения.

– Пробудись! – кричала она. – Эрих, ты должен пробудиться!

Что означали ее слова, он не понимал. Сны стали преследовать его сразу после ее смерти, и даже полугодовое самолечение не помогло ему разобраться с видениями.

Сразу после похорон у Эриха начались головные боли. Боль периодически пульсировала со стороны левого виска и порой так домогала его, что справиться с ней могла только многочасовая прогулка в лесу.

После завтрака до самого вечера он пробыл в библиотеке, изучая труды Фрейда. Его особенно интересовали статьи, в которых основатель психоанализа трактовал сновидения людей, потерявших близких. Но ничего подходящего для своего состояния так и не нашел. Само по себе явление в его снах Елены было нормальным, но ее слова ставили доктора в тупик. От чего он должен пробудиться? Относилось ли это как-то к смерти Елены, или он сам неправильно воспринимал происходящее? Все эти вопросы и усердное чтение вызывали боль в виске, и он то и дело растирал его пальцем.

В библиотеку не раз заглядывала Зоя в надежде поговорить с загадочным гостем, но, видя его сосредоточенный на книгах взгляд, бесшумно скрывалась за дверь.

Ближе к вечеру, когда на улице стало темнеть, к нему зашел Петр Семенович и попросил пройти в кабинет чиновника.

Кабинет располагался на третьем этаже, рядом с круглой библиотекой. Это было просторное помещение, разделенное на зоны мебельными группами. В кабинете располагались длинный стол для переговоров, большой двухтумбовый рабочий стол, диван, два кресла, книжные шкафы и кушетка рядом с окном.

Хозяин кабинета сидел за столом и изучал документы. Увидев доктора, он снял очки и вышел ему навстречу.

– Добрый вечер! – поздоровался Эдуард Филиппович и пожал доктору руку.

– Добрый вечер! – сухо ответил Краузе.

Головная боль все еще не давала ему покоя, и он попросил таблетку болеутоляющего. Когда доктор выпил лекарство, хозяин дома внимательно посмотрел на Эриха и заметил:

– Похоже, доктору самому нужен доктор.

Эриху не хотелось развивать эту тему, и он с нетерпением произнес:

– Ну что, приступим к сеансу?

– Я готов, – бодро произнес Эдуард Филиппович.

– Для сеанса нам нужна цифровая камера, ноутбук или iPad, кушетка для вас, кресло для меня, а блокнот и ручку я уже взял.

Петр Семенович помог расставить доктору мебель, принес камеру, iPad и удалился, плотно закрыв за собой дверь.

Когда все было установлено, доктор с удовлетворением посмотрел на свою импровизированную приемную и сел в кресло. Хозяин дома расположился на кушетке и сложил руки вдоль тела. Краузе ввел его в гипноз и задал несколько стандартных вопросов. Затем провел по текущей жизни и довел его до момента рождения.

– Лента времени начинает раскручиваться назад!

Глаза Эдуарда Филипповича были плотно закрыты, и со стороны можно было видеть легкие подергивания век.

– Представьте, что вы входите в длинный темный туннель. Пройдя его, вы попадете в предыдущую жизнь. Туннель похож на цилиндр с темными стенами, которые, по мере приближения к выходу, будут светлеть и преобразоваться в

ослепительный свет. Я буду считать от десяти до одного, и, когда скажу один, вы окажетесь в своей предыдущей инкарнации. При этом вы сохраните свою личность и будете понимать, что это ваша прошлая жизнь. Вы не будете себя отождествлять с прошлой личностью.

Находясь в гипнотическом состоянии, Эдуард Филиппович пребывал в абсолютной темноте. После слов доктора он увидел размытые контуры туннеля и медленно, почти на ощупь, пошел к входу. Стенки туннеля были круглые и почти черного цвета.

– Десять... девять... Вы входите в туннель и набираете скорость. Восемь... семь... Идите на свет. Шесть... пять... Стены начинают светлеть, вы двигаетесь все быстрее и быстрее. Четыре... три... Стены почти белые, вы видите выход. Яркий ослепительный свет застилает вам глаза. Два... Один... Вы снаружи. Вам комфортно, и вы в безопасности. Вы слышите мой голос?

– Да, – вполголоса ответил Эдуард Филиппович.

– Где вы сейчас находитесь? Что вы видите перед собой?

– Я в темноте, – хрипло ответил пациент.

– Темнота рассеивается, что вы видите?

В этот момент Эдуард Филиппович разглядел очертания длинного обшарпанного коридора. Его тяжелые шаги эхом отражались от стен. На нем военная офицерская форма советских войск.

– Я в коридоре.

– Хорошо, вы в коридоре, что вы делаете в этом коридоре?

Мужчина в форме подходит к решетчатой металлической двери и предъявляет удостоверение сотрудника главного управления контрразведки «СМЕРШ». Удостоверение проверяет дежурный. Мужчина расписывается в ведомости посещения.

– Это тюрьма, – догадывается Эдуард Филиппович.

– Вы сидите в тюрьме?

– Нет. Я иду допрашивать задержанного.

– Вы следователь?

– Я офицер контрразведки.

– Какой это год?

Заглянув в ведомость, Эдуард Филиппович ответил:

– 1946.

– А как вас зовут?

Открыв удостоверение, мужчина в форме прочитал фамилию, и Эдуард Филиппович озвучил:

– Романов Павел Григорьевич.

– Хорошо. Что сейчас происходит?

Офицер прошел еще два коридора и открыл дверь комнаты, в которой стоял металлический стол и три стула. Он увидел мужчину, сидящего за столом в гражданской одежде, его лицо в кровоподтеках. Один глаз заплыл и опух. На запястьях наручники. С первой же секунды Романов оценивает его параметры и вглядывается в лицо, но из-за синяков и запекшейся крови не может его идентифицировать.

– Я вижу арестованного, – описал происходящее пациент.

– Что он делает?

– Сидит за столом.

– Так, хорошо, что происходит дальше?

Высокий худощавый мужчина в военной форме в звании майора стоит, облокотившись о стену, и курит. Увидев вошедшего офицера, он лениво повернулся и сказал:

– Присаживайтесь, Павел Григорьевич, я вас уже заждался.

Романов опустил на стул и деловито спросил:

– В чем дело?

– Да вот, Павел Григорьевич, этот гражданин утверждает, что встречался с вами лично при очень странных обстоятельствах.

– Кто такой?

Вместо ответа майор протягивает ему папку и говорит:

– Вот ознакомьтесь.

– Я не взял очки, вы можете прочитать? – намеренно солгал Романов, ему было необходимо оценить обстановку.

Майор открыл протокол допроса и начал читать:

– Я, Комаров Федор Петрович...

При упоминании имени Романов занервничал, но внешне постарался себя ничем не выдать. В мыслях промелькнуло: «Как такое возможно?» Он взглянул на арестованного и склонил голову набок.

Арестованный улыбнулся, оголяя окровавленные зубы, и перевел взгляд на майора. Несколько секунд они смотрели друг на друга, не отводя глаз. Затем майор откашлялся и еще громче стал зачитывать показания:

– «Летом 1942 года я был завербован руководителем Гатчинского подпольного комитета партизанского движения для подпольной работы комитета, действующего на территории Гатчины после отхода Красной Армии в 1941 году. Во время боевых действий я и двое моих товарищей попали в плен. Сначала мы содержались в общем лагере со всеми заключенными, потом в лагерь приехал немецкий офицер в сопровождении человека в маске, одетого в гражданку. Он провел беседу со всеми нами и предложил вступить в специальный диверсионный батальон...»

Подняв глаза, майор с минуту пристально смотрел на Романова, пытаясь оценить его реакцию по лицу, и жестким тоном произнес:

– Интересно, кто такой этот человек в маске?

Романов застыл от напряжения, в горле пересохло, но он сумел себя сдержать и внешне не подал вида.

Майор продолжил:

– «Мы прошли курс обучения и двадцатого ноября 1943 года были сброшены на территорию Украины с диверсионным заданием подорвать секретный объект. Объект мы заранее не знали. Нам лишь сказали, что это движущаяся цель...»

Эдуард Филиппович все это время молчал, доктор потерял терпение и снова спросил:

– Что происходит? Не молчите, говорите.

Пересохшие губы Эдуарда Филипповича, наконец-то разомкнулись и он ответил:

– Мне грозит опасность. Меня могут разоблачить.

– Какого рода это разоблачение? – спросил доктор, набивая в поисковике браузера фамилию и инициалы предыдущей инкарнации пациента.

В комнате для допроса майор продолжал читать протокол:

– *«Человек в маске был нашим связным, он передал нам координаты цели, место и время проведения операции. Это оказалась машина командира двадцать третьего гвардейского минометного полка с сопровождением...»*

Майор поднял глаза и посмотрел на Романова.

– Вот тут-то и начинается самое интересное. По нашим данным, именно вы были в сопровождающей машине в момент покушения на Смирнова Анатолия Степановича.

– Был, – сухо подтвердил Романов и добавил: – И, как вам известно, был ранен во время подрыва машины.

– Да. Мне это очень хорошо известно. Но вернемся к показаниям задержанного. *«Во время выполнения задания человек в маске находился все время с нами и контролировал наши действия. После подрыва движущейся колонны он лично расстрелял командира полка Смирнова и завладел его документами. Затем облачился в форму убитого офицера контрразведки, а нам приказал вернуться на базу. Но мы попали в окружение, двое моих друзей были сразу убиты, а мне пришлось скитаться по лесу до наступления утра. Затем я добрался до деревни и украл одежду. Местным представился как гражданский...»*

– Что происходит? Не молчите, – разочарованно повторил доктор.

Такого у Краузе еще никогда не было. Были случаи, когда пациенты неохотно, но все же шли на контакт, но сегодня все было иначе. Эдуард Филиппович упорно хранил молчание, и только дергающиеся веки говорили о том, что он продолжает под гипнозом видеть события из прошлой жизни.

– Мне зачитывают протокол допроса арестованного, – нехотя отозвался он.

– Так. Хорошо, – обрадовался доктор, – это важно для вас? Чего от вас хотят?

В этот момент майор пристально смотрел на Романова, но тот спокойно выдержал его взгляд.

– Итак, мы подошли к самому главному, Павел Григорьевич. Арестованный Комаров просит смягчить ему смертный приговор на пожизненную каторгу, а взамен он дает нам фамилию Мистера Икс.

– Интересно, – спокойно произнес Романов. – И кто же этот человек?

– А вы его очень хорошо знаете, Павел Григорьевич, или как вас там зовут? Человек-маска?

Левое веко задергалось, Романов нервно сглотнул и наигранно гневно закричал:

– Осторожно на поворотах, майор!

– Если предположить, что слова Комарова правда, а я в этом не сомневаюсь, то можно только восхищаться действиями Человека-маски. С какой точностью он разработал план подрыва и своего перевоплощения! Офицера Романова он выбрал не случайно, тот был не женат, вырос в детдоме и в полку пребывал всего несколько дней. После подрыва находился в госпитале около двух месяцев и в свой полк больше не вернулся. Никто не должен был заметить подмены. Идеально!

Майор обошел стол и встал у двери, одной рукой он расстегнул кобуру, а другой приоткрыл дверь, в комнату вошли два офицера с наручниками. Романов резко вскочил с места и схватился за спинку стула.

– Арестованный Комаров утверждает, что когда вы переодевались в форму Романова, он видел на вашем плече татуировку в виде орла и запомнил, что во время разговора вы часто склоняете голову вправо.

– Это наглая ложь! Этот человек наговаривает на меня! Я Романов Павел Григорьевич и могу это доказать! Вы что, всерьез поверите показаниям этого иуды? Да он предатель! Он предал своих товарищей, свою страну! Его слово копейки не стоит!

– Найти ваше настоящее имя нам не составило большого труда. В отличие от Романова, у вас есть родственники.

Лже-Романов непроизвольно дернулся, сердце учащенно забилося. Он понял, что ситуация патовая. Из этой комнаты ему живым не выбраться, а если и выбраться, что его ждет? Расстрел! Не лучше ли все закончить здесь и сейчас. Надо только решить – самому застрелиться или дать себя убить...

– Вы думали, они все погибли? Город разбомбили, от вашего дома не осталось ни кирпичика. Но вот какое чудо! Ваша сестра и ее муж остались живы, за день до авианалета они были эвакуированы в Ташкент. Там их и нашли. Как же они были несказанно рады, когда узнали, что вы живы, а не погибли в бою в 1941

году! Они же и подтвердили наличие у вас татуировки и опознали вас по фотографии. Приштин Андрей Яковлевич, вы арестованы за измену Родине! – громко, чеканя каждое слово, произнес майор. – А позже военный прокурор добавит вам еще несколько обвинений.

– Не будет никакого позже, – прошипел Приштин, схватился за пистолет и угрожающе двинулся на конвоиров.

Прогремел выстрел, затем второй, и Приштин повалился на пол.

– Меня убили, – тихо проговорил Эдуард Филиппович, его снова окружила темнота.

Краузе понял, что пациент попал в последний день его предыдущей инкарнации, и хотел продвинуться назад во времени, но раздался сигнал таймера, и доктор вывел Эдуарда Филипповича из гипноза.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он хозяина дома, когда тот поднялся с кушетки.

– Сносно, – сухо ответил Эдуард Филиппович и схватился за грудь.

– Как вас убили?

– Я бы хотел сейчас побыть один. Поговорим завтра.

Поднявшись с кушетки, Эдуард Филиппович в задумчивой позе встал у окна.

– По поиску Романов Павел Григорьевич я ничего не нашел. Но можно обратиться в архивы и отыскать документы, подтверждающие его существование, наличие семьи и его достижения.

– Да уйдите же наконец! – в нетерпении закричал Эдуард Филиппович.

Эрих хотел забрать карту памяти и посмотреть сеанс еще раз на ноутбуке, но хозяин дома запретил:

– Нет! Сначала я посмотрю ее сам!

Дверь кабинета открылась, на пороге показался Петр Семенович. Когда Краузе вышел из кабинета, Эдуард Филиппович крикнул помощнику:

– Меня ни с кем не соединять!

***

После ужина Эрих поднялся на второй этаж и зашел в свои апартаменты. Первый же сеанс с Эдуардом Филипповичем выбил его из колеи. Этот сеанс ставил рекорд по скудности добытой информации. В молчании пациента он усматривал намеренное желание скрыть детали своей прошлой жизни. Но такое не удавалось еще никому. Во время гипноза человек не может контролировать контакт с гипнологом и свои действия.

Доктор открыл блокнот и прочитал свои записи. Что-то в этом Романове было не так. Сначала он шел на допрос задержанного, по крайней мере, так понял из слов пациента сам доктор, затем его стали в чем-то обвинять. Пациент под гипнозом сказал: «Мне грозит опасность, меня могут разоблачить», затем ему зачитывали протокол, возможно, обвинительный, затем убили. Может, расстреляли?

Если учесть, что это было послевоенное время, то, скорее всего, Романов был либо предателем, либо ложно обвиненным. Но фраза о разоблачении не давала доктору покоя. Разоблачение в чем?

Чем он больше думал, тем невероятнее казался ответ. Отбросив блокнот на стол, доктор протер усталые глаза и откинулся в кресле. Он подумал, что в своем ремесле сильно зависит от самого пациента. Что он не может увидеть всей картины, а может оперировать только той информацией, которой его снабжают пациенты. Это было неизменным составляющим в его профессии. Впервые доктор задумался о том, что это не просто неудобство, а большая несправедливость.

«Как бы шагнуть за рамки гипнологии и попасть в прошлые жизни своих пациентов самостоятельно?», – подумал он и тут же усмехнулся.

Это из области фантастики.

Вспомнив о книгах, которые читал до сеанса, он поднялся на третий этаж и зашел в библиотеку. Его записи все еще лежали на большом письменном столе. Он разложил прочитанные книги по полкам, взял свои записи и направился к двери.

Краузе уже взялся за дверную ручку, когда на одной из полок увидел книгу с громким названием «Смерти нет». Именно так называлась его статья, опубликованная в немецком журнале по психиатрии несколько лет назад. Он

подошел к полке и взял книгу. Авторами оказались Хью-Линн Кейси и Эдгар Кейси. Доктор пролистал несколько страниц и понял, что она посвящена практике американского ясновидящего и врачевателя Эдгара Кейси по прозвищу Спящий Пророк.

Он вернулся к столу и увлекся чтением. Книга его так захватила, что он позабыл о времени. После полуночи в библиотеку заглянула Зоя и, застав его над книгой, спросила:

– Не хотите прогуляться перед сном? Вы сегодня провели весь день в библиотеке, пора немного проветриться.

Эрих поднял голову и с минуту смотрел на девушку, не осознавая ее вопроса. Вид у него был такой растерянный, что Зоя нахмурилась и спросила:

– Вы в порядке?

– Что? – спросил Эрих, все еще раздумывая над интересным случаем из практики Кейси.

– Я пригласила вас на прогулку, – напомнила Зоя и улыбнулась.

– Прогулка? Нет, спасибо.

– Вам все равно придется покинуть библиотеку, папа не любит шума после полуночи на этом этаже. Возьмите книгу к себе и продолжите чтение после прогулки. Вам нужен свежий воздух, вы плохо спите по ночам.

– С чего вы это взяли?

– Слышала, как Петр Семенович докладывал об этом папе.

– В этом доме ничего не утаишь, – недовольно проворчал Эрих и поднялся с кресла. – Хорошо, прогулка так прогулка.

Как и вчера, они гуляли в полном молчании. Эриху даже понравился этот новый ритуал. Во время прогулки мысли становились четче и обретали форму. Ему уже не надо было ломать голову над загадочным поведением клиента, все становилось ясно и понятно. Видения под гипнозом – это сугубо личные переживания каждого пациента, и им решать, как с ними поступать. Он осознал, как важно соблюдать границы между собственным любопытством и профессиональной помощью. Если ему будет недостаточно информации и из-за этого он не сможет помочь своему новому пациенту, то виноват в этом будет только сам пациент.

Подходя к парадному входу, Зоя попрощалась и повернула назад к спортивному комплексу.

– Вы куда? – удивленно спросил Эрих.

– Хочу поплавать перед сном, не один вы страдаете бессонницей.

Вернувшись в свой кабинет, Эрих снова углубился в чтение книги. В ней было описание самых интересных случаев из практики Кейси. Его метод назывался «Методом чтения». Кейси входил в измененное состояние сознания, и в этом состоянии ему была доступна любая информация, от частного случая пациента до глобального катаклизма.

До этого момента в практике доктора присутствовали только механизмы и методы клинической гипнотерапии. Сегодня же перед ним открылась дверь в эзотерический мир, который, по странному стечению обстоятельств, был очень похож на многолетние исследования Краузе. Например, Кейси в своих «чтениях» утверждал, что навыки никогда не теряются, если человек научился чему-то в прошлой жизни, то в этой он обязательно их использует. Такого же мнения был и Краузе, только он пришел к этому путем многолетнего анализа историй своих пациентов. Так же он согласился с выводом Кейси о том, что, когда душа покидает тело после смерти, она не перевоплощается в следующее тело мгновенно. Ей отводится время на переосмысление опыта, который она получила в последней инкарнации. Исследования Краузе подтверждали этот факт, у девяноста процентов его пациентов разница между воплощениями составляла минимум тридцать лет.

Глава третья

В последующие два дня Эдуард Филиппович был в командировке, по крайней мере, так сообщили доктору Зоя и Петр Семенович. Но Эрих предположил, что его пациент намеренно избегает общения, пытаясь самостоятельно осмыслить увиденное под гипнозом. Возможно, предыдущая инкарнация настолько поразила воображение пациента, что он не мог общаться даже с самыми близкими людьми.

Последующие вечера Эрих и Зоя продолжили свои традиционные молчаливые прогулки. Ему уже самому стало интересно, насколько хватит терпения девушки.

Вечером третьего дня Эриха пригласили в кабинет хозяина дома. Эдуард Филиппович сидел на диване, закинув ногу на ногу. Его лицо не выражало никаких эмоций. Без лишних слов он протянул доктору карту памяти от видеокамеры.

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор, внимательно разглядывая пациента.

– Вы спрашиваете о физическом или душевном состоянии?

– И о том, и о другом.

– Физически я себя чувствую нормально, а вот о психологическом здоровье не могу такого сказать.

– Почему? Что произошло?

Эдуард Филиппович пристально посмотрел на доктора и спросил:

– Ваши пациенты раньше жаловались на то, что вопреки вашим установкам они отождествляли себя с личностью, которой были в прошлой жизни?

Краузе помотал головой и подался корпусом вперед. Слова пациента так его обескуражили, что он не сразу нашелся что сказать.

– Вы чувствуете, что личность Романова проникает в вашу нынешнюю жизнь?

– Моя фамилия была не Романов, а Приштин.

– Как же так? Под гипнозом вы сказали Романов. На записи это четко можно услышать.

– Нет, я сказал вам фамилию, которую прочитал на удостоверении. Но на самом деле это не моя фамилия.

– Как же вы это поняли?

– Мне назвали мою фамилию, перед тем как хотели арестовать.

– Арестовать? За что?

– Вот этим я и занимался последние два дня, – сказал Эдуард Филиппович и вынул из портфеля пожелтевшую от времени папку с грифом «Секретно».

Чиновник протянул доктору личное дело Приштина с фотографией. На фото был запечатлен мужчина средних лет с трапециевидным лицом. Густые брови нависали над колючими маленькими глазками. Над левой бровью виднелся шрам овальной формы. В личном деле было написано, что Приштин Андрей Яковлевич был обвинен в измене Родине и застрелен во время ареста при попытке оказать сопротивление.

– Что вы чувствуете по этому поводу?

– Это просто сухая информация, изложенная вояками-прихвостынями, она не отражает трагедию человеческой жизни, – с пафосным драматизмом произнес Эдуард Филиппович и сморщился.

– Вы о Приштине?

Доктор заметил, что поведение Эдуарда Филипповича изменилось, он держит спину ровно, не вскакивает при волнении и не ходит кругами по комнате. Сидит в одной позе продолжительное время, а самое главное – изменился его взгляд, он стал колючий и пронзающий. Эриху и раньше этот человек был неприятен, теперь же он начинал чувствовать к нему отвращение.

– Да. Я отыскал его дело в архивах НКВД. Пришлось подключить немало друзей, чтобы до них добраться.

– И что вы узнали?

– Семья Андрея была репрессирована в 1939 году. В то время он был в звании капитана пограничных войск и служил на территории Белоруссии. Когда началась война, его часть первой приняла бой. У них не было шансов. Их как мясо кинули на передовую, плохо вооруженных, полуголодных и без связи. Он был молод и не хотел умирать, поэтому сдался в плен немцам. Его хотели расстрелять, но на очередном допросе он открыто проявил ненависть к большевикам, и его направили в центр подготовки разведгрупп. В период с 1942 по 1943 год его неоднократно забрасывали на территорию СССР с разными заданиями, которые он успешно выполнял. После Сталинградской битвы немецкое руководство всерьез задумалось об исходе войны, именно в это время взяли в обработку Романова. Он был наилучшей кандидатурой для подмены. Андрей разработал идеальный план и в удобный момент занял место Романова.

– А куда делся сам Романов?

Эдуард Филиппович одарил доктора красноречивым взглядом, от которого у доктора по телу пробежал холодок и продолжил:

– Все прошло безупречно. Три года он был в стане врага и передавал ценные сведения.

Доктор обомлел, Эдуард Филиппович говорил о Родине как о стане врага!

– Но потом случилось непредвиденное, взяли бомбиста, который работал с ним на последнем задании. Он выторговал для себя сделку – сдать внедренного агента взамен на пожизненное заключение. Это и было концом блестящей карьеры Андрея Приштина.

Слушая пациента, Эрих был поражен, создавалось такое впечатление, что он симпатизирует личности Приштина и даже называет его по имени. Доктор признал, что у Эдуарда Филипповича действительно наблюдается слияние двух личностей, и это было парадоксально. В начале любого сеанса Краузе давал четкую команду не отождествлять себя с предыдущим воплощением, а быть только наблюдателем. Эрих не мог отнести эту проблему на свой счет, сеанс он проводил так же, как и тысячи других, но Эдуард Филиппович проигнорировал его команды.

– Ваш случай уникальный, такого в моей практике еще не было, – признался Краузе. – Вы первый пациент, который нарушает все установки, данные перед гипнозом.

– А может, вы из-за психологической травмы потеряли профессионализм, доктор? – ехидно спросил Эдуард Филиппович и наклонил голову вправо. – Размякли после смерти жены и допустили несколько ошибок, которые привели к плачевному результату.

Взгляд его сделался жестким и пронзительным.

– Вот для таких случаев и нужна запись сеанса.

Внешнее спокойствие Эриху доставалось огромными усилиями. Ему хотелось выскочить из кабинета и убежать от усадьбы так далеко и быстро, чтобы его не смог догнать даже чиновничий «Cadillac». Но, увы, он заключил сделку, и сейчас ему показалось, что с самим дьяволом.

– На записи можно услышать, как я четко поставленным голосом даю вам установки перед погружением в прошлую жизнь. Вы смотрели запись?

Голова пациента опять на несколько секунд наклонилась вправо.

Их разговор прервал телефонный звонок. Эдуард Филиппович с минуту слушал мужской голос, затем положил трубку и посмотрел на доктора.

– Только что мой консультант получил ответ от вашего коллеги, который тоже просмотрел запись, что ваши действия были вполне профессиональными.

От негодования Эрих чуть не подпрыгнул, но в последний момент сдержался. Видимо, выражение его лица выдало эмоции, и хозяин дома со злорадством произнес:

– Доверяй, но проверяй. Надеюсь, вы не думали что в области гипноза вы монополист?

Эрих резко встал и сухо произнес:

– Вот только мне непонятно, почему вы сразу не обратились к своим консультантам.

Доктор решительно направился к двери.

– Следующий сеанс завтра утром, – самодовольно произнес Эдуард Филиппович и добавил: – И не забывайте, что поставлено на карту.

Эрих понимал, что сейчас как раз подходящий момент, чтобы напомнить об их сделке. Эдуард Филиппович обещал снабжать его частью информации после начала сеансов, но в данный момент доктор хотел только одного – выйти из кабинета и глотнуть спасительного свежего воздуха.

***

Ужинать в обществе хозяина дома Эрих не хотел и попросил сервировать ему в гостиной. Ближе к полуночи к нему заглянула Зоя и пригласила на прогулку. Вид у нее был обеспокоенный. Она нервно теребила локоны волос и прикусывала губу. Заметив ее напряжение, Эрих спросил:

– Что-то не так?

– Да. Меня беспокоит папа. Он ведет себя как-то странно. Такое ощущение, что его взяли и подменили.

Они вышли в парк, и пошли по асфальтированной дорожке. Круглая как шар луна нависала над кронами деревьев. Тишину в парке нарушал заунывный ветер и шум воды в фонтане.

– Когда вы заметили в нем перемены?

– Первые изменения начались примерно полгода назад. Он стал нервным и раздражительным. Его что-то беспокоило. Мы с мамой думали, что это из-за неприятностей на работе. Но пару месяцев назад все стало только хуже. И знаете что? – Зоя остановилась.

– Что? – Краузе тоже остановился и вопросительно взглянул на девушку.

– Когда вы начали свои сеансы, он как будто разом исчез, – в глазах Зои засверкали слезы.

– Если это из-за сеансов, то скоро все прекратится. Наберитесь терпения, – успокоил ее доктор и снова зашагал по парковой дорожке.

Зоя поспешила за ним.

– Вы уверены?

– Это первая реакция на регрессию. Он увидел личность, которой был в прошлой жизни. Пациенту нужно осознать и принять это. Сеансы будут продолжаться до того момента, пока ваш отец не найдет причину своих проблем. Какие бы у нас не были разногласия, я не уезду, пока он не будет в порядке.

– Вы меня успокоили, – вздохнула Зоя. – Папа сказал, что в вашей области вам нет равных.

Услышав похвалу из уст девушки, доктор улыбнулся, но сразу поправил:

– Это далеко не так.

Сегодня Эриху не хотелось молчать, он хотел выудить у дочери пациента как можно больше информации.

– Знаете, Зоя, вы можете помочь мне и вашему отцу.

– Правда?

– Да. Мне необходимо знать, какой человек появился в окружении вашего отца полгода назад.

Девушка с минуту размышляла и ответила:

– Я могу вам помочь только с теми людьми, которые вхожи в дом, а это очень близкие люди. Нового человека я не видела. Все друзья отца знают его еще с института. Новых друзей у него нет.

– Этот человек существует, – уверенно произнес Эрих, – я вас уверяю. Просто он пока не пришел вам на ум. И не обязательно это мужчина.

– А как этот человек повлиял на моего отца?

– Ему достаточно просто появиться рядом с ним.

– Как это? – не поняла девушка.

– Существует кармический закон. Если мы сделали что-то в прошлой жизни, это повлияет на нашу будущую жизнь.

– Я что-то слышала об этом, но мне мало в это верится.

– Хотите, я вам быстро продемонстрирую закон кармы?

– Конечно! – с восторгом воскликнула Зоя.

– Вас в семье пять человек, двое родителей и трое детей. Так?

– Да.

– У вас два брата. С одним из них у вас сложные отношения, вы скорее терпите друг друга, чем любите.

– Да. Это Антон, как вы узнали?

– А второй брат для вас отдушина.

– Это Денис!

– Он понимает вас с полуслова, искренне любит и обо всем вам рассказывает.

– Я поняла! Значит, тот, кто меня любит, и есть тот брат, с кем я встречалась в прошлой жизни?

– Нет, наоборот. Тот, с кем натянутые отношения, – ответил доктор и, увидев удивление на лице девушки, пояснил: – С Денисом вам ничто не мешает выстраивать отношения, а вот с Антоном вам мешает пережитое прошлое. Он мог быть кем угодно, не обязательно братом. Вы пережили неприятный опыт, он стоит между вами и мешает общаться. Если вы преодолеете его, то разорвете кармическую связь, если нет, то будете воплощаться снова и снова, пока не простите друг друга.

Девушка удивленно округлила глаза. Такое выражение придало ее лицу детскость и наивность. Доктор усмехнулся и спросил:

– Что? Не убедил?

– Почему? Наоборот, я подумала, что это как раз все объясняет. Долгие годы я не могла понять, за что он на меня злится. Ведь его эмоции не имеют причин. Я никогда его не обижала, но он просто на дух меня не переносит.

– То есть это он враждует с вами?

– Да. Иногда мне кажется, что он способен сделать мне больно.

– Значит, он уже делал это раньше.

– Как это?

– В этой жизни он использует те навыки, которые он приобрел в прошлых жизнях.

Зоя на минуту задумалась, потом остановилась.

– Еще в детстве он у меня крал кукол и забирал их к себе в комнату, мама нашла у него целый склад под кроватью. Когда она спросила, зачем он их взял, он не смог даже вспомнить, когда и зачем это сделал. Он смотрел на них, как будто впервые видел.

– Я бы посоветовал вам обратиться к гипнологу и выяснить, как и почему образовался конфликт.

Девушка улыбнулась.

– Пожалуй, я так и сделаю.

Когда они подходили к лестнице парадного входа, Зоя спросила:

– Значит, и тот человек, который привнес в папину жизнь кармическую связь, тоже с ним в натянутых отношениях?

– Не обязательно. Между ними может быть сильная привязанность. Такая, которую он даже объяснить не может. Но антипатия, конечно, не исключается, и, проведя первый сеанс с вашим отцом, я бы искал скорее антипатию.

– У меня еще вопрос: а если ты чувствуешь непреодолимую тягу к незнакомому человеку, это тоже сигнал от кармической памяти? – спросила Зоя и загадочно улыбнулась.

– Не обязательно, – спокойно ответил Эрих, не понимая ее намека, – это может быть обычная симпатия, вызванная набором гормонов.

Они поднялись по лестнице и вошли в холл. Дверь им открыл охранник, он сказал Зое, что ее ожидает отец, и девушка, пожелав доктору спокойной ночи, бросила на него тоскливо-прощальный взгляд и быстро поднялась на третий этаж.

***

На следующий день рано утром в спальню Эриха постучали. Накинув халат, он поспешил к двери.

– Вас ожидает Эдуард Филиппович, – сказал Петр Семенович и тут же предупредил: – У него мало времени, к обеду он должен быть в аэропорту. Завтрак вас ждет в его кабинете.

Через полчаса Эрих вошел в кабинет хозяина дома и увидел его сидящим за круглым столиком на балконе. На его плечи был накинут клетчатый плед. В руке он держал чашку с кофе, аромат которого распространился по всей комнате.

– Прошу прощения, что разбудил вас так рано, – сказал Эдуард Филиппович, увидев доктора, и показал ему на свободное кресло. – Присоединяйтесь ко мне.

На столе доктор подметил тарталетки с грибами и с сыром, вазу с фруктами, а также термос с какао.

– Мне сказали, что вы пьете какао, – произнес Эдуард Филиппович и пододвинул к доктору фарфоровую чашку с блюдцем.

Петр Семенович вышел из кабинета и прикрыл за собой дверь.

– Мы с дочерью проговорили всю ночь, и это изменило все мои планы. Я уже говорил вам, что мы с ней очень близки. Ее мнение обо мне и моей жизни очень важно. Поэтому я внимательно ее выслушал и сделал несколько распоряжений на сегодняшний день.

Эрих сразу заметил изменение в поведении и манере разговора пациента, взгляд стал мягче, движения спокойнее, снова проявились эмоции. Судя по всему, любовь дочери заставила хозяина дома побороться за свою личность, и в итоге он одержал победу.

– Прервать сеансы мы с вами не можем, но мне необходимо воссоединиться с моей семьей. Настало время для примирения. Они сейчас в Италии.

Эдуард Филиппович тяжело поднялся с кресла, заложил руки за спину и начал ходить вдоль окон.

– Сегодня мы проведем здесь второй сеанс, затем поедem в аэропорт, прошу вас присоединиться ко мне.

– Вы хотите, чтобы я полетел с вами в Италию?

– Вам придется ехать, но не из-за меня, – ответил Эдуард Филиппович и протянул доктору конверт. – Вчера утром в Веронской гостинице обнаружили в номере труп молодой женщины.

По тону хозяина дома, Эрих сразу понял, что это как-то связано со смертью его жены. Он быстро распечатал конверт и вынул из него фотографии. На них была запечатлена молодая женщина с длинными рыжими волосами. Тело лежало на кровати, руки и ноги были связаны, во рту виднелся кляп. Ее лицо было все в кровоподтеках. Краузе сразу вспомнил Елену, ее поза и повреждения на лице были в точности как у убитой девушки.

– Ее задушили, – сказал Эдуард Филиппович, глядя на фото через плечо доктора. – Какой отморозок, этот ваш Рихтер! Она же совсем молоденькая и чья-то дочь.

Краузе сложил фотографии в конверт и положил их в карман джинсов.

– Я взял на себя смелость и попросил вашего детектива приехать в Верону. Он ведь с самого начала в деле, пусть посмотрит на место преступления свежим взглядом.

– Спасибо, – выдавил из себя Краузе, к горлу подступил комок, в памяти снова всплыл образ Елены, и ему хотелось сейчас уединиться.

– Свою часть сделки я пока выполняю, теперь ваш черед, – сказал Эдуард Филиппович и сел на кушетку.

– Не так быстро, Эдуард Филиппович! – сухо произнес Краузе и показал на карман, в котором лежали фотографии. – Откуда у вас была информация об Италии? Такое ощущение, что вы знали, где искать.

Разговор прервал ворон, который перелетел через навес и приземлился на балконе. Он стал важно прохаживаться из стороны в сторону и напоследок каркнул во весь голос. От вида птицы на лице хозяина дома отразился неподдельный ужас. Он резко вскочил и стал беспорядочно махать руками. Птица перелетала на ближайшее дерево, оставив в подарок на плиточном полу парочку перьев.

– Петя! – закричал Эдуард Филиппович истерическим голосом и, когда его помощник заскочил в кабинет, добавил: – Убери эту тварь отсюда!

– Он про ворона, – поспешил объяснить Краузе, видя как злобно на него зыркнул помощник.

– Он уже улетел, – невозмутимым тоном отозвался Петр Семенович.

– Да какого хрена эта тварь тут вообще делает?! Я же сказал: никаких птиц в моем доме! А эта чуть на голову мне не села!

Ситуация была так комична, что доктор не удержался от улыбки, но заметив на себе грозный предупредительный взгляд Петра Семеновича, снова принял сосредоточенный вид и с любопытством наблюдал за происходящим.

Эдуард Филиппович бегал по кабинету в истерике, махал руками, будто птица все еще зависала над его головой. Петр Семенович отогнал ворона громкими хлопками, а затем долго и нудно объяснял, как птицы поддерживают эко баланс в парке.

Наконец-то Эдуард Филиппович успокоился, лег на кушетку и вытянул ноги.

– Я расскажу вам об Италии, когда будем лететь в самолете, – обратился он к доктору, – времени у нас будет предостаточно. Ну, так вы идете? Пора делать свою работу.

Эрих нехотя поднялся, его раздражала игра пациента в «quid pro quo» (услуга за услугу), но убийца Елены не должен разгуливать на свободе, а значит, пациента нужно было довести до конечной цели и тем самым найти решение сразу в двух уравнениях.

– Закройте балконную дверь, не хочу, чтобы очередная тварь в перьях помешала мне сосредоточиться на вашем голосе.

Глава четвертая

Помощник Эдуарда Филипповича передвинул в кабинете мебель для предстоящего сеанса, установил камеру и поставил на запись.

Погрузив пациента в гипноз, Краузе несколько раз повторил установку: «Вы сохраните свою личность и будете понимать, что это ваша прошлая жизнь. Вы не будете себя отождествлять с прошлой личностью». По обоюдной договоренности,

доктор не стал задерживаться на предыдущей жизни, а поместил его в туннель для перехода в следующую инкарнацию.

– Десять... девять... Вы входите в туннель и набираете скорость. Восемь... семь... Двигаетесь все быстрее и быстрее.

Краузе поднял глаза на Петра Семеновича, который застыл у двери как монумент и жестом дал понять, чтобы он покинул кабинет. Помощник чиновника красноречиво постучал по циферблату наручных часов, напоминая доктору, что им скоро выезжать в аэропорт и дождавшись кивка доктора, на цыпочках вышел из кабинета и плотно прикрыл за собой дверь.

– Шесть... пять... Стены начинают светлеть, вы двигаетесь все быстрее и быстрее. Четыре... три... Стены почти белые, вы видите выход. Яркий ослепительный свет застилает вам глаза. Два... Вы видите перед собой выход. Один... Вы снаружи. Вам комфортно, и вы в безопасности. Вы слышите мой голос?

– Да, – тихо ответил Эдуард Филиппович.

– Где вы сейчас находитесь? Что вы видите перед собой?

– Я в темени.

– Темнота рассеивается. Сейчас день или ночь?

– Ночь.

– Что вы видите?

– Ничего, тьма-тьмушная, – отозвался Эдуард Филиппович, – только слышать стук какой-то издалече.

– Что за стук?

– Кажись, стук поезда. Эт где это я?

– Вы мужчина?

Эдуард Филиппович, не мешкая, сразу ответил утвердительно.

– Посмотрите, во что вы одеты.

– На мне зипун.

– Сколько вам лет?

– Не знаю.

– Как вас зовут?

– Не могу припомнить. Запомнил. Ой, что-то тревожно мне. Точно немедля что-то должно стрястися.

Доктор подметил, что Эдуард Филиппович заговорил с акцентом, очень быстро, как будто суетился во время разговора и при этом причмокивал.

– Хорошо. Посмотрите по сторонам, можете вы что-нибудь разглядеть?

Присмотревшись, мужчина в зипуне увидел, что из темной точки стал нарастать свет, сначала он был похож на луч фонарика, затем начал расширяться и стал похож на прожектор. Вместе с ним нарастал свист, похожий на сигнал паровоза. Шум усиливался, и в следующую секунду он увидел, как прямо на него надвигается железнодорожный состав. Огромная луна угрожающе нависала над клубками дыма и освещала крыши вагонов, которых было не меньше семи. Он пытается отскочить в сторону, но не может, его ноги прикованы кандалами к рельсам.

– Нет, нет, нет, – застонал Эдуард Филиппович.

– Что происходит? Ответьте мне! – скомандовал доктор.

– На меня летит поезд! Меня приковали к рельсам! Я немедля умру! А-а-а! Спасите меня! А-а-а!

Доктор ужаснулся, пациент снова в последнем дне предыдущей жизни и снова насильственная смерть.

Мужчина в зипуне кричит, просит о помощи, но рядом никого нет. Темнота обволакивает все вокруг. Только прожекторный свет от паровоза на мгновение окрашивает прилегающий к железнодорожному полотну ландшафт. Это открытая местность и лишь изредка мелькают небольшие рожицы, припорошенные снегом.

– О Боже! Простите меня, простите! – закричал Эдуард Филиппович. – Не надо, я не хотел, отпустите меня!

– Успокойтесь, вам ничего не угрожает. Вы в безопасности. Кого вы видите рядом с собой? Кто приковал вас цепями к рельсам? – спросил доктор.

Мужчина в зипуне оглядывается по сторонам и замечает, что недалеко в березовой рощице стоят три человека, держа четырех лошадей под уздцы. Один из них помахал ему шапкой и громко крикнул:

– Жмара! Мы тебя прощаем. Встретимся в аду!

– Они кличут меня Жмарой! Меня приковали братья! Они ненавидят меня. Они не отъезжают, хотят поглядеть, как я сдохну! – возбужденно затараторил Эдуард Филиппович.

– Вас приковали ваши родные братья? – переспросил доктор.

– Мы братья, но не по крови. Нашу банду прозвали «Братья Маузер».

– Почему вас так прозвали?

– Потому что у нас есть пистолет «Маузер». Мы его украли у одного немца.

– Вы грабители?

Эдуард Филиппович улыбнулся и с наслаждением произнес:

– Точно так. Раньше мы промышляли на речных судах, а как открылась железная дорога «Сызрань – Батраки – Оренбург», мы орудуем под Оренбургом, а иной раз в Самарской губернии. Как только на нас объявляют облаву, мы скрываемся в казахских степях.

– За что вас приковали братья?

– Я утянул добычу с последнего налета и хотел бежать. Но они как будто чуяли и расставили мне ловушку.

– Зачем вы предали своих братьев? Разве вам не нравится ваше ремесло?

– Чего скрывать? По сердцу мне такое житье-бытье, – довольно произнес Эдуард Филиппович, – но мне надобны гроши, а я люблю гроши. Я долго ждал этого момента.

– Зачем вам деньги?

– Хочу поехать в Москву. Там жительствоет моя родная мамаша. Она меня бросила, я бастард. Обрюхатил ее музыкантишка и ушел, а она барыня. Меня-то воспитала тетка Зинаида. Кормилица моя. Я мамашу в глаза не видывал. Хочу на нее издалече кинуть взор.

– Вы знаете, какой сейчас год?

Жмара задумался, но, увидев перед собой поезд, снова запричитал.

– Простите меня! Отпустите! Я не буду больше, я все понял! Братва!

Глаза Эдуарда Филипповича увлажнились, и одинокая слеза скатилась по щеке.

Жмара видит, что поезд приближается с каждой секундой все ближе и ближе, ужас в его глазах нарастает, и он понимает, что это конец. Перед ним

мелькают самые важные события из его жизни, и он мысленно за доли секунды до смерти просит у Бога прощения.

Раздается громкий настойчивый гудок и в следующую секунду удар! Тело Эдуарда Филипповича дернулось на кушетке и обмякло.

– Что происходит?

– Я снова в темноте, – тихо произнес пациент обычным тоном.

Посмотрев на часы, доктор принял решение вывести пациента из гипноза.

Чиновник протер глаза и привстал на кушетке.

– Как себя чувствуете, Эдуард Филиппович?

– Чего-то мне нехорошо.

– Что вас беспокоит?

– Подташнивает.

– Это скоро пройдет. Главное, не налегайте в течение двух часов на еду.

Хотите поговорить о Жмаре?

– Нет, – категорично отрезал пациент.

– Хорошо, у меня только один вопрос: Жмара – это имя или кличка?

– Кличка. И больше никаких вопросов, Эрих, я хочу остаться один, – ответил Эдуард Филиппович и, взглянув на часы, добавил: – Идите, собирайте вещи. Через час мы выезжаем в аэропорт.

Доктор выключил запись и покинул кабинет.

***

Арендованный самолет «Challenger 300», выполняющий чартерный рейс «Москва – Милан», набрал высоту и лег на курс. В салоне самолета, который по длине не превышал девяти метров, разместились шесть человек.

Эдуард Филиппович развалился на переднем кресле и вальяжно обсуждал меню со стюардессой. Говоря с ним, она манерничала и растягивала слова. По их разговору Эрих понял, что чиновник не впервые летит с этим экипажем.

Напротив него сидела Зоя и читала журнал об архитектуре. Отец только что подарил ей землю в престижном районе Подмосковья, и она находилась в поиске дома своей мечты.

Петр Семенович сидел в конце салона в обществе охранника и переводчика, попивая из пластикового стакана кока-колу. Он то и дело посматривал на экипаж, сверялся с маршрутом полета и согласовывал передвижения шефа по Италии. Из обрывков его разговоров стало понятно, что после приземления Эдуард Филиппович поедет на переговоры с японской компанией, которая будет проводить итоговые слушания по тендеру крупной закупки цветных металлов.

После обеда, а сегодня в меню оказалась только японская кухня, Эрих откинул кресло и хотел уже немного почитать, как услышал над собой голос Эдуарда Филипповича.

– Мне нужно немного поспать, – сказал он, показывая на диван, – но перед тем как уснуть, я расскажу вам, как я вышел на Рихтера.

– Я весь внимание – отозвался Эрих.

– Мой помощник Петя узнал, что Рихтер заказывал обувь у одного веронского мастера на протяжении пяти лет и что его заказ должен быть готов в ближайшие две недели. Петя послал своего человечка следить за этим магазином. Мы знали, что он появится в Вероне, но не знали, в какой гостинице он остановится и остановится ли вообще.

– А как Петр Семенович узнал об обуви? – удивленно спросил Эрих. – Я проштудировал привычки Рихтера вдоль и поперек.

– А это вы у него сами спросите. Только не думаю, что он вам ответит, – усмехнулся Эдуард Филиппович.

Эрих украдкой взглянул на Петра Семеновича и спросил:

– А почему вы дали ему такое распоряжение? Я ведь мог сразу согласиться на сеансы, если бы вы упомянули, что знали моего отца.

– Не давал я ему никаких распоряжений. Я даже не знал, что вы потеряли жену. Он разрабатывал вашу кандидатуру два месяца, перед тем как я решил, что мне нужны именно вы. Он заранее предугадывает мои действия, из-за этого я его и терплю.

Доктор усмехнулся, кто кого терпел – это был спорный вопрос.

– Даже так? – Эрих впервые за последнюю неделю посмотрел на Петра Семеновича с уважением. – А он не так прост, как кажется.

– Петя? Ха! Он совсем не прост! – рассмеялся Эдуард Филиппович. – Я его вытащил из департамента контрразведки. Не буду даже рассказывать, сколько сил и денег мне это стоило.

Услышав свое имя, Петр Семенович поднял глаза и вопросительно посмотрел на шефа. Тот безразлично махнул ему рукой, давая понять, что ничего не хочет, и пошел к дивану.

– А когда мы с вами обсудим сеансы? Долго вы еще будете меня игнорировать?

– Как только поговорю с женой. После этого я весь в вашем распоряжении.

Эрих несколько минут смотрел через иллюминатор на облака, потом вспомнил о книге, которую с разрешения пациента прихватил из библиотеки и открыл первую страницу. Но почитать ему так и не удалось. Зоя пересела в кресло напротив и, показывая на книгу, спросила:

– Вы любите поэзию?

– Я люблю Гёте – ответил Эрих и показал обложку.

Это было антикварное издание стихов Гёте на немецком языке.

– Разве вы не знаете, что он был масоном?

– Уверяю вас, «Амалия» на качество его стихов совсем не повлияла, – пошутил Эрих.

– Кто такая Амалия?

– Веймарская ложа, в которую он вступил в 1780 году.

– Ужасно не люблю масонов! – решительно заявила Зоя.

– Я не могу быть таким категоричным. Среди моих пациентов есть масоны, как в нынешней, так и в прошлых жизнях.

Зоя презрительно скривилась, затем с минуту смотрела на Эриха и наконец, попросила:

– Прочитайте мне его стихи.

– На немецком?

– Нет, не люблю немецкий язык. Мне хочется плакать, когда я его слышу.

Эрих усмехнулся и спросил:

– А что вы любите?

– Я люблю Англию, Италию и Францию. Место отдыха долго не выбираю, либо побережье Франции, либо Лондон, либо Сардиния! Именно там папа купил нам виллу несколько лет назад. Так вы почитаете мне стихи?

Эрих закрыл книгу и внимательно посмотрел на Зою, она уже хотела бросить следующую реплику, но он заговорил. Тихо и вкрадчиво. Голос звучал так проникновенно и выразительно, что Зоя замерла при первых же строчках.

*– Покидаю домик скромный,
Где моей любимой кров.
Тихим шагом в лес огромный
Я вхожу под сень дубов.
Прорвалась луна сквозь чащи:
Прошумел зефир ночной,
И, склоняясь, льют все слаще
Ей березы ладан свой.
Я блаженно пью прохладу
Летней сумрачной ночи!
Что душе дает отраду,
Тихо чувствуй и молчи.
Страсть сама почти невнятна.
Но и тысячу ночей
Дам таких я безвозвратно
За одну с красой моей.*

– Ух! У меня мурашки по коже. Вы красиво читаете стихи.

– Спасибо.

– Я хочу еще, – потребовала Зоя.

Эрих ответил полуулыбкой и процитировал еще одно стихотворение:

*– Так ты ушла? Ни сном ни духом
Я не виновен пред тобой.
Еще ловлю привычным слухом
Твои слова и голос твой.
Как путник с беспокойством смутным*

*Глядит в бездонный небосвод,
Где жаворонок ранним утром
Над ним – невидимый – поет;
Как взгляд мой, полный нетерпенья,
Следит – сквозь чащи – даль и высь,
Так все мои стихотворенья
«Вернись! – безумствуют. – Вернись!»*

На последней строчке голос доктора дрогнул, и он отвел глаза от собеседницы. Зоя поняла, что стихи напомнили ему о жене, и поспешила перевести разговор на другую тему.

– Вы меня повсюду преследуете.

– Как это? – с горечью усмехнулся Эрих.

– Включаешь телевизор, там интервью с вами. Открываешь архитектурный журнал, и тут снова вы и ваш великолепный дом. Вы повсюду.

Эрих рассмеялся.

– Я и не думала, что вы обладаете таким вкусом. Скорее вас можно представить в классических и роскошно обставленных интерьерах.

– Но нет! – воскликнул Эрих. – Классика не для меня.

– Не обманываете меня! – воскликнула Зоя. – Ваш офис оформлен в классическом стиле. Я видела ваше интервью на фоне кабинета.

– Вы меня поймали. Но на этом настояла супруга, она сказала, что пациенты будут чувствовать себя комфортно в атмосфере классицизма, но не парадного, а без напыщенного золота и серебра.

– А я вот не знаю, каким должен быть мой дом, – честно призналась Зоя, – и чем больше думаю, тем сильнее запутываюсь.

– Это трудное решение, и дается оно не сразу. Вы и ваш архитектор должны подойти к выбору стиля очень скрупулезно. Я посетил не менее двух десятков домов в Европе и в России, прежде чем понял, что мне нужно.

– Ваш дом потрясающий. Могу я его посмотреть? Мне нужно понять, как я буду себя чувствовать в большом открытом пространстве.

– В любое время, – усмехнулся Эрих.

– Стихи послушала. Масонов обсудила. В гости напросилась, – недовольно пробурчал с дивана Эдуард Филиппович, – может, теперь для разнообразия жизни дашь отцу поспать?

Зоя моментально пересела в свое кресло и углубилась в просмотр журнала.

***

Прилетев в Милан, Эдуард Филиппович уехал на переговоры, а Зоя направилась в отель, где ее ждали мать и братья. Она взяла номер телефона Эриха и пообещала позвонить, как только появятся новости о ближайшем сеансе. Эрих так и не понял, почему она на себя взяла функцию секретаря, но спорить не стал.

Выйдя из здания аэропорта, доктор стал искать в толпе встречающих Крюкова. Тот заметил его первым и окрикнул доктора по имени. Обернувшись, Краузе махнул рукой и пошел навстречу детективу.

– Как долетели?

– Поболтало нас порядком перед Италией. Куда сейчас едем?

– На место преступления, – ответил Михаил и показал, в какой стороне припарковал машину.

Это оказался серебристый «мерседес E200». Сев за руль, Михаил вывел седан с автостоянки и двинулся в сторону трассы «Милан – Верона».

– Если пробок не будет, доедем за полтора часа.

– Удалось что-нибудь узнать? – спросил доктор, пристегиваясь ремнем безопасности.

– Рихтер – серийный маньяк, – деловито начал докладывать детектив, – на его счету четыре жертвы. Ваша супруга была третьей. Откройте бардачок, там фото предыдущих жертв.

Эрих открыл бардачок и вынул фотографии. На них были изображены красивые блондинки, похожие по типу на Елену.

– Только после нашего вмешательства полиция Европола объединила все убийства в одно дело. Но я думаю, что жертв гораздо больше.

– Почему?

– Он пробыл три месяца в Штатах и несколько месяцев в Латинской Америке.

Услышав о Латинской Америке, Эрих вспомнил, что его жена посетила латиноамериканский бар в Париже.

– Думаете, он там тоже наследил?

– Я уверен, – ответил детектив.

– Следов Рихтера нигде нет? – с надеждой в голосе спросил Эрих.

– Нет. Как сквозь землю провалился. Но он в Италии, это точно. Его паспорт и бумажник в гостинице, машину в аренду не брал. Он где-то рядом, я в этом уверен.

– Где можно скрываться без документов и денег?

– Не знаю, предположения, какие у меня были, я озвучил полиции, все бестолку. С итальянцами очень тяжело договориться. А самому проверять не хватит ни сил, ни полномочий.

– Что известно о последней жертве?

– Ее зовут Аста Янсен, в прошлом эстонская певица. Она забросила карьеру, как только встретила Рихтера. Один ребенок в семье, жила раньше в Таллине, потом переехала с матерью в Германию. Пела в девичьей группе. Видимо, тогда ее и заметил Рихтер. Красивая девушка, впрочем, как и все его жертвы.

– Убиты все одинаково?

– Да. Привязаны руки и ноги к кровати. Кляп во рту. Жестоко избивает, в основном по лицу, потом душил.

– Такой способ говорит о неукротимой ярости. Убийство дает ему разрядку, но ненадолго. Лица девушек для него важны: они олицетворяют их красоту, независимость. Возможно, он считает, что не может ими обладать, как ему хочется, и он готов расправиться с возлюбленной. Скорее всего, его что-то провоцирует, может, ревность. Одна мысль, что после него она может принадлежать другому мужчине, приводит его в ярость.

– Но почему он их ревнует, они все бросают и едут за ним куда угодно?

– Возможно, пока они с ним рядом, он спокоен, а как только женщина начинает требовать пространства, он ревнует. Сначала он говорит об этом, потом закатывает скандал, затем применяет физическую силу и уже в конце идет на крайние меры. Но это только мое предположение, истинные мотивы мы узнаем, когда его поймают полиция.

– Сегодня должна приехать мать Асты, – сказал Крюков, – она отдыхала где-то в восточной стране, и с ней не сразу смогли связаться. – свернув в сторону Корруббио, в пригород Вероны, Крюков сказал: – До отеля рукой подать.

– Уж не в «Biblos» ли мы едем? – Краузе побледнел.

– Так точно, в «Biblos», как вы догадались?

Характерным жестом Эрих убрал волосы со лба и тяжело вздохнул.

– Этот отель мы посетили с женой в последний приезд в Верону. Мы были на оперном фестивале, и она предложила в нем остановиться.

– Я не знал, – растерянно ответил Крюков, понимая, как сложно сейчас будет Эриху передвигаться по отелю.

– Она выбрала его потому, что отель получил престижную премию за лучшее графическое оформление и ландшафт. Этот отель спроектировал знаменитый миланский архитектор Алессандро Мендини. Елена ехала с таким предвкушением, но в итоге была разочарована.

– Почему? Лично мне отель понравился.

– На третий день пребывания в отеле ее настроение резко ухудшилось, и она сказала, что больше не может жить в этом пестром и навязчивом китче. После фестиваля она больше не слушала классику. Вернулась к любимому джазу. Елена жила музыкой, это было ее дыханием и смыслом жизни, она была профессиональной пианисткой. Часто повторяла слова Сервантеса: «Где музыка – плохого быть не может». Похоже, что в этом отеле что-то произошло. После ее смерти мне все кажется подозрительным.

– Возможно, здесь действительно что-то произошло, поэтому Рихтер и выбрал этот отель для расправы над следующей жертвой, – с грустью произнес детектив.

Крюков повернул направо и подъехал к отелю – трехэтажное здание в стиле классической венецианской виллы XV века. Каждый элемент фасада здания перекликался с известнейшими архитектурными шедеврами Вероны и Венеции, тем самым делая исторический посыл к эпохе Ренессанса.

Эрих прошел по гладкой дорожке, по обе стороны которой в ритмичном порядке стояли декоративные вазоны с пышными белыми цветами, и зашел в холл отеля. Ничего с их прошлого приезда с Еленой не изменилось. Та же

дизайнерская мебель, большая люстра из муранского стекла и фриз стены, украшенный фотографиями обнаженных рыжеволосых женщин.

В холле к ним подошла молодая девушка и на русском языке спросила Эриха:

– Вы сеньор Крюков?

– Это я, – отозвался детектив, нагоняя Эриха широкими шагами.

Девушка поздоровалась и сказала, что она переводчик.

– Я нанял переводчика, потому что нужно будет переводить профессиональные слова, вашего знания итальянского может быть недостаточно, – извинительным тоном пояснил Крюков Эриху.

– Надо было нанять мужчину, – недовольно проворчал Эрих, – мы же идем на место преступления.

– Ее мне рекомендовали в полиции. Она работает с ними уже три года и никаких нареканий.

Втроем они поднялись на третий этаж и подошли к номеру. Девушка постучала, открыла дверь и заглянула внутрь.

– Вы будете стоять и молчать. Я представил вас как своего напарника. Если они узнают, что вы муж предыдущей жертвы, то сразу выгонят.

– Я понял, – кивнул Эрих.

– Я предупреждаю вас: зрелище кровавое.

Эрих зашел за детективом в номер отеля, но, увидев место преступления, сделал шаг назад и прислонился спиной к двери. Он думал, что готов к чему угодно, но увидев бесчинства убийцы своими глазами, растерялся и с минуту не мог пошевелиться.

На стенах была разбрызгана кровь. Кровать сломана, и даже срез треснувшего дерева тоже был испачкан кровью. На ковре валялись многочисленные окурки. Зеркало было разбито, а оставшиеся осколки в раме были покрыты мелкими брызгами алого цвета. В нос сразу ударил стойкий запах мочевины. Изорванная женская одежда была разбросана по полу. Среди тряпья Эрих разглядел окровавленное женское белье.

В номер мотеля, в котором убили Елену полгода назад, Эриха не впустили. Он увидел его уже после того, как группа экспертов забрала улики, и не мог тогда

проникнуться всей жуткой атмосферой, царящей во время расправы над любимой женщиной. Сейчас же он понял, как это было на самом деле. Все внутри сжалось от сострадания и боли.

Переводчица представила гостей инспектору полиции, молодому итальянцу с оттопыренными ушами и крючковатым носом. Он недружелюбно оглядел русских детективов. Крюков протянул ему письмо на итальянском языке, тот прочитал, изменился в лице и стал более любезным. Карабинер подвел Крюкова к кровати и начал быстро рассказывать о месте преступления, переводчица еле попевала за ним.

– Он говорит, что труп обнаружили в восемь утра. Сначала в номер позвонили с рецепции и хотели разбудить постояльцев, о чем они попросили с вечера, но трубку никто не брал. Тогда попросили горничную подняться в номер. Она постучала несколько раз, но в номере была тишина. Она открыла дверь мастер-ключом, вошла, увидела мертвую девушку и побежала за помощью...

– Она не проверила номер? – прервал Крюков рассказ инспектора.

Переводчица задала вопрос инспектору на итальянском языке и после его ответа озвучила:

– Нет, она испугалась, решила сначала позвать на помощь.

Из дальнейшего разговора Эрих понял, что Рихтер и Янсен въехали в отель три дня назад. Вели себя тихо и не привлекали к себе внимания. На третий день в отеле остановились участники европейского пробега на ретро автомобилях. Была шумная вечеринка, затем дискотека, но даже это не заглушило крики этой странной парочки. К ним в номер два раза стучался администратор отеля и просил вести себя тише, но как только он уходил, любовные стоны и крики возобновлялись. Причем администратор явно слышал их разговор и уверяет, что девушка была в порядке.

– Во сколько Рихтера видели в последний раз? – спросил Крюков.

После перевода девушка ответила:

– В четыре утра. Он сам лично открыл дверь администратору.

– Как он выглядел?

– Был весь потный и возбужденный.

– Следов крови на нем не было?

– Нет.

Крюков многозначительно посмотрел на Эриха. И тот понял, что это, по меньшей мере, странно. Попытки жертвы продолжались несколько часов, как при этом он мог остаться чистым, непонятно.

– А когда видели в последний раз Асту?

– На ужине, – тут же перевела переводчица.

– Значит, ее не видели больше двенадцати часов? – уточнил Крюков и, получив утвердительный ответ, снова выразительно посмотрел на Эриха.

У Эриха зазвонил мобильный телефон. Он вышел в коридор и ответил:

– Краузе.

– Звоню вам сообщить, что папа вернулся с переговоров в хорошем настроении и просит вас приехать к восьми часам в оперу. За вами уже выехала машина. Билет я отправила с посыльным к вам в номер, – услышал он голос Зои.

– В какой номер? Я еще не заселялся.

– Петр Семенович отправил ваши вещи в отель «Four Seasons». Это рядом с нашей квартирой. Мы часто ходим в ресторан отеля на ужин. Надеюсь, у вас есть смокинг?

– О чем вы? Какой смокинг? Я же не знал, что мы пойдем в оперу.

В трубке послышался ее звонкий смех.

– Об этом я уже позаботилась. Смокинг там же, где и билет. Надеюсь, что угадала с размером, – быстро протараторила девушка и разъединила связь.

Эрих с раздражением застонал, ему хотелось как можно больше уделить внимания поимке Рихтера. Приглашение в оперу он воспринял как издевку. Неужели Эдуард Филиппович не понимает, в каком он сейчас состоянии?! Доктор уже хотел зайти в номер, но Крюков сам вышел в коридор в сопровождении переводчицы.

– Результаты экспертизы еще нет, – доложил детектив, – надо бы мне самому опросить персонал и свидетелей. Наверняка наличные могут развязать язык тем, кто неохотно общался с полицией. К счастью, еще не уехала пара из Франции, жившая в соседнем номере.

– Вы опросите, а мне нужно возвращаться назад в Милан. Клиент вызывает.

– Вас отвезти?

– Нет, за мной выслали машину. Думаю, она уже у отеля.

– Как же они узнали, где вы? Вы ведь сами не знали, куда мы едем? – из любопытства спросил детектив.

– Я уже привык не задавать таких вопросов, – ответил Эрих и добавил: – У моего клиента неограниченные ресурсы.

Спустившись на рецепцию, Эрих встал у стойки и стал дожидаться своей очереди. Он хотел оповестить администратора о том, что ждет машину. Перед ним стояла высокая рыжеволосая женщина и на ломанном английском пыталась объяснить менеджеру отеля цель ее визита. Это оказалась мать убитой Асты, и Эрих стал внимательно прислушиваться к их разговору. Она сказала, что была в полиции, и ее направили в этот отель. Затем просила доложить инспектору, что она мать убитой здесь девушки, и ей нужно с ним поговорить. На ее глаза тут же навернулись слезы. Достав из сумочки носовой платок, она начала прикладывать его к глазам. Женщина была элегантно одета и по красоте ничуть не уступала дочери.

В этот момент в отель вошел высокий красивый мужчина лет пятидесяти и нежно приобнял ее. Все женщины, находившиеся в холле отеля, обратили на него внимание. Несмотря на теплую погоду, он был в кожаных перчатках. На шее виднелось несколько порезов от неудачного бритья. Он хотел что-то сказать своей спутнице, но заметив Эриха, вздрогнул и побледнел, будто увидел привидение.

К матери убитой спустился инспектор и через администратора объяснил, что тело ее дочери сейчас на вскрытии, и сегодня она увидеть ее не сможет. Спутник матери то и дело бросал украдкой взгляды на Эриха и, когда тот обратился к нему на немецком языке, еще больше смутился.

– Я могу вам помочь? – спросил Эрих.

– У вас очень знакомое лицо, но я не могу вспомнить, где я вас видел, – любезно отозвался мужчина.

Эрих был уверен, что никогда его раньше не видел. Мужчина говорил на немецком языке с баварским акцентом. Голос был у него очень певучим, с бархатным отливом. Эрих сразу подметил его манеры и понял, что он дамский угодник.

– Эрих Краузе, – представился доктор и протянул руку.

– Гантер Берг, – ответил мужчина и крепко пожал руку доктора.

– Вы здесь на отдыхе? – спросил Берг, но, увидев, что его спутница снова плачет, поспешил ее успокоить.

Плач перерос в истерику. Атмосфера сгустилась. Слезы матери жертвы напомнили доктору о собственной потере. Чтобы не раскиснуть окончательно, Эрих решил подождать снаружи. Попрощался и покинул холл отеля.

Глава пятая

Опустошенный и уставший, Эрих вернулся в Милан и вселился в гостиницу. Зоя сообщила ему по телефону, что семейное примирение состоялось, и напомнила об опере. Сегодня в «La Scala» давали «Тоску».

Перед оперой Эрих решил посетить парикмахера и для этого воспользовался услугами ближайшего салона. Борода и усы были уже так ненавистны, что, выйдя из салона, он с облегчением вздохнул и почувствовал, как кожа на лице непривычно задышала под весенним порывом ветра. Со сбритой растительностью ушло и дурное настроение, а надев черный смокинг, Эрих окончательно приободрился.

Внешне здание театра мало чем отличалось от соседствующих. Туристы могли его узнать только по ярким полотнищам афиши сегодняшнего спектакля. На площади царило шумное оживление, то тут, то там слышалась речь на разных языках. Перед парадным подъездом, увенчанным скромным портиком, тянулась вереница дорогих машин. Обладатели лучших мест томились в салонах дорогих авто, терпеливо ожидая своей очереди. Швейцары открывали двери машин и приветствовали важных гостей. Зрители поскромнее спешили в переулок, откуда можно было попасть прямо на балконы. Мимо толпы с важным видом прохаживались багарини, в надежде заинтересовать любопытствующую публику лишним билетиком.

Наконец-то машина, предоставленная гостиницей, остановилась перед парадным входом, и швейцар открыл перед Эрихом дверь. Он быстро прошел через холл и увидел Зою, поджидающую его у одной из мраморных колон. На минуту он остановился и стал ее рассматривать. На ней было облегающее платье

цвета лаванды, которое подчеркивало ее стройную фигуру. В руках девушка теребила серебристый клатч и нервно поглядывала на часы в фойе. Волосы были убраны в замысловатую прическу, которая делала ее лицо строже и старше.

Раздался первый звонок. Эрих подошел к Зое и еще раз поздоровался.

– Боже мой! – воскликнула девушка. – Я вас не узнала! Что вы с собой сделали?

– Всего лишь сбрил бороду и усы, – ответил Эрих и сдержанно улыбнулся.

Она минуту с восторгом разглядывала его, а затем произнесла:

– Вы сегодня необычайно привлекательны. Этот смокинг, прическа и ваши глаза...

– Позвольте мне проводить вас в зал? – не дал ей договорить Эрих.

Ему, несомненно, импонировало общество девушки, но относился он к ней только как к дочери пациента и не более. Зоя же, напротив, всем своим видом показывала, что между ними нечто большее, чем просто знакомство.

Они вошли в зал и заняли места в партере. Эдуард Филиппович поздоровался кивком. Рядом с ним сидела его супруга, изящная красивая женщина восточного типа. Теперь Эриху стало понятно, от кого Зоя унаследовала раскосые глаза. Во взгляде женщины одновременно читалось любопытство и одобрение.

В зале медленно погас свет, послышались нетерпеливые аплодисменты, и оркестр заиграл увертюру. Эрих чувствовал на себе пристальный взгляд Зои, и это начинало его беспокоить. Но через несколько минут она увлеклась происходящим на сцене, и он с облегчением выдохнул.

На протяжении всего спектакля он думал только об убийстве рыжеволосой певицы. Ему не давала покоя мысль, почему на Рихтере к четырем часам утра не было ни единого пятнышка крови. И как можно заниматься любовью и тут же жестоко избивать? Он представил вместо эстонки на кровати свою жену, и его прошиб пот. Эрих вдруг осознал, насколько сейчас тяжело матери убитой девушки. Ведь совсем недавно он был на ее месте и так же растерянно смотрел на представителей французской полиции. Еще он вспомнил сопровождающего ее мужчину. Он странно себя вел, был излишне любопытен, и ему показалось, что тот намеренно хотел завязать с ним разговор.

Его мысленный поток прервала душераздирающая полная отчаяния ария под названием «Сияли звезды», которую пел возлюбленный Тоски, Марио Каварадосси. Он вспоминает о возлюбленной и за несколько минут до казни пишет ей последнее письмо. Каварадосси почти неподвижен, но как выразителен его голос: в нем мольба, страх, горе и слезы, отчаяние и прерванная любовь. Печальная мелодия пронзила тоской и болью все тело Эриха. Он вдруг почувствовал, что вакуум, образовавшийся после ее смерти, остается до сих пор незаполненным, как огромная дыра в его душе.

Ария потрясла его до глубины души, и по щекам Эриха потекли слезы. Зоя сочувственно сжала его руку. Нахлынувшие эмоции не дали ему досмотреть спектакль до конца, и, резко сорвавшись с места, он выскочил в фойе. Пока он шел по проходу ему в спину зашикали зрители, которым он помешал наслаждаться драматическим моментом. Прислонившись к колонне, он долго не мог отдышаться. Слезы душили и сдавливали горло. Когда он пришел в себя и уже собирался вернуться на свое место, зал уже взревел от оваций и криков «браво». Это был финал оперы. Эриху не хотелось сейчас никого видеть, развернувшись, он решительно последовал к выходу.

***

В дверь номера постучали и Эрих отозвался:

– Si, entrare¹!

Дверь открылась, и на пороге показался Петр Семенович.

– Не помешал? – спросил он и закрыл за собой дверь.

– Нет, проходите.

– Мне сказали, что вы в опере почувствовали себя плохо, – деликатно намекнул на его внезапный уход Петр Семенович.

– Извинитесь за меня перед семьей Эдуарда Филипповича. Неудобно получилось.

– Вам не за что извиняться, – спокойно ответил Петр Семенович и сел в предложенное кресло. – Все прекрасно понимают, в каком вы состоянии. Я год

---

¹ Si, entrare (итал.) – да, входите.

отходил после смерти жены, а она промучилась, бедняжка, почти два года, умирая от рака. А у вас совсем другая ситуация. Жена была молодой, красивой, талантливой. Но я пришел с вами не об этом поговорить.

– А о чем? – спросил Эрих и сел на диван напротив собеседника.

– Эдуарда Филипповича беспокоят ваши отношения с Зоей.

От удивления у Эриха поползли брови вверх.

– Отношения? – переспросил он и спокойно добавил: – Да нет у нас никаких отношений. Я сейчас не в том состоянии, чтобы заводить отношения.

– Я так и сказал ему. Я также добавил, что Зоя – девушка романтическая, неискушенная в любви, и может сама себе нафантазировать черт знает что.

Эрих промолчал, и Петр Семенович продолжил:

– Хотя правды ради надо заметить, что для нее вы партия очень даже подходящая. Вы состоявшийся человек, утонченный, способный понять тонкую девичью натуру.

И тут до Эриха дошло: Петр Семенович прощупывает почву, и не по своей инициативе, а по просьбе родителей Зои.

– Я повторюсь... – Эрих прочистил горло, – сейчас я не в состоянии заводить с кем бы то ни было отношения.

– Ну, на этом и порешим, – заключил Петр Семенович и встал с кресла. – Шеф придет завтра утром после завтрака. Он хочет, чтобы сеанс провели в вашем номере. В их доме сейчас много гостей.

Как только он вышел, зазвонил мобильный телефон.

– Это я, – послышался голос детектива.

– Что удалось узнать?

– Много чего, вы можете сейчас говорить?

– Да, конечно.

– Итак, по порядку. Я поговорил с французской парой, проживающей в соседнем номере. Их показания были противоречивыми, но я склонен верить жене. Она сказала, что в соседнем номере была не одна, а две женщины.

– Почему она так решила? – удивился Эрих.

– Ночью она слышала, как женщина выкрикивала по-французски несколько слов. Что-то типа: что ты делаешь, перестань, я так не хочу. Днем ранее она по

привычке обратилась по-французски к соседнему столику, за которым сидела Аста, девушка не поняла, что ей сказали, из этого француженка сделала вывод, что женщин в номере в ночь убийства было две. И голоса ей тоже показались разными. Но они не слышали, чтобы кто-то за ночь выходил или входил в номер кроме администратора.

– Путаница какая-то, – разочарованно произнес Эрих.

– Не думаю, как раз наоборот. У меня есть версия. А что, если он включает запись с предыдущего убийства?

– То есть это был голос Елены? – отозвался доктор и оцепенел.

– Да. Он мог включить ее голос, чтобы администратор его услышал. Аста в этот момент могла быть с кляпом во рту или вообще без сознания, ведь пытки длились не один час.

– А что с пятнами крови, почему к четырем утра он все еще был чист как лист бумаги?

– На этот счет у меня тоже есть версия. Он мог что-то на себя надеть, типа накидки или полиэтиленового плаща, который при случае можно быстро снять. Ведь недаром он был весь мокрый, когда открывал дверь администратору. Мне кажется, вся эта его прелюдия имеет одну цель – добиться унижения жертвы. Он стирает их настоящую личность и создает другую – образ легкомысленной и доступной женщины. Помните, как прислуга персонала в Ницце была удивлена, что Елена была замужем?

– Да, – отозвался Эрих.

– Он мог там использовать тот же трюк. Включить запись с предыдущего убийства. Горничная, которая нашла труп вашей жены, сказала, что она подумала, что Елена женщина легкого поведения. Мне все не давала покоя эта фраза. А когда я получил документы из Европола, то понял, почему она так сказала. Предыдущая жертва, убитая в Испании, была проституткой.

– Вам удалось поговорить с матерью Асты? Я с ней столкнулся на рецепции.

– Да. Я спросил, не знала ли Аста Елену, и она сказала, что нет. Я ей сказал, что их видели в ресторане в Москве, но мать даже не знала, что Аста была в России. Она рассказала, что Рихтер сделал ее дочери предложение в прошлом

месяце. Они обсуждали свадьбу и выбрали этот отель для первой брачной ночи, поэтому приехали осмотреться.

– Вы видели ее спутника? – поинтересовался Эрих.

– Нет, она была одна, – ответил удивленно Крюков.

– Когда она приехала в отель, с ней был немец, высокий, смазливый. Он пытался со мной заговорить, но я спешил, да и мне не хотелось, чтобы мое имя связали с этим местом преступления.

– Вы хотите, чтобы я за ними проследил?

– Нет, не надо. Им сейчас и без этого тяжело.

– Я останусь в отеле. Завтра утром заступает смена, которая дежурила в день убийства. Мне хотелось бы их опросить, да и инспектор здесь постоянно крутится, новости из первых рук, так сказать. Полиция еще не закончила с осмотром мусора и прилегающей территории.

– Хорошо. Оставайтесь. С нетерпением жду новостей. До завтра, – ответил Эрих.

***

На следующий день после завтрака в ресторане отеля Эрих поднялся в номер и расположился за письменным столом. Он тщательно записал все новые факты по делу Рихтера и стал анализировать полученную информацию.

Потом отложил записи и задумался над тем, что будет после того, как он закончит сеансы с Эдуардом Филипповичем. Куда ему двигаться дальше? Возвращаться назад в лесной домик отца ему уже не хотелось. А его суперсовременный большой дом напоминал о жене. Офис закрыт, его помощница уже устроилась на другую работу, и вообще продолжать ли ему практику, вот в чем вопрос.

В дверь постучали, и в номер заглянул Петр Семенович. Он бегло осмотрел номер и спросил:

– Вы один?

– Конечно один, – огрызнулся Эрих, его стали раздражать недвусмысленные намеки.

Петр Семенович распахнул дверь и в номер вошел Эдуард Филиппович, вид у него был уставший. Под глазами темнели круги.

– Доброе утро, – поздоровался Эрих и протянул ему руку.

– Доброе, – буркнул пациент и обессиленно опустился на диван.

– Как у вас прошли переговоры?

– Нормально, но результата пока нет.

– Вы выглядите очень уставшим, вы не спали?

– Нет, не спал.

Эрих специально замолчал, давая Эдуарду Филипповичу самому решать, что говорить, а что нет. Но сегодня пациент охотно пошел на контакт.

– Мне кажется, что земля уходит из-под ног. Все, что я строил, во что верил, – все рушится.

– Вы же вчера помирились с женой, откуда такой пессимизм, все наладится.

– Ничего не наладится. Она позволила себя сводить в оперу ради дочери и друзей, которые приехали из Америки. Все очень просто, она пока не готова афишировать наш разрыв. В итоге я сплю всю ночь в нашей спальне на жестком диване. Делать мне больше нечего.

В этот момент Эрих подумал, что он как раз сегодня спал крепко и даже не помнил, что ему снилось. Неужели кошмары отступили? А главное, его больше не беспокоили головные боли!

После паузы Эдуард Филиппович продолжил:

– Были друзья – предали. Была любимая работа – уволили. А мне уже шестьдесят два года. Поздно что-то менять. Теперь я понимаю, почему люди кончают жизнь самоубийством. Им просто некуда дальше двигаться.

– Человеку всегда есть куда двигаться. Работа в министерстве не единственная работа. Если жена с вами разведется, вы можете встретить другую женщину и снова влюбиться. В конце концов, всегда можно все бросить и уйти в духовный поиск.

– Я не вы. Духовность не по мне, – отрезал Эдуард Филиппович и поспешил перевести разговор на другую тему: – Давайте приступим к сеансу.

– Вы почувствовали хоть какое-то облегчение после двух сеансов?

Пациент на минуту задумался, потом резко ответил:

– Нет.

– Хорошо. Давайте приступим. Ложитесь на диван.

Краузе закрыл окна, задернул шторы и установил на треноге цифровую камеру перед диваном. Включив запись, Эрих ввел пациента в гипноз и провел его через две предыдущие жизни. Затем снова погрузил Эдуарда Филипповича в туннель и монотонным голосом произнес заученный текст:

– Я буду считать от десяти до одного, и, когда скажу один, вы окажетесь в своей предыдущей инкарнации. При этом вы сохраните свою личность и будете понимать, что это ваша прошлая жизнь. Вы не будете себя отождествлять с прошлой личностью.

Находясь в гипнотическом состоянии, Эдуард Филиппович пребывал в кромешной темноте. Он уже не раз был в этом состоянии, но сейчас все было до жути пугающим. После слов доктора он увидел очертания туннеля и пошел к входу.

– Десять... девять... Вы входите в туннель и набираете скорость. Восемь... семь... Двигаетесь все быстрее и быстрее. Шесть... пять... Стены начинают светлеть, вы двигаетесь все быстрее и быстрее.

Эдуард Филиппович ускорил шаг и почти побежал.

– Четыре... три... Стены почти белые. Яркий ослепительный свет застилает вам глаза. Два... Вы видите перед собой выход. Один... Вы снаружи. Вам комфортно, и вы в безопасности. Вы слышите мой голос?

– Да, – еле прохрипел пациент.

– Что вы видите перед собой?

– Я вижу яркий голубой свет, – сказал пациент и облизал губы. – Это небо.

– Хорошо, вы видите небо. Что вы делаете?

Пациент посмотрел вокруг себя и ответил:

– Я лежу на высохшей земле. Хочу пить.

– Оглянитесь вокруг, что это за земля?

– Равнина, – тихо ответил пациент.

– Что вы там делаете?

– Умираю.

– Умираете от жажды?

Пациент не ответил. Эрих удивился, и в третий раз пациент попал в свой последний день жизни. Как будто именно в этих днях, когда подводятся итоги прожитых дней, и кроется ответ на мучающий пациента вопрос.

– Где находится эта равнина?

– Я вижу отсюда северный склон горы Сьерра-Бланки.

– Опишите местность.

Пациент повернул голову вправо, затем влево и увидел бесконечную равнину, сплошь покрытую солончаковой пылью. Он хотел смочить горло, поднял флягу, но она оказалась пуста. Последняя капля упала на сухие потрескавшиеся губы. В бессилии он откинул голову и снова уставился в небо.

– Жара. Кругом пыль, никаких признаков жизни. Рядом со мной кусты чапарала. Если приглядеться, вдалеке можно увидеть горы, на них снег. Где-то там Небраска.

Доктор понял, что пациент жил в Северной Америке и находился где-то на территории современного штата Вайоминг в США.

– Как вас зовут?

– Меня кличут Крошка Джон.

– Почему? У вас маленький рост?

Джон посмотрел на свое тело и усмехнулся.

– Нет. Я не маленький.

– Какое сегодня число?

– Я не знаю, сколько времени я здесь.

– А какой месяц?

– Может, май, – предположил Эдуард Филиппович.

– Хорошо. Значит, весна. А можете сказать, какой сейчас год?

– Да, – усмехнулся пациент, – это чертов 1846 год.

Внезапно пациент наклонил голову и стал прислушиваться. Эрих спросил:

– Что случилось?

– Я что-то слышу.

Вдалеке пробежал койот, и Джон снова опустил голову и с облегчением выдохнул. Он не чувствовал нижней части тела, но руками мог шевелить.

– Почему вы один?

– Меня бросили дружки – Чарли Беспалый и Оливер Длинный.

– Почему они вас бросили?

– Чарли положил глаз на мою Похотливую Мамашу.

– На вашу мать? – переспросил Эрих.

– Это моя кляча! – взорвался пациент.

Эдуард Филиппович злобно рассмеялся, но его смех резко оборвался, и он со страхом произнес:

– Я слышу какой-то звук.

– Что за звук?

Джон поднял голову и увидел стаю летящих сарычей. Заметив внизу его распластанное тело, они захлопали крыльями и спустились на землю. Рассевшись по обе стороны от Джона, они затихли и стали ждать.

– Это сарычи. Прилетели подкормиться падалью, но я еще жив! – закричал Эдуард Филиппович.

Замахав руками, Джон стал отпугивать птиц. Они отлетели на метр-другой, но не собирались отказываться от пиршества.

– Почему вы лежите? Вы же можете встать и уйти.

Джон приподнял голову и увидел запекшуюся кровь на потрепанной рубашке.

– Я ранен. Прошел сколько смог.

Один из самых смелых и проворных сарычей подлетел к Джону и пробно клюнул в рану.

– Ааааа! – закричал Эдуард Филиппович.

Услышав его крик, Петр Семенович резко открыл дверь и забежал в номер. Эрих сделал ему знак выйти и спросил пациента:

– Почему вы кричите?

– Эта тварь клюнула меня в рану. Больно! – скорчился в мучительной гримасе Эдуард Филиппович.

– Успокойтесь, вы в безопасности, вы только смотрите и рассказываете мне.

Лицо пациента разгладилось от морщин, и он тихо сказал:

– До ночи мне не дожить.

Еще одна птица решила попробовать Джона на вкус и, подлетев, клюнула его в лицо. Эдуард Филиппович замахал руками и снова закричал.

– Успокойтесь, они не могут причинить вам вред.

– Они чувят мой конец. Осталось недолго, – произнес пациент и тихо завыл.

– Как вы оказались в этом месте?

– Я и мои дружки – дезертиры. Не хотим воевать с мексикашками. Пусть другие черепки подставляют.

– Как вы думаете, где сейчас ваши друзья?

– По дороге в Небраску. Поделили добычу, если не перебили друг друга.

Птицы попеременно подлетали все ближе и ближе, смыкая кольцо вокруг Джона.

– Какую добычу? – спросил доктор и сделал записи в блокнот.

– Мы грабанули склад боеприпасов, перед тем как покинули полк. У Чарли есть кому сбыть ружья и порох.

Стало понятно, что и в этой жизни пациент занимался грабежом, раз от раза отягощая свою карму.

– Ааааа! Мой глаз! – завопил пациент.

На часах сработал таймер, и доктор был вынужден вывести Эдуарда Филипповича из гипноза. Нашлось объяснение орнитофобии пациента, птицы исклевали его израненное тело, а возможно, нанесли последний смертельный удар.

– Я досчитаю от одного до трех, и вы проснетесь отдохнувшим и посвежевшим. Вы полны сил и энергии. Один... Два... Три...

Пациент открыл глаза и настороженно посмотрел на доктора. Затем резко вскочил с дивана и начал махать руками.

– Успокойтесь, Эдуард Филиппович, здесь их нет! – громко произнес Эрих.

– Птиц здесь нет!

Эдуард Филиппович огляделся по сторонам, понял, что находится в номере Эриха, и, с облегчением выдохнув, опустился снова на диван.

– Жуть какая! – воскликнул он. – Дайте мне воды!

Эрих вынул пол-литровую пластиковую бутылку из холодильника и протянул пациенту.

Выпив бутылку залпом, Эдуард Филиппович отдышался и вытер губы.

– Как вы себя чувствуете?

– Глаза на месте, – пошутил пациент.

– Пора поговорить, Эдуард Филиппович.

– Да о чем тут говорить? И так все понятно.

– Мы с вами прошли три жизни, – резюмировал Эрих и раскрыл блокнот. – Приштин Андрей Яковлевич – предатель Родины. Немецкий разведчик. Застрелен за оказание сопротивления при аресте. Жмара – грабитель на железной дороге. Прикован подельниками к рельсам. Погиб от наезда поезда. И, наконец, Крошка Джон – дезертир армии Соединенных Штатов, и опять смерть от рук дружков. Предательство ваш конек. Предают вас, предаете вы. Идет смена декораций и судеб, а итог один. И посмею предположить, что вчерашняя встреча с японцами тоже из этой оперы.

Эдуард Филиппович вскинул на него удивленно-гневный взгляд и поджал губы.

– Я искал среди вашего круга человека, вошедшего в вашу жизнь полгода назад. Но это оказался не человек, а деятельность. Вам нужно отказаться от сделки. Возможно, порочный круг разорвется, и вы сможете изменить свою карму. Другого выхода я не вижу.

– Петя! – громко позвал своего помощника Эдуард Филиппович.

От неожиданности доктор вздрогнул. Дверь открылась, и в комнату вошел Петр Семенович.

– Дай мне статью! – властным тоном произнес Эдуард Филиппович.

Петр Семенович вынул свернутый газетный листок из внутреннего кармана пиджака и протянул его шефу. Он хотел уже уйти, но Эдуард Филиппович показал ему на кресло.

– Остайся, мы перешли к деловой части нашего соглашения.

Доктор понял, что на этом откровения пациента закончены, и он приготовил нечто, что завершит их отношения. Почему-то сразу пришла мысль о Рихтере.

– Петя нашел эту статью в журнале о гипнозе. Насколько мы поняли, вы знакомы с ее автором, – деловито произнес Эдуард Филиппович и протянул статью Эриху.

Доктор развернул газетную статью и обомлел. Это была статья на немецком языке его учителя, профессора Майера. Статья была датирована 1999 годом и называлась «Практика изменения кармы».

– Какой вы нашли раритет! – усмехнулся Эрих.

– К сожалению, об этой практике очень мало информации, – отозвался Петр Семенович.

– Вы применяли этот метод на своих пациентах? – спросил Эдуард Филиппович.

– Нет. И вам эту методику не советую, – резко ответил Краузе.

– Почему?

– Потому что этот метод так и остался экспериментальным. Профессор пробовал проводить гипнозы на добровольцах, но после двух неудачных сеансов он больше не практиковал этот метод. Он слишком опасный, может причинить вред психическому здоровью. А учитывая вашу индивидуальную реакцию...

Не дав закончить мысль доктору, чиновник воскликнул:

– Позвоните ему!

– Зачем? Профессор уже не практикует, у него был инсульт.

Эдуард Филиппович многозначительно посмотрел на помощника, попрощался с доктором и вышел из номера. Петр Семенович набрал номер телефона и протянул трубку Эриху.

– Guten Tag! – услышал он голос профессора.

Краузе поздоровался и рассказал ему о новом пациенте и статье в газете. Профессор был уже в курсе ситуации и с радостью согласился приехать. Напоследок он воскликнул:

– Такой интересный случай! Я непременно приеду, ни за что не упущу такой возможности. Я только хотел знать, что ты не будешь возражать.

– Скажите ему, что наша машина стоит у его подъезда. Как только он будет готов, пусть выходит.

Эрих обомлел. Все уже было оговорено и предусмотрено, а ему снова отвели роль механического исполнителя. Доктор подумал, что, если бы не расследование убийства Елены, он никогда бы не дошел до третьего сеанса с новым пациентом.

Закончив разговор, Эрих протянул трубку Петру Семеновичу и недовольно сказал:

– Могли бы и сами ему позвонить, я даже удивлен, что сегодня утром профессор не постучал в дверь моего номера.

– Не кипятитесь. У вас с шефом соглашение, и каждый выполняет свою роль, – спокойно ответил Петр Семенович и вернулся в кресло.

– Разговор еще не закончен?! – с вызовом спросил Краузе.

– Я ничего не имею против вашего детектива Крюкова, но следственно-розыскные мероприятия он проводит по-дилетантски, – начал без предисловий Петр Семенович.

Эрих напрягся. Мало того, что за его спиной договариваются с его учителем, так еще лезут в методы расследования. Еле сдерживаясь, он сжал кулаки.

– Злитесь, сколько хотите. Вам, наверное, трудно сейчас в это поверить, но моя задача найти Рихтера любой ценой. Это и будет оплатой счета за ваши услуги.

Эрих немного расслабился и откинулся на спинку кресла.

– Мои люди установили, что в день убийства Асты Янсен в шесть часов утра пятнадцать минут из гостиницы «Biblos» вышел мужчина, одетый в спортивную одежду. Он выбросил в мусорный бак целлофановый пакет и марафонным шагом направился в сторону города. Через два часа похожий по описанию турист из Германии обратился в полицию города Виченца, что в пятидесяти километрах отсюда. Он заявил, что у него угнали машину, в которой лежали документы и деньги.

– Вы думаете, это Рихтер? – обомлел от удивления Эрих.

– Я уверен. О чем мы и сообщили инспектору, который ведет дело Янсен. Если вы поторопитесь, то...

Не успел он договорить, как зазвонил мобильный телефон Эриха.

– Краузе, – ответил доктор.

– Эрих! Они его взяли! – кричал в трубку Крюков. – Рихтера взяли!

Доктор Краузе смотрел через одностороннее стекло на убийцу своей жены и испытывал смешанные чувства. Он ненавидел этого человека всеми фибрами души, но как специалист понимал, что спусковым механизмом для убийств послужил отъезд его бывшей жены и сына. Рихтер страдал от маниакально-депрессивного психоза. Оставалось много вопросов, и доктор пытался поговорить с бывшим коллегой, выяснить, по какой причине он выбрал именно его супругу, но полиция только разрешила несколько минут посмотреть на него из соседней комнаты, и то в присутствии полицейского.

Профессор Майер стоял рядом с ним и говорил, как изменился Рихтер, что это был уже не тот человек, которого он знал. Теперь он выглядел как загнанный в клетку зверь. Озлобленный взгляд, впалые щеки, истерическое поведение. Его тон сменялся с тихого и вкрадчивого до истошного визга. Он, то смеялся, то плакал, а уже через пять минут впадал в забытие, и полицейским приходилось его тормозить. Но, несмотря на свое нестабильное поведение, Рихтер заявил, что он нисколько не раскаивается и сделал бы то же самое, если бы судьба дала ему еще один шанс. Он с удовольствием рассказывал о содеянном и смаковал подробности избиения и удушения Асты. По его словам, ее он убил только за то, что та хотела вернуться в Германию и принять участие в певческом конкурсе. Он не сомневался, что после этого ее окружили бы бесчисленные поклонники, и она непременно бы его бросила. О других жертвах он говорил то же самое: они хотели его бросить и получили по заслугам. Из всех жертв Рихтер с охотой говорил только об Асте, остальных касался вскользь, и то только потому, что полицейские осаждали его вопросами.

В полицию также приехала мать Асты Янсен в сопровождении своего друга немца. Больше он не подходил к Эриху и не пытался с ним заговорить. Присутствие Эриха в полиции его нисколько не смутило, немец, будто ожидал их встречи, дружелюбно поприветствовал доктора кивком, как приятеля и ни на шаг не отходил от матери жертвы.

Эрих смотрел на Рихтера и думал, что пришел конец полугодовой гонке за ответами. Как же он устал от бессонных ночей и кошмаров, от догадок и предположений. Сегодня он насладится хотя бы тем, что этот монстр не будет

бегать на свободе, мучить и лишать жизни беззащитных женщин! Сегодня день возмездия!

После того как Рихтеру зачитали обвинение, его повезли в офис Европола в Гаагу для дальнейшего расследования предыдущих убийств. Как только убийца скрылся в микроавтобусе с затемненными окнами, Краузе глубоко вздохнул, выпрямился и расправил плечи.

Крюков попросил расчет и выехал в аэропорт. В отличие от Эриха, он был убежден, что дело об убийстве Елены еще не закончено. Они расстались на том, что Крюков пообещал приехать к Эриху с подробным отчетом, как только тот вернется в Москву.

Домой Краузе возвращаться совсем не хотелось, он представлял себя в просторном коттедже в одиночестве, и это наводило на него невероятную тоску. Он предложил профессору поехать с ним на недельку на Сицилию, и тот с радостью согласился. Общение с Эрихом профессору доставляло большое удовольствие, и он не хотел оставлять своего любимого ученика одного в угнетенном состоянии.

Майер и Краузе вышли из здания полиции и зашли в ближайший католический храм, где зажгли свечи в память о Елене. Профессор предложил поужинать и выпить по бокалу вина по случаю поимки Рихтера. Во время ужина профессору даже удалось рассмешить своего ученика, чем он вполне остался доволен. Они сидели в маленьком ресторанчике под кованой перголой, увитой белоснежными цветами. Эрих с любопытством поглядывал на прохожих. За соседним столиком мужчина взял гитару в руки и после нескольких громких аккордов мягким бархатистым голосом запел своей возлюбленной неаполитанскую песню. Посетители восторженно наблюдали за парочкой. В этот момент Эрих почувствовал, как невыносимая боль, мучавшая его многие месяцы, начала постепенно отступать.

Веселый задиристый нрав профессора не угасал даже после тяжелой болезни. Казалось, его никто и ничто не сможет сломить. После общения с ним Эрих понял, что нужно продолжить свою работу, теперь он уже в этом не сомневался.

Несмотря ни на что, нужно жить дальше!

За ужином профессор рассказал, что сеанс с Эдуардом Филипповичем прошел успешно. Вопреки корявому переводу второсортного переводчика, он замкнул пациента в кольцо времени и изменил его дух, направив кармическую память в русло созидания, служение его близким и стране. И, хотя Эрих не смог присутствовать на самом сеансе, Эдуард Филиппович сам лично позвонил ему и поблагодарил за оказанные услуги, после чего пациент вернулся в сопровождении дочери и охраны назад в Москву.

Эрих еще не знал, что его пациент все-таки прислушался к его совету и отказался от сделки, которая ущемляла интересы страны во благо его кошелька. Ведь именно эта сделка, а Эдуард Филиппович больше в этом не сомневался, повлияла на его жизнь полгода назад и вызвала такой шквал неприятностей.

В одно и то же время два разных человека на расстоянии друг от друга в три тысячи километров проходили через перерождение. Эдуард Филиппович в этот момент ужинал у себя дома в Москве и рассказывал Зое о ее детских шалостях. Зоя заливалась смехом и просила рассказать еще. Настроение Эдуарда Филипповича заметно улучшилось. Сегодня у него был знаменательный день, жена сообщила, что дает ему еще один шанс, и ему уже неважно было, из-за чего она так поступила. Важно, что они снова будут вместе.

Он больше не вспоминал о своих прошлых воплощениях, по его просьбе профессор «стер» их из памяти. Но вот чего он никак не мог понять, так это почему еще совсем недавно ему в голову лезли суицидальные мысли. Разве ему незачем и не для кого жить?

В этот же момент Эрих сидел в обществе своего учителя в уютном ресторанчике на одной из миланских улиц и слушал о новых студентах профессора, которые задавали точно такие же вопросы, как когда-то курс Эриха. Между столиками сновали проворные официанты и шутили с постоянными посетителями. Близилась полночь, и прохожих становилось все меньше и меньше. Эрих размышлял о смысле жизни и о своем будущем. Что ждет его впереди?

На телефон пришло сообщение, он прочитал:

«Вы мне задолжали один сеанс гипноза и показ дома. Возвращайтесь скорее, вас ждет сюрприз ☺ ☺ ☺».

Эрих сразу понял, что это сообщение от Зои, и улыбнулся. Он послал ей знак вопроса, мол, что за сюрприз и с интересом ждал ответа, но Зоя хранила молчание.

Профессор рассказывал о своей последней исследовательской работе, но мысли Эриха были уже совсем далеко.

***

Приехав в аэропорт, Крюков прошел регистрацию и сел в зале ожидания подальше от посторонних глаз. Он открыл ноутбук и, запустив почтовую программу, стал проверять входящие сообщения. Увидев адрес следователя, ведущего дело Елены Краузе в Гааге, он поспешил открыть письмо. Следователь, с которым у него сложились приятельские отношения, сообщал, что получил фотографии с четырех предыдущих мест преступлений. К письму было приложено более тридцати снимков. Михаил открыл конверт и разложил на коленях фотографии с места убийства Елены и начал их сравнивать с полученными фотографиями по почте. Ему хотелось найти как можно больше общих знаменателей, чтобы вывести почерк убийцы. Что-то не давало ему покоя. Слишком много мелочей шли в разрез с последним убийством.

После получасового просмотра его внимание привлекла одна деталь. Почти на всех снимках на прикроватных тумбочках стояли большие часы в черной деревянной раме на подставке. Часы выглядели старинными. Детектив закрыл глаза и стал вспоминать номер гостиницы, в котором убили Асту. Никаких часов он там не видел, даже наручных. Еще раз внимательно изучив фотографии, на которых были видны часы, он чуть не подпрыгнул от неожиданности.

На всех фотографиях часы показывали одно и то же время – 22:15!

Диктор на итальянском и английском языках объявила о начале регистрации рейса «Милан – Москва». Крюков сосредоточенно смотрел на фотографии и судорожно соображал, куда его может вывести этот факт. Значило ли это, что убийца Елены и Асты не один и тот же человек? Или убийство певицы было незапланированным? Потому-то убийца не смог поставить свою фирменную подпись.

Крюков принял решение вернуться в отель «Viblos». Быстро собрал вещи и, выскочив из здания аэропорта, побежал к ближайшему такси.

Продолжение следует...

Ноябрь 2013 г.